

С. Г. КИРДИНА

XV

ЭКОНОМИКИ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ПОЛИТИКА

ИДЕОЛОГИЯ

ЭКОНОМИКА

НАУКА

ВВЕДЕНИЕ

Как говорили древние римляне, *Nulla fere causa est in qua non femina litem moverit*, т.е. "Нет такого дела, в котором не затеяла бы спор женщина". Сегодня таким делом, за которое стоит взяться, служит экономическая теория. В ней накоплено столько достижений и одновременно выдвинуто столько спорных гипотез, что тут заведомо есть с чем дискутировать. Тем более нам, российским ученым, пробуящим приложить классические, кажется, положения к исследованию нынешних отечественных реалий. Видный французский теоретик "регулятивизма", Роберт Буайе, полагает, что понимание происходящего в переходной экономике России - это основной критерий значимости современной экономической науки. "...Ибо "великое преобразование" России ставит множество проблем, не находящих очевидного решения в рамках имеющихся экономических теорий... Этот беспрецедентный исторический эпизод приведет к тому, что все экономические теории полностью преобразуются или окончательно утратят свое значение. И теории регуляции тоже!" (Буайе. С. 31). Действительно ли это так?

В истории любого государства периоды революционных преобразований или масштабного реформирования, пожалуй, самые интересные и внимательно изучаемые обществоведами. Фокусом анализа в таких случаях служит взаимодействие нового и старого, соотношение планов и замыслов революционеров и реформаторов, с одной стороны, и результатов их действий - с другой. Периоды сломов и преобразований социальных структур позволяют явно увидеть их устойчивые, непреобразуемые компоненты, равно как и потенциал восприятия и адаптации нового опыта. Россия двух последних десятилетий - уникальная лаборатория такого рода, в которой ученые могут наблюдать и исследовать трансформации важнейших социально-экономических процессов.

Вряд ли нужно специально доказывать, что поиск новых теоретических схем особенно актуален в таких ситуациях. Перестройка, начавшаяся в Советском Союзе с середины 1980-х годов, потребовала адекватных научных обоснований взамен дискредитировавшей

себя политической экономии социализма. В стране таких схем, убедительных для политического руководства и поддержанных в целом научным сообществом, предложено не было. Поэтому воспользовались, как это часто бывало в истории России, "заморскими рецептами". "Плюсы" и "минусы" такого заимствования до сих пор обсуждаются, и однозначных оценок здесь нет, как нет и единого мнения по поводу полученных с помощью этих рецептов результатов. Тем не менее общепризнанным можно считать тот факт, что заимствованные теоретические схемы и практический опыт зарубежных стран, прежде всего Европы и США, не сняли с повестки дня задачу разработки адекватных социально-экономических концепций, приложимых к российским реалиям.

Мы предприняли попытку построения новой теоретической схемы, которая может быть использована в качестве инструмента для такого понимания. Как микроскоп - новое техническое средство - позволяет увидеть то, что не видно

"невооруженным глазом", так и теория, или новое методологическое средство (если она отвечает уровню необходимого исполнения, или совершенства), могла бы позволить увидеть те процессы, которые от "теоретически невооруженного взгляда" скрыты, им неразличимы. Опыт построения такой теории, названной нами *теорией институциональных матриц*, был предложен в 2000 г. (Кирдина, 2000а, 2000б). Базовые ее положения, которые необходимы для понимания, будут изложены в этой книге в соответствующих параграфах. Но основное внимание в ней будет уделяться развернутому описанию специфики экономических институтов, т.е. институциональному сравнению X- и Y-экономик. Изучение таких экономик составляет один из разделов теории институциональных матриц, разработанной для анализа типов обществ и, соответственно, их экономических (наряду с политической и идеологической) подсистем.

Неожиданно для нас идеи, изложенные в этой книге, оказалось возможным трактовать как антитезу экономическому империализму нобелевских лауреатов Г. Беккера, Дж. Бьюкенена и др., получившему распространение во второй половине XX в., причем сразу по двум его составляющим. Как известно, экономический империализм представляет собой экспансию методов ортодоксального экономического анализа на сопредельные области, ранее не входившие в предмет экономической науки. Другими словами, многообразные явления социальной жизни трактуются средствами экономической науки, т.е. выявленные закономерности хозяйственной жизни, действующие в ней механизмы и принципы рассматриваются как средство для понимания явлений самого широкого плана - от демографических до культурно-поведенческих.

В противоположность такому подходу в нашей книге, наоборот, для исследования экономики применяется методология смежной об-

- 5 -

ласти знания - социологической науки, а сама экономика рассматривается как срез, проекция, подсистема общественной структуры, единого общественного организма. Действующие в ней правила и закономерности определяются преимущественно законами функционирования этого целого, что служит отправной точкой исследования двух типов экономик, описанных в книге. Основным методом для нас является институциональный анализ, представляющий собой в данном случае не только синтез экономики и истории (Гидденс, 1993. С. 106), но и социологии.

Другая особенность экономического империализма, против которой выступает наша теоретическая схема, - использование единых дедуктивных методов неоклассики, базирующихся на общих предпосылках методологического индивидуализма. К этим предпосылкам относятся допущения о максимизирующем поведении индивидов, существовании равновесных рынков и стабильности предпочтений на основе выбора. Естественно, что при таком подходе становится возможным изучать в основном лишь те экономики, для которых данные предпосылки верны в наибольшей мере. Зачастую при этом преимущественным предметом рассмотрения становится так называемая микроэкономика, в которой эти индивиды действуют. Хозяйственные системы другого типа, которые разными авторами и в разные периоды назывались "азиатским способом производства" (К. Маркс), редиistribuтивными экономиками (К. Поланьи), централизованно управляемыми экономиками (В. Ойкен) и т.д., при таком подходе либо выпадают из анализа, либо вкладываются в "прокрустово ложе" используемой методологии. По отношению к таким экономикам "экономический империализм" рассматривается рядом ученых как насильственно применяемая аналитическая

схема, не позволяющая разобраться в сущности хозяйственных отношений. Во всяком случае, внимание исследователей концентрируется лишь на части экономических явлений, не всегда доминирующих в реальной жизни ряда стран.

Этой стороне экономического империализма в книге противопоставляется теоретическая схема, в которой экономики рыночного типа рассматриваются лишь как один из двух типов экономик, а именно Y-экономики. Наряду с ними равноправным объектом изучения выступают реально существующие X-экономики и свойственные им институты. Здесь можно отметить соотнесенность наших исследований с областью сравнительной компаративистики. Крупнейшие ее разделы - анализ экономических систем (посвященный в свое время сопоставлению капитализма и социализма) и сравнительный институциональный анализ (*Greif, 1998; Aoki, 2001* и др.) также ставят своей задачей охватить все многообразие реальных экономик. Но нерешенной методологической проблемой здесь до сих пор оставался способ преодоления разрыва между специфиче-

- 6 -

ским анализом конкретных ситуаций и "общим пониманием экономических систем" (*Ананьин, 2003. С. 13*). Нами предпринята попытка построения такой обобщающей исследовательской схемы с тем, чтобы преодолеть "нетождественность значений" нейтрально системных, казалось бы, терминов, выявляющуюся при анализе конкретных экономических ситуаций разных стран. Тем самым появляется возможность создания инструмента, который бы позволил сопоставить разные экономики с единых теоретико-методологических позиций, рассмотреть их в одном логическом ряду. При этом мы концентрируем внимание на тех характеристиках, которые обеспечивают "устойчивость системы, измеряемую ее способностью к длительному развитию, темпы и характер которого удовлетворяют потребностям нации в конкретных исторических условиях" (*Ольсевич, 2002. С. 66*), т.е. базовых экономических институтах.

Предложенная теоретическая схема, на наш взгляд, противостоит, или, точнее говоря, позволяет преодолеть ограничения и другой агрессивной парадигмы. Речь идет об исторически закреплённой в отечественном обществоведении идее о специфичности России. Конечно, слова "уникальность и самобытность России", "особый российский путь", "загадочная русская душа" и многие другие ласкают наш патриотический слух. Они (как аналогичные утверждения всех других народов) преисполняют общество сознанием того, что наши страна и народ - избранные, совершенно особенные и ни на кого не похожие. Но для ученого-обществоведа эта позиция, выраженная в бессмертных строках Ф.И. Тютчева "умом Россию не понять, аршином общим не измерить...", является многолетним вызовом и укором. Почему? Потому что наука начинается там и тогда, когда во множестве явлений, событий, фактов выявляются общие тенденции, типичность, единые законы, которым подвластна исследуемая наукой реальность, когда выделяются группы однородных объектов, классы, скрытые структуры. Уникальному же можно только дивиться, его можно воспевать в стихах и прозе, но не изучать.

Настоящая книга, в которой исследуются X- и Y-экономики - одна из попыток представить убедительную и аргументированную теоретическую схему, в которой уникальная Россия рассматривается как "частный случай", как страна, где действуют законы X-экономики, характерные и для других стран. В этой схеме Россия может быть корректно сопоставлена с другими государствами, что позволяет увидеть и общее, и особенное в ее устройстве.

Как построена книга? В ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ охарактеризованы наиболее интересные, на наш взгляд, направления развития современной экономической теории в России после политической экономии социализма. В Главе 1 представлены альтернативные по отношению к экономическому империализму подходы, для которых

- 7 -

характерно применение в экономике методологии и идей из других наук. Они отобраны по принципу сходства методологических поисков коллег с нашими собственными. Можно увидеть, как применяется комплекс культурологических идей - в концепции метаисторического анализа цивилизаций и в социокультурном подходе. Также обозначены отечественные исследования в области эволюционной экономики, применяющей эволюционный подход, заимствованный из биологической науки. В Главе 2 подробнее рассмотрены особенности постсоветского институционализма, т.е. применения институционального подхода к анализу экономических явлений. В Главе 3 даны необходимые для дальнейшего понимания основные положения теории институциональных матриц. Они развивают социологический макроинституционализм, характерный для Новосибирской экономико-социологической школы.

Если первые две главы эрудированный читатель, которого интересует только авторская позиция по поводу X- и Y-экономик, может пропустить, то Глава 3 требует обязательного прочтения. Конечно, это справедливо в тех случаях, когда читатель не знаком с предыдущими нашими работами, специально посвященными этой теме. Особенно важным является третий параграф, поскольку в нем раскрываются причины (или наша гипотеза относительно причин) того, почему в человеческой истории складываются два типа обществ и, соответственно, два типа экономических систем.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ книги посвящен подробному описанию институционального устройства X- и Y-экономик. Здесь, в главах 4-9, рассматриваются сходные по функциям, но альтернативные по содержанию институты, действующие в разных экономиках, максимально приспособленные к условиям окружающей среды. Характеристика и исторические иллюстрации действия институтов менее изученной X-экономики представлены преимущественно на основе российской практики. Тем самым уже в этом разделе теоретические положения начинают использоваться в качестве того самого "методологического инструмента", который позволяет увидеть "скрытые" при других теоретических подходах закономерности развития российского хозяйства. Например, в книге дан анализ земельных отношений в России, регулируемых характерным для X-экономики институтом условной верховной собственности. В Главе 9, заключающей раздел, рассмотрены механизмы самоорганизации X- и Y-экономик. Показано, что нарушение институционального баланса хозяйственных систем ведет к кризисам, хотя механизмы этих кризисов различны для X- и Y-экономик.

Теории заслуживают внимания в том случае, если они помогают понять, а еще лучше - предвидеть то, что нас ждет. Поэтому в книге специальное внимание уделено описанию практического приложения новых теоретических положений. В ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ

- 8 -

(Глава 10) изложены новые взгляды на природу денег и финансов в X-экономиках, вновь на примере России. Показано различие природы налогов в

X- и Y-экономиках. В Главе 11 излагается опыт социально-экономической диагностики как формы реализации теоретического знания (на примере консультирования крупнейшей российской корпорации). В 12-ой, заключительной, главе книги дан анализ истории российской экономической мысли. Здесь теория институциональных матриц, как и ее раздел об X- и Y-экономиках, представлены сохраняющими преемственность с работами прошедших веков - от Посошкова в XVIII в. до ближайшей нашей предыстории - политической экономии социализма XX в. "Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе" (*Библия, Ин, 15, 4*), так и научные исследования малопродуктивны, если не опираются на результаты работы предшественников и не продолжают сложившихся традиций.

Но исследования также малопродуктивны, если не позволяют заглянуть в будущее. Поэтому в ЗАКЛЮЧЕНИИ мы предприняли дерзновенную попытку спрогнозировать ход развития не только России, но и всей глобальной экономики. Сравнивая траектории государств, в которых доминируют X- и Y-экономики, понимая их взаимовлияние и комплементарность, мы рискнули предположить, что содействие эволюции экономических систем разного рода станет в будущем более популярным, чем попытки их трансформировать. Понимание специфики институционального устройства X- и Y-экономик, изложенное в этой книге, может содействовать этому естественному процессу. И, вероятно, приблизит нас к созданию "общей теории экономической относительности" (*Ольсевич, 1995. С. 7*), что стоит на повестке XXI в.

Москва, февраль 2004 г.

- 9 -

БЛАГОДАРНОСТИ

Замыслу и написанию этой книги содействовали две группы событий. Первая - переход на работу в Институт экономики Российской Академии наук (г. Москва), который состоялся в 2002 г. Заинтересованное внимание и поддержка новых коллег помогли кристаллизации замысла публикации и обогатили новыми знаниями. Прежде всего хочется поблагодарить Леонида Ивановича Абалкина, Олега Игоревича Ананьина, Сергея Анатольевича Андрюшина, Юлия Яковлевича Ольсевича и Дмитрия Евгеньевича Сорокина.

В результате живых и свободных дискуссий с Владимиром Ивановичем Маевским рождались название книги, новые повороты сюжета, дискутировались даже характер и стиль изложения, поэтому хочется выразить ему особую и искреннюю признательность.

Другая группа событий, способствовавшая написанию книги, - начавшееся с того же года сотрудничество с концерном "Росэнергоатом", позволившее практически применить и уточнить некоторые положения нового теоретического подхода. Особую благодарность хочется выразить Алле Игоревне Архангельской, Михаилу Олеговичу Протопопову, Павлу Витальевичу Романову, а также нашим основным партнерам на Волгодонской АЭС - Людмиле Михайловне Исаевой и Александру Васильевичу Паламарчуку, и на Кольской АЭС - Юрию Борисовичу Коломейцеву, Евгению Викторовичу Никоре и Элеоноре Ивановне Хубецовой.

На заключительном этапе работы неоценимую техническую помощь в работе над рукописью оказала Светлана Маратовна Закирова.

Вдохновляющим стимулом для завершения работы над новой книгой послужило рождение внука - Михаила Алексеевича Кузьмина. Направленность на лучшее будущее становится весьма предметной при таких событиях, и, хочется надеяться, что теоретическое осмысление экономической практики

России и других стран, предложенное нами, поможет достижению этого будущего.

Раздел I

ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

*...Из мрака вышел разум мудреца
И в горней высоте - без страха и усилья -
Мерцательных идей ему взыграли крылья.
А. Блок*

С конца 1980-х годов реальные процессы в Советском Союзе стали развиваться по логике, которая не могла быть объяснена в рамках господствовавшей в то время в СССР социально-экономической теории¹. Проявилась практическая неадекватность методологических концепций, базировавшихся на положениях политической экономии социализма, и теории развитого социализма. Ситуация усугублялась тем, что наша страна гораздо позже многих развитых государств оказалась информационно включенной в процессы глобализации и плодотворного широкого научно-технического обмена. Это не содействовало обогащению методологии российской экономической науки за счет достижений мирового уровня, сдерживало развитие нового понятийного аппарата для анализа происходящих в нашем обществе процессов. Наконец, отмеченное многими исследователями недостаточное обновление научных кадров накануне перестройки, "закрытость и кастовость" академических учреждений, слабый приток молодежи в науку отрицательно сказались на развитии научной методологии, послужили тормозом для появления новых идей и подлинных научных открытий. В результате, в 1980-90-е годы фундаментальные теоретические исследования в отечественной экономической науке оказались в кризисном состоянии.

В то же время кризис, как это часто бывает, оказал и благотворное влияние, расчистив место новому. "На пепелище" прежней экономической методологии под воздействием свежих веяний и идеологической свободы стали формироваться оригинальные аналитиче-

¹ Справедливости ради следует заметить, что экономические теории других направлений того времени, в том числе ортодоксальные методологические схемы мэйн-стрима, советологические концепции и т.д., также не позволили спрогнозировать реальный ход событий в переходных экономиках.

ские схемы, внедряться заимствуемые из мировой науки образцы. Эту ситуацию можно описать приведенными в эпиграфе словами А. Блока.

В поле нашего рассмотрения мы включили наиболее интересные, на наш взгляд, "мерцательные идеи современных мудрецов", разрабатываемые в области экономического анализа. Они базируются на различных основаниях, отличаются своеобразными системами понятий и по-разному определяют содержание и перспективы современных российских реформ. В них реализуются принципиально несхожие пути конструирования и приложения социально-экономического знания

Целью обзора в данном случае служит не столько ознакомление читателей с новыми подходами, сколько дотошное их изучение на предмет того, что эти

подходы способны дать для понимания происходящих в России процессов. Наши собственные теоретические построения оправданы, если они дополняют пространство ответов на актуальные вопросы, предлагают отличный от других взгляд, задают и реализуют новый фокус анализа.

Выбор анализируемых исследовательских схем обусловлен рядом критериев. Во-первых, взяты схемы, имеющие либо ярко выраженный авторский характер и заинтересовавшие научную общественность, либо отражающие распространенный подход, имеющий значительное число последователей. Во-вторых, критерием отбора служит специфика результатов, получаемых использующими данные подходы авторами. Другими словами, палитра отобранных аналитических схем демонстрирует одновременно и разнообразие получаемых с их помощью результатов, и выводов. В-третьих, "сработал" и субъективный критерий. Представленные авторы формируют определенный круг известных друг другу профессионалов. Между нами неоднократно проходили частные и публичные дискуссии на различных семинарах и конференциях.

Это позволило уточнить и более ярко обозначить каждую из представленных схем. Тем не менее ссылки даются только на опубликованные работы наших коллег, а личные беседы послужили лишь средством уточнения оценки каждого из представленных на страницах книги подходов.

- 12 -

Глава 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СХЕМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

*Свободное комбинирование деталей в новых,
запрещенных для существующей модели
культуры сочетаниях есть творчество
ЮМ. Лотман*

Одной из тенденций, характеризующих развитие современной экономической науки во всех странах, а в России - особенно, становится расширение используемых подходов за счет достижений смежных, а подчас и далеких друг от друга наук - от социологии и философии до биологии. В этой главе представлены исследовательские схемы, где такая тенденция прослеживается особенно четко. Их авторы осознанно расширяют рамки анализа хозяйственного развития России, разрабатывая новую методологию анализа с привлечением либо социально-богословских подходов (И.В. Можайскова), либо развивая культурологические традиции (А.С. Ахиезер и Н.И. Лапин), либо на основе биоэволюционных подходов с применением данных численных экспериментов (С.Ю. Глазьев и В.И. Маевский).

1.1. Метаисторический анализ цивилизаций

Этот подход предложен ученым-экономистом Ириной Владимировной Можайсковой. Результаты ее почти 10-летней работы отражены в вышедшем недавно четырехтомном труде (*Можайскова, 2001-2002*). Автор вводит в научный оборот разработанную ею схему метаисторического анализа цивилизаций, которая предлагается для

исследования закономерностей развития экономических систем. В чем суть такого подхода, и каким образом автор реализует его в конкретных исследованиях?

Основная методологическая идея И.В. Можайсковой, которая лежит в основе упомянутого труда и подготовленного на этой базе доклада "Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций" (Можайскова, 2003), состоит в следующем. Констатируя неудовлетворенность "возможностями современной науки в познании мира", автор предлагает осуществить синтез науки и религии, полагая возможным на этой основе сформировать адекватное миропонимание "для отражения закономерностей мирового развития". Если точнее, автор предпринимает попытку "соединить религиозные знания с конкретным историческим материалом русской исто-

- 13 -

рии многих столетий" (Там же, 2003. С. 7), а также историей других цивилизаций. Предваряя анализ данного подхода, рассмотрим сначала методологические основания автора, поскольку нерушимость методологического фундамента определяет прочность выстраиваемого на нем здания аргументов и доказательств.

Рассмотрение этого вопроса представляется тем более важным, что реализуемые в современной России свобода совести и вероисповедания содействовали активному освоению накопленного за тысячелетия богатства религиозного мировоззрения, замалчиваемого в советский период. Освоение это не может быть легким. Тем более непростым является взаимодействие религиозного и научного знаний, традиции которого практически утеряны нашим поколением. Поэтому внимательно рассмотрим попытку синтеза научного и религиозного подходов, предпринятую И.В. Можайсковой. Насколько правомерна и перспективна такая попытка, опирающаяся на труды известных представителей религиозно-философской мысли России конца XIX - середины XX века?

По нашему убеждению, наука и религия представляют собой два дополняющих друг друга, но не сливающихся способа познания мира. Они отличаются и своими целями, и качественно различными формами деятельности. Как отмечал еще наш великий соотечественник - В.И. Вернадский, происходит неизбежное и постоянно наблюдаемое "питание науки идеями и понятиями, возникшими как в области религии, так и в области философии" (Вернадский, 2002. С. 64). Но также очевидно, что, "могущественно влияя друг на друга, все эти стороны духовной жизни человечества совершенно различны по занимаемой ими области" (Там же. С. 62). Религия характеризует отношение человека к духовному, рационально непостижимому миру. Она несет в себе веру в сотворившего мир и вечно пребывающего в нем Бога, обращена к человеческой душе и направлена на ее спасение. В этом смысле религиозное учение и выражающие его пророки всех времен и народов адресуются к каждому конкретному человеку, взывая, напоминая о сопричастности каждого индивидуума Божественному началу, пробуждая в нем это начало, которое поможет ему "хорошо и праведно" жить на этой земле и спастись тем самым для жизни будущей. В основе религии всегда лежит вера, ибо религия - о непостижимом, непознаваемом, логически непроверяемом, о том, что превышает человеческого разума.

Наука, напротив, по своим целям направлена на выявление законов непосредственно наблюдаемого окружающего материального мира - мира природного и социального. Наука оперирует с реальными, фиксируемыми при помощи наблюдения и приборов, фактами, систематизирует их, выявляет закономерности, проверяя их экспериментально или исторически, использует полученные знания в интересах человечества, расширяя его возможности существовать в

- 14 -

материальной среде. "Она учит о формах материи, а не о движениях и целях духа, что составляет область религии" (*Святитель Лука* С. 44). Если религия - это попытка охватить все мироздание, то предмет науки - это лишь одна из его проекций, "схваченная" научными, эмпирически проверяемыми и логическими методами, лишь одно из средств познания Бога.² Поэтому "религия и наука - это две принципиально разные области человеческой деятельности. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы" (*Осипова* 2002. С. 179).

Возможно ли заявленное И.В. Можайской совмещение науки и религии, как они смыкаются? На наш взгляд, их сосуществование, конечно же, имеет место, и это место - в сознании, в душе конкретного человека. Ученый, занимаясь тем, что предназначено ему в жизни, может получить сигнал - интуицию, догадку, гипотезу из высших, Божественных сфер, и развивать их как научное знание, используя характерные для науки способы деятельности, аргументы, доказательства и эксперименты. Вера дополняет науку через постижения, ощущаемые верующим ученым как откровения, через его стремление как можно лучше и честнее выполнить свое дело реализуя "Божий промысел". "И тогда мы видим, что религия не противоречит науке, но религия движет науку. ...Самые качества упорного исследования - самоотверженный труд, вера в конечный результат, смирение - является более всего продуктами религии" (*Святитель Лука*. С. 60-61). Вера очищает человека, облегчает путь к пониманию сложностей мира, наталкивая его на "открытия", которые, по сути, являются следствием смиренного восприятия Божественного порядка.³ Такое смирение позволяет элиминировать; влияние "человеческой самости", стоящей препятствием между человеком и миром. И услышать, почувствовать, "открыть" его законы. В свою очередь, религиозные деятели, как и выдающиеся святые, владея современными научными данными, могут использовать, их в "междисциплинарном диалоге" с учеными, содействуя налаживанию контактов и взаимопониманию между представителями духовной сферы. Что же касается совмещения религиозного и научного способов познания в единой методологической процедуре, в общей теории, то, на наш взгляд, это вряд ли возможно. Принципиальная несоединимость научного и религиозного способов познания будет являться непреодолимым препятствием для построения операциональных процедур, в русле методологий, ориентированных на достижение такого "синтеза".

2. "Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы..." (*Библия, Рим. 1, 20*).

3. Применительно к нашим коллегам из поэтического цеха эту мысль точно выразил А.С. Пушкин в стихотворении "Пророк".

Последуем за автором и проверим наши предположения, попытаюсь следовать логике И.В. Можайской. "Метаисторический анализ", как это можно понять по тексту книг (возможно, наше понимание неполно), означает, что для выявления закономерностей развития той или иной страны, во-первых, необходимо отнести ее к определенной цивилизации (поскольку цивилизации различаются содержанием свойственной им "метаисторической идеи"), и, во-вторых, определить сущность этой идеи.

Что такое метаисторическая идея? Автор пишет, что "основой метаисторической идеи является религиозная задача, состоящая в выработке ценностного отношения к миру и целям человеческого бытия..." (Можайскова, 2001-2002. Т. 1. С. 342). Другими словами, определяющим фактором метаисторической идеи является характерная для общества религия, которая создает структуру ценностей и определяет "трансцендентный уровень конечных ориентации общества" (Там же). Впрочем, далее И.В. Можайскова пишет, что такого - лишь с опорой на религию - понимания недостаточно, что "метаисторическая идея выражена и в ценностях религиозного спасения, и в направлениях духовной интеграции разных народов и этнических групп, и в формах взаимосвязи духовной и социальной структуры (включая характер политической власти, государственности), и в характере светской культуры, основных ее видах, формах, и в динамике цивилизационных структур..." (Там же. С. 351).

Это определение метаисторической идеи - одно из наиболее четких и кратких. Приводимые далее разъяснения этого понятия, основанные на понимании термина "миф" Д. Андреевым (в частности, в его "Розе мира"), уже практически не поддаются возможной научной операционализации в привычном ее понимании. В результате, сама же И.В. Можайскова, приступая к анализу "метаисторической идеи" в развитии цивилизаций, замечает, что "речь идет о явлениях, которые не поддаются скальпелю рационального препарирования", поэтому "в их освещении мы будем опираться на художественно-образное восприятие духовного мира религиозными писателями или социологами" (Там же. С. 355). Таким образом, автор, стремившаяся соединить "новые методологические подходы к пониманию смысла истории, которые появились только в XX в. (цивилизационная школа, школа "Анналов)", с теми наработками, которые обозначились в русской религиозно-философской и мистической литературе" (Там же. Т. 4. С. 597), тем не менее вынуждена констатировать, что такой подход "требует художественно-поэтических форм для своего выражения" (Там же. С. 595). По нашему мнению, этим ставится преграда дальнейшей формализации метаисторического анализа цивилизаций, а, следовательно, и использованию данного подхода другими исследователями. Он становится авторской

точкой зрения, персональной метафорой, методически нерасчленимым образом.

Отмеченные ограничения сдерживают применение заявленного подхода и в исследованиях самой Можайской. Неслучайно при

переходе к анализу конкретных экономических проблем - а именно этот вопрос представляется наиболее интересным для целей нашего анализа - автор опирается преимущественно на понятия и результаты других известных научных подходов, и, прежде всего, формационного. А для обоснования нового социально-экономического курса современной России И. В. Можайскова предлагает взять за основу, во-первых, экономическую политику Ф. Рузвельта, во-вторых, опыт таких стран, как Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Саудовская Аравия, Оман, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Чили, КНР, Уганда, Таиланд и Малайзия (*Там же*. С. 550-552). Хотя ранее автор доказывала, что метаисторическая идея, характерная только для России, и именно она может обеспечить социально-экономическое развитие нашей страны.

Несмотря на отмеченные проблемы, важность поставленных И.В. Можайской вопросов представляет научный интерес. Во-первых, ее исследование отражает современную тенденцию российского обществоведения поиска научного знания "за пределами предмета" традиционной экономической науки. Это выражается в распространении междисциплинарных исследований и надеждах на их результативность, в сотрудничестве ученых разного профиля - как внутри обществоведения, так и в контактах представителей естественных и социальных наук. Анализ работ Можайской показывает, насколько нелегки эти попытки, как трудно прогнозировать здесь получение новых результатов.

Во-вторых, сегодня "маятник" религиозности от полного ее отрицания качнулся, как представляется, в сторону "сверхмассового" распространения. Как отражается это в делах и мыслях, помогает ли продвижению в научной деятельности? Или мы, как неофиты, смело взялись за эти тончайшие и глубокие материи, прямолинейно внедряя их как "новые технологии"? Проявление и анализ использования персонального духовного опыта в научной деятельности представляется поэтому очень важным.

И, в-третьих, - работа Можайской, как в зеркале, отражает титанические усилия ученых, особенно старшего поколения, вырваться из тисков идеологии советского периода, которая представляется им сегодня узкой, навязанной, неадекватной. Демонстрируемые в труде И.В. Можайской попытки поиска новых методологических оснований - один из необходимых этапов такого пути.

1.2. Социокультурный подход

Российская экономическая наука с момента своего зарождения в силу своей специфики (подробнее речь об этом будет идти в Главе 12) всегда занималась не только анализом чисто хозяйственных отношений и "экономической бухгалтерией", но, являлась, скорее, разделом обществоведения, широко очерчивала свой предмет. Известно, что эти традиции сохранились и в советский период; наша политическая экономия социализма была одновременно и экономической теорией, и философией, и идеологией, поскольку объектом ее изучения являлась не только экономическая сфера, но все советское общество. В период перестройки продолжала действовать та же тенденция. Более того, она даже усилилась, поскольку занявшие место политической экономии социализма зарубежные экономические теории не позволяли адекватно

описать наблюдаемые в стране явления. Ключ к объяснению неожиданных последствий, а также возникающих препятствий рыночному реформированию многие ученые начали искать в специфике российского общества в целом, что предопределило распространение, вслед за цивилизационным, более тонкого, социокультурного подхода к анализу российского общества. В среде экономистов, неудовлетворенных объяснительными возможностями существующих экономических теорий, цивилизационные, социокультурные особенности России все чаще стали рассматриваться в качестве основного фактора, объясняющего неожиданный ход и неудачи проводимых российских реформ. Эту точку зрения последовательно развивает в своих работах Леонид Иванович Абалкин (*Абалкин, 2001, 2002*), эту же тему поднимают в своих книгах Дмитрий Евгеньевич Сорокин (*Сорокин, 2003*), Юрий Николаевич Яковец (*Яковец, 2003*) и многие другие.

Для того чтобы глубже разобраться в том, насколько полученные на основе социокультурного подхода результаты применимы для анализа экономической ситуации, обратимся к работам, в которых социокультурный подход разработан и реализован на уровне конкретных исследовательских схем. На наш взгляд, наиболее последовательно и четко он представлен в трудах наших современников - Александра Самуиловича Ахиезера и Николая Ивановича Лапина. Отметим, что правомерность отнесения работ названных авторов к социокультурному подходу подтверждается тем, что сами они идентифицируют свои исследования с этим направлением.

Социокультурный подход стал сегодня популярным в российском обществоведении. При этом, как справедливо замечает Ж.Т. Тощенко, злоупотребление понятием "социокультурный" зачастую приводит к стиранию граней "между научным знанием и любым нарративом, то есть социокультурным разговором об обществе" (*Тощенко, 2002. С. 4*). Это ставит вопрос, замечает он, о потере

- 18 -

критериев научности, когда понятием "социокультурный" подменяется все многообразие происходящих в обществе процессов. На этом фоне работы А.С. Ахиезера и Н.И. Лапина выделяются своей строгостью определений исходных методологических предпосылок и тщательностью обоснования используемых понятий, что допускает их рассмотрение в качестве образцов применения социокультурного подхода.

Используемый социокультурный подход имеет ряд особенностей, определяющих целесообразность и границы его применения для анализа проблем трансформации в России. С одной стороны, специфической его чертой является определенный универсализм, позволяющий обозреть и культурные, и политические, и хозяйственные, и прочие элементы общественного целого (*Ахиезер, 1997.1 С. 32*). Одновременно сущность социокультурного подхода, по определению Лапина, состоит в рассмотрении общества как единства культуры и социальности (*Лапин, 2000в. С. 24*). Согласно его определениям, под культурой в данном случае понимается совокупность способов и результатов деятельности человека, в том числе идем ценности, нормы, образцы, а под социальностью - совокупность взаимоотношений социальных субъектов.

Кроме того, специфика социокультурного подхода состоит в том, что он имеет многомерный характер, объединяя в единое целое, например, цивилизационный и формационный подходы (Там же. С. 25), или же историософское и социологическое рассмотрение общества (Ахиезер, 1997. С. 32). Это позволяет, как отмечают сами представители социокультурного подхода, принимать во внимание "всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни" (Лапин, 2000в. С. 18), исследовать российское общество как противоречивое единство, "содержащее сложные напряжения отношения личности, групп и общества во всех возможных их комбинациях и взаимосвязях" (Ахиезер. С. 32).

При социокультурном подходе в центре внимания исследователя находятся человек активный (*homo activus*), являющийся многомерным био-социо-культурным существом и субъектом действия (Лапин, 2000в. С. 27), а также его нравственность и ценности, составляющие основание любой культуры (Ахиезер. С. 32). Тем самым предпринимается попытка выявить сущностные ценностные и этические характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, поскольку культура, как справедливо замечают сторонники данного подхода, пронизывает все без исключения состояния социально-экономической жизни. При этом авторы концентрируются на рассмотрении прежде всего основополагающих ценностей социальных групп, наиболее значимых для характеристики социокультурного типа общества. Другими словами, здесь обязательно присутствует сопоставительный анализ изучаемых цен-

- 19 -

ностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных характеристик общественного целого - с другой. Доминирующие ценности выступают, таким образом, основными регуляторами, причинами, мотивами массовых действий и поведения, в том числе и в экономической сфере, именно они определяют в конечном счете траектории и результаты хозяйственного развития.

Социокультурный подход оперирует с определенной моделью общества, которое понимается как социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате действий и взаимодействий людей. Лапин выделяет два возможных типа общества. Первый тип - общества с господством *традиционалистских ценностей*, в которых существует приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных действий. Другой тип образуют общества, в которых приоритет отдается *либеральным ценностям*, или свободам и ответственности людей, возможностям для целерациональных инновационных действий. Основная исследовательская задача состоит том, чтобы определить, какой тип антропосоциетального соответствия характеризует российское общество и в каком направлении оно может трансформироваться.

Несколько иная модель общества представлена в исследованиях Ахиезера. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов: первый - в среде интеллигенции и духовной элиты общества, второй - в глубине народной жизни, в

деятельности миллионов, внутри самого социума. Основной объект анализа при этом - раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов - вечевого (соборного, "либерального") и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол между ними обуславливает, по Ахиезеру, невозможность медиации, но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход от одной крайней точки инверсии - от вечевого идеала к авторитаризму - и обратно. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный - в период развития страны - и менее удачный - в период катастроф. Именно расколу, по мнению Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении общественных и экономических кризисов.

При этом основное содержание конфликта - "конфликт двух типов конструктивной напряженности - локального и общества в целом" (Ахиезер, 1997. С. 125), внутреннее противоречие между локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, преодоление раскола, как полагает Ахиезер, должно быть достигнуто в культуре, в экономической теории, в нарастании рефлекс-

- 20 -

сии истории, ибо раскол - это состояние общественного и научного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого, в данном случае - истории России.

Несмотря на некоторые различия в исходной модели общества, которую разрабатывают Лапин и Ахиезер, развиваемые ими подходы к изучению российской хозяйственной истории и современности весьма схожи. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении результатов: полученные независимо друг от друга (в приводимых ими списках литературы отсутствуют соответствующие ссылки), эти результаты в целом совпадают. На основе анализа отечественной истории и Лапин, и Ахиезер относят Россию к традиционалистскому обществу, в котором все время не удавалось осуществить глубокую и необходимую либеральную модернизацию. Поэтому Россия понимается как "расколотое общество" (Ахиезер) или "кризисный социум" (Лапин), в котором наблюдается застойное противоречие между культурой и характером социальных отношений, когда блокируются механизмы общественного развития (Лапин, 2000в. С. 96-97).

Тормозом в данном случае, как полагает Лапин, выступает сам творец истории - *homo activus*, в сознании которого доминируют традиционалистские ценности, что порождает устойчивость тоталитарных структур, отчуждение человека от участия в общественной жизни, низкую инновационную активность и т.п. По Ахиезеру, таким тормозом является раскол в общественном сознании, блокирующий переход общества к состоянию более эффективного воспроизводства и выживания. Таким образом, авторы сходятся не только в диагностике типа общества, но и в определении пределов экономических преобразований, к которым они относят ценностные ограничения общественного сознания и недостаточную распространенность либеральных инновационных ценностей.

Использование социокультурного подхода дает нам новую размерность в анализе социально-экономических трансформаций, выявляя дополнительный культурный пласт хозяйственного развития. В

применении к анализу России социокультурный подход акцентирует общественное внимание на глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы для трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения реального хода реформ от задуманных планов, объясняя многообразие проявлений магистральных социально-экономических процессов в различном культурно-историческом контексте. В то же время нельзя не отметить некоторые спорные моменты в его исходных посылах, которые могут выступать ограничениями в применении социокультурного подхода к анализу изменений в российском обществе.

- 21 -

О чем именно идет речь? С одной стороны, авторы декларируют примат ценностей и нравственных идеалов в формировании социокультурного типа общества и их созидательную роль в общественном развитии. Исходя из этой посылки, естественно предположить, что распространение соответствующих ценностей является необходимым условием формирования соответствующего типа общества. Но, с другой стороны, относя Россию к традиционалистскому обществу, в котором закрыты пути инноваций и не приживаются либеральные ценности, авторы тем самым косвенно признают, что в нашей стране ценности не являются "главной движущей силой", раз именно они не позволяют обществу трансформироваться в необходимом либеральном направлении. Другими словами, сама методология анализа, ставящая *роль ценностей в социальных изменениях* "во главу угла", а затем определяющая один из типов этих ценностей как "тормоз общественного развития", логически противоречива. И поэтому дихотомическое деление обществ на традиционалистские и либеральные содержит в себе латентное утверждение об их способности или неспособности к развитию. Ибо как могут измениться ценности индивидов, если они представляют собой элемент культурной системы (в этом суть социокультурного подхода) с уже заданными исследователями характеристиками?

Анализ исследовательских схем, наиболее четко реализующих идеи социокультурного подхода, позволяет следующим образом охарактеризовать его преимущества и ограничения, а также возможности для рассмотрения путей и перспектив реформирования современной России. С одной стороны, такой подход воссоздает представление об обществе как о сложном социокультурном объекте, выявляя исторически накапливаемые социально-культурные программы деятельности, поведения и общения людей, обеспечивающих передачу социального опыта от поколения к поколению. Он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социальную природу, которые обуславливают притяжение тех или иных культурных образцов, экономических доктрин и хозяйственных механизмов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа-личности и типа-общества, и характер этого взаимодействия рассматривается как одно из определяющих направлений социальных изменений, в том числе - и в экономике. С другой стороны, разделение общественных ценностей на "позитивные

либеральные" и "негативные традиционные" создает в данном подходе замкнутый логический круг и предопределяет результаты исследования социальных изменений. Само отнесение российского общества к типу с доминированием традиционных ценностей означает, что изменения в нем, по сути, невозможны или чрезвычайно затруднены.

- 22 -

Названные ограничения социокультурного подхода, базирующегося на принятых ценностных основаниях, проявляются в последних работах анализируемых авторов, относящихся к 2003-2004 гг. В этот период в российском обществе стали явными произошедшие сдвиги и модернизация как массового сознания, так и реального экономического поведения. Эти изменения были зафиксированы и в работах Н.И. Лапина (*Лапин, 2003*), и в работах А.С. Ахиезера (*Ахиезер, 2004*). Но для их объяснения, а, тем более, для прогноза развития ситуации, авторам пришлось включить в рассмотрение факторы, находившиеся ранее вне сферы развиваемого ими социокультурного подхода. Такими факторами стали общественные институты.

В работе 2003 г. Н.И. Лапин, фиксируя произошедшую социетальную трансформацию общества и начало институционализации нового социального порядка, затрудняется в определении последнего. По его мнению, характер такого порядка, наряду с возникшей новой системой ценностей, будет определяться тем, какими способами и темпами произойдет институционализация этого порядка. Поэтому ключевой вывод, который делает Н.И. Лапин, заключается в том, что важно сосредоточить внимание на изучении процессов институционализации новых структур и отношений в российском обществе" (*Лапин, 2003. С. 370*).

В свою очередь, А.С. Ахиезер также ставит новую для себя задачу "изучения общества как процесса развития институтов диалога⁴ и противостояния этим процессам" (*Ахиезер, 2004*). На основе проведенного анализа автор констатирует, что "Смысл постсоветского общества, по крайней мере в первом приближении, раскрывается в попытке культурно и организационно воплотить идею демократического диалога, диалогизации общества не только, как средства решения все более сложных проблем, но и как сущности изменения общества" (*Там же*). Средствами этого, по мнению автора, являются развитие либерального движения в стране, становление соответствующих организационных форм и отношений. Другими словами, для описания наблюдаемого процесса А.С. Ахиезер также вы-

4. При этом отметим, что понятие института трактуется А.С. Ахиезером как определенный культурный образец, закрепляющийся в массовом сознании и поведении. В данном случае речь идет о социокультурной двойственности, *расколе* (введенное А.С. Ахиезером понятие для определения специфики российской культуры). Эта двойственность выражается, по мнению автора, в категориях диалогизации (демократические элементы) и монологизации (при монархической власти) института управления. Таким образом, имеет место применение социокультурного подхода, его понятийного аппарата и категорий для изучения одного из общественных институтов - государственного управления. Это подтверждает, на наш взгляд, предположение об относительной автономности социокультурного и институционального подходов, отмеченное нами ранее (*Кирдина, 2002*).

- 23 -

нужден прибегнуть к характеристикам институциональных форм объясняющим факторам, не ограничиваясь свойствами системы ценностей российского населения.

Подводя баланс преимуществ и ограничений рассмотренного социокультурного подхода, можно отметить, что использование его социальных и экономических исследованиях весьма плодотворно, поскольку ориентирует нас на поиск и выявление устойчивых механизмов общественного воспроизводства. Тем самым становится возможным оценить перспективы проводимых экономических преобразований, соотнося конкретные мероприятия и реформы со сложившимся "социокультурным генотипом" той или иной страны.

1.3. Приложение эволюционных идей (эволюционная экономика)

Эволюционная экономика является относительно новым научным направлением, которое фиксируется как самостоятельный подход с 1980-90-х годов. Ее научные основы разрабатывали, как считают многие исследователи, еще Т. Веблен и Й. Шумпетер, но лишь в последние три десятилетия появились обширная литература, специализированные журналы, ассоциации и исследовательские центры, реализующие данный подход (Маевский, 1997. С. 3). Эволюционная экономика представляет собой приложение идей эволюции (изначально разрабатывавшихся в философии - Г. Спенсером и в биологии - Ч. Дарвином) к анализу экономических процессов.

Как известно, дарвиновская теория эволюции опирается на три принципа: наследственность, изменчивость и естественный отбор. И любая наука, воспринимающая эти принципы - в данном случае объектом анализа выступает эволюционная экономика, - должна ответить на вопросы: каковы механизмы наследования и изменчивости, механизмы и критерии отбора (Нестеренко, 2002. С. 81).

Вот как описывал "наследственность" в рыночной экономической системе Й. Шумпетер: "...в той мере, в какой речь идет о рыночном хозяйстве, для основ теории не имеет никакого значения, что представляет собой данное рыночное хозяйство: систему самого примитивного обмена между охотниками и рыбаками или сложный организм, который мы можем наблюдать сегодня. Основные черты, контуры полностью одни и те же, и здесь ничего не меняет Даже то обстоятельство, как ведутся народнохозяйственные расчеты: при помощи денег или без них.... Как бы значительно современное хозяйство ни отличалось от примитивного, по существу, как в одном, так и в другом, происходит одно и то же" (Шумпетер, 1982. С. 129). Это "одно и то же" стремится обнаружить эволюционная теория, она пытается вскрыть механизмы, "передаваемые по на-

следству" структуры, которые посредством лишь своего собственного функционирования и без помощи внешних факторов превращают данное состояние общества в последующее. Таким образом, эволюционный подход рассматривает экономику с позиций воспроизводства структуры, он постулирует, что исторические траектории закономерны, "вписаны" во внутренние механизмы

наподобие того, как программа биологического развития организма вписана в его генетический код.

Одновременно эволюционисты заняты выяснением не только того, чтоб воспроизводится, но и того, что, а, главное, почему, меняется в экономической системе. Поэтому в их работах постоянно присутствуют два противоречащих друг другу, на первый взгляд, акцента. С одной стороны, отмеченный уже поиск устойчивых структур, обладающих свойством "непрерывности" (наследственности), самоподдерживающихся и самовоспроизводящихся подобно биологическому гену. Поэтому одной из основных предпосылок эволюционной экономики является признание того факта, что каждое состояние траектории экономического развития определяется не решением статической проблемы достижения экономического равновесия, а всей предшествующей эволюцией хозяйствующих субъектов. При этом введенный Нельсоном и Уинтером термин "эволюционная" подчеркивает базовую идею этого направления - идею экономического "естественного отбора" (Нельсон, Уинтер, 2000. С. 26).

С другой стороны, помимо признания "наследования" признаков 'эволюционной экономической теории свойственна и еще одна установка, а именно, констатация своевременной изменчивости экономических признаков под воздействием неблагоприятной обстановки (Там же. С. 27), вплоть до мутаций и случайных траекторий. Так, в более ранних своих работах Нельсон полагал, что именно признание принципа случайности является ключевым признаком любой эволюционной теории (Nelson, 1995. P. 63), отличающей ее от всех других экономических теорий, исходящих из принципов детерминированности экономических процессов и явлений. Таким образом, эволюционная теория обращает внимание на изучение возможных неравновесных процессов, что кардинально отличает ее от ортодоксальной теории с ее общесистемными принципами равновесия (Маевский, 2003. С. 9).

На наш взгляд, эволюционная экономика представляет собой одно из наиболее интересных направлений экономических исследований, в рамках которого российскими учеными осмысляются теоретические основы нынешней политики и направления экономических реформ (подробнее об этом см.: Кирдина, 2003б). Рассмотрим наиболее проработанные исследовательские схемы, реализующие эволюционный подход. Они представлены в теории долгосрочного технико-экономического развития Сергея Юрьевича Глазьева

- 25 -

(Глазьев, 1993) и в эволюционной макроэкономике Владимира Ивановича Маевского (Маевский, 1997).

Если в зарубежных исследованиях эволюционный подход наиболее успешно применяется в микроэкономике, но не получил адекватного распространения в рамках анализа макроэкономических процессов, то в российском обществоведении ситуация иная. Рассматриваемые нами исследовательские схемы, реализующие идеи эволюционной экономики, направлены именно на изучение целостной картины макроуровня экономики как эволюционно развивающейся системы. В этом случае макроуровень понимается как система отраслей (подотраслей или макроотраслей), скомпонованных либо в технологические уклады (в теории Глазьева), либо во множество

макроэкономических подсистем, или макрогенераций (у Маевского). При этом состав макроотраслей (сельское хозяйство, добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт, связь, финансы и т.д.) остается одним и тем же, хотя внутри каждой отрасли с течением времени происходит смена технологий и видов отраслевой продукции. Как пишет В.И. Маевский, "неизменный состав макроотраслей можно рассматривать как своеобразный *генотип* макроуровня, который должен быть свойственен каждой макрогенерации и который она должна передавать "по наследству" новым поколениям макрогенераций" (Маевский, 1997. С. 20). Ранее все макроотрасли находились на более низких стадиях технического и технологического развития, что на языке эволюционного подхода означает: реализация присущих им генотипических возможностей была более примитивной, нежели сейчас. По мере развития степень их сложности необратимо нарастает, что и составляет содержание эволюционного развития экономики. "Одна и та же отрасль может существовать веками, в то время как набор составляющих ее технологических процессов радикально меняется", - пишет С.Ю. Глазьев (Глазьев, 1993. С. 55), и динамику этого процесса авторы рассматривают в своих теориях.

Еще раз отметим, что, принимая во внимание изменчивость, вариативность и неравновесность экономики, эволюционный подход релевантен лишь в отношении тех процессов, которые имеют внутреннюю самовоспроизводящуюся структуру. Маевский отмечает, что "представление макроуровня в эволюционном аспекте возможно в том случае, если макроуровень поддается *структуризации* (курсив наш. - С.К.) в виде набора макрогенераций, обладающих единым генотипом и участвующих в процессе экономического "естественного отбора". Вечные отрасли не только не противоречат такому представлению, но, наоборот, своим существованием они образуют важную характеристику макрогенераций, органически вписываются в эволюционный образ макроуровня" (Маевский, 1997. С. 20). Глазьев также детально рассматривает вопрос о выборе эко-

- 26 -

номической структуры, которую следует иметь в виду при изучении закономерностей технического развития экономики. В качестве ее основного элемента он выбирает "технологическую совокупность, или технологически сопряженные производства" (Глазьев. С. 57). Представление экономики как структуры технологических совокупностей обеспечивает исследователю "прозрачность" экономической системы в процессе технических измерений и возможность применения идей эволюционного подхода.

Подход обоих российских экономистов развивает идеи эволюционной теории Йозефа Алоиса Шумпетера, который рассматривал экономическое развитие как смену комбинаций, или способов соединения производственных факторов. Используя понятие макрогенерации, Маевский так описывает динамику в экономике: возникают новые макрогенерации, представляющие собой кластер новых комбинаций, что обеспечивает фазу очередного экономического подъема и прирост ВВП. Старые макрогенерации, представляющие собой кластеры соответствующих старых комбинаций, в конкурентной борьбе отдают свои средства новым макрогенерациям и постепенно

отмирают, вытесняются ими (Маевский. С. 22).

Аналогичным образом рассуждает Глазьев. Техническое развитие, согласно развиваемым им положениям, не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов. При этом отношения между одновременно существующими технологическими укладами противоречивы: с одной стороны, материальные условия каждого формируются в результате развития предыдущего. С другой стороны, между одновременно действующими укладами происходит конкуренция за ограниченные ресурсы, в ходе которой происходит замещение устаревшего технологического уклада новым (Глазьев. С. 63). Каждый из авторов разрабатывает математическую модель и проводит численные расчеты, на основе которых иллюстрирует процесс смены макрогенераций (Маевский) и технологических укладов (Глазьев). Результаты моделирования позволяют им зафиксировать динамику распространения технических инноваций, обозначить периоды появления новых и отмирания старых макрогенераций и технологических укладов, определить некоторые закономерности этих процессов.

В контексте нашего обзора важно, как полученные Маевским и Глазьевым результаты моделирования могут быть использованы и используются авторами для анализа процесса российских реформ и теоретического обоснования оценок проводимых мероприятий. Так, Глазьев сопоставляет динамику технического прогресса в СССР и России с эталонными траекториями стран, являющихся лидерами в этой области, и определяет, на сколько лет наша страна отстает в тех или иных областях, насколько запаздывает у нас наступление новых технологических укладов (Глазьев. С. 95-150). Маев-

- 27 -

ский анализирует политику правительства страны в 1992 г. в области ценообразования и показывает, что она противоречила выявленной им схеме эволюционного развития. Эволюционная функция инфляции, обеспечивающая очистку экономического пространства от неэффективных производств, не сопровождалась одновременным созданием новых макрогенераций, поскольку правительство не выполнило необходимой для этого функции новатора. Резкое сокращение бюджетного финансирования экономики ограничило возможности создания необходимых новых макрогенераций, что привело к спаду экономики (Маевский. С. 56-57).

Не только нами, но научной общественностью отмечено, что приложение идей эволюционной экономики в исследованиях обоих авторов является плодотворным шагом в развитии методологии анализа российского хозяйства. В то же время рассмотренным схемам присущи особенности, которые ограничивают, на наш взгляд, их аналитические возможности. Это связано с тем, что макроэволюционная экономика В.И. Маевского и теория долгосрочного технико-экономического развития С.Ю. Глазьева сфокусированы преимущественно на технологической стороне экономического процесса. Институциональные и организационные связи остаются в данном случае за пределами рассмотрения, хотя авторы и констатируют необходимость учета и значимость такого рода связей. Вслед за Нельсоном и Уинтером Глазьев пишет об этом: "Рутинизированные процессы поведения хозяйствующих субъектов, включающие

используемые производственные процессы, сложившиеся процессы распределения ресурсов и процедуры принятия решений, стереотипные реакции на изменения экономического окружения, просто повторяющиеся операции, навыки и стереотипы поведения сотрудников организации и т.д. рассматриваются с точки зрения эволюционной экономики в качестве *главного предмета исследования* (курсив наш. - С.К.) и основы не только микро-, но и макроэкономической динамики. Их роль в экономическом развитии можно сравнить с ролью генов в биологической эволюции. Они не только являются внутренним свойством и основой "памяти" хозяйствующих субъектов и определяют их поведение, но и постоянно воспроизводятся, а также изменяются в ходе "естественного отбора" хозяйствующих субъектов в условиях меняющегося экономического окружения. При этом из всех возможных рутинизированных процессов поведения закрепляются только наиболее важные и полезные для выживания хозяйствующих субъектов в заданных экономических условиях" (Глазьев. С. 27).

В свою очередь В.И. Маевский, уточняя предмет своего рассмотрения - макроуровень экономики, определяет его, вслед за Б. Карлссоном и Р. Станкевицем, следующим образом: "макроэкономика рассматривается не просто как агрегат различных микро-

- 28 -

единиц, но также как сложная сеть микросвязей" (Carlsson, Stankiewicz, 1991. P. 94), возникающих в ходе межфирменных, межсекторальных, межинституциональных взаимодействий по поводу реализации инновационных процессов" (Маевский, 2003. С. 12). Тем самым он обращает внимание на необходимость учета не только технико-экономических, но и институционально-экономических (в широком смысле) параметров и процессов, хотя в своей работе их не рассматривает.

Авторы не задавались целью теоретического изучения этих процессов на макроуровне, проводя свои исследования в технико-экономической, а не в институциональной плоскости. Именно этими рамками определена возможность непосредственного приложения их результатов к российским реалиям, и сами авторы корректно на них указывают. Так, Маевский пишет, что "в настоящей работе эволюция макроразвития рассматривается применительно к рыночной экономике и остается нераскрытым вопрос о том, возможна ли аналогичная эволюция в рамках нерыночной экономики" (Маевский. С. 68). Точно также Глазьев неоднократно указывает на невозможность прямого наложения выявленных им эталонных траекторий на динамику российской экономики, подчеркивает, что эталонная траектория "ни в коей мере не может быть использована в качестве единого для всех шаблона, описывающего оптимальную траекторию технико-экономического развития" (Глазьев. С. 85), необходимо учитывать типологические особенности стран, их социально-политического устройства, истории, климата и т.д.

1.4. Резюме

Аналитические схемы, эти новые "мерцательные идеи современных мудрецов", которые мы представили в настоящей главе, объединяет

между собой то же, что роднит их с нашим подходом, который будет изложен в Главе 3. Именно поэтому они и рассмотрены в настоящей книге. Три общих черты можно отметить.

Первое - это использование идей из смежных наук, привнесение в методологию экономического анализа нетрадиционных для классической экономической науки подходов. Сегодня эти подходы находятся, скорее, на периферии массового экономического знания, разрабатываются отдельными исследователями и не имеют сложившихся школ или широкого круга последователей. Но, на наш взгляд, именно они представляют большой интерес, поскольку могут служить зародышем нового экономического мировоззрения в будущем. "Вся история науки, - писал Владимир Иванович Вернадский, - на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни,

- 29 -

тысячи исследователей, придерживающихся господствующих "взглядов" (Вернадский, 2002. С. 73). И хотя наука ищет общее, закономерное, массовое, самое интересное в ней самой, на наш взгляд, то как раз то, что отличается "лица необщим выраженьем", что ново спорно, порой неожиданно. Это и присуще рассмотренным подходам, независимо от того, какому критическому разбору мы их подвергаем.

Вторая черта, объединяющая анализируемые подходы, - их нацеленность на макроуровень, на то, что в социологии называется социетальностью. Во всех трех случаях объектом анализа служит экономика на макроуровне, хотя как предмет исследования она по-разному видится в рамках каждого из подходов. В случае метаисторического анализа, в схеме Ирины Владимировны Можайской, российская экономика рассматривается как особая, российская часть цивилизационного пространства, в котором действуют закономерности развертывания присущей России цивилизационной идеи, определяющие динамику всей метаистории. При социокультурном подходе Александра Самуиловича Ахиезера и Николая Ивановича Лапина экономика предстает как общественная сфера, развитие которой определяется не столько абстрактными экономическими законами, сколько присущими социуму типами общественных ценностей, и она подчиняется логике их становления и "борьбы". Взаимодействие этих ценностей определяет перспективы и пределы экономических преобразований. В эволюционном подходе, как его применяют Сергей Юрьевич Глазьев и Владимир Иванович Маевский, экономика предстает в своей отраслевой, продуктовой размерности, как циклически развивающийся охватывающий все народное хозяйство "технологический способ производства", имеющий внутреннюю, постоянно совершенствующуюся структуру и механизмы своего воспроизводства. Во всех случаях речь идет о макропроцессах, характеризующих экономическую систему в целом, а не об отдельных социально-экономических явлениях, группах или организациях.

Наконец, третья общая черта, которая характерна для всех авторов, - это ориентация на связь теоретических построений с реальными проблемами России, к которым все мы неравнодушны. Практика выступает конечной целью всех этих исследований, и с каких бы теоретических абстракций не начинались авторские рассуждения, они заканчиваются приложением - пусть и не всегда бесспорным -

полученных результатов к анализу исторических и текущих процессов хозяйственной жизни страны.

Вместе со всеми нами авторы рассмотренных концепций столкнулись с вызовом современного этапа развития российского общества. Он характеризуется и масштабным преобразованием экономических структур, и теоретическим вакуумом, что не позволяет в долж-

- 30 -

ной мере осмыслить такие грандиозные преобразования. Понимание этого российскими учеными, оказавшихся Божьей волею "в гуще событий", несомненно, порождает стремления к новым теоретическим поискам. И эти поиски, на наш взгляд, часто приводят исследователей, в том числе и тех, чьи работы рассмотрены в данной главе, к признанию необходимости применения институционального подхода и институциональных теорий для познания российской экономики. Именно институциональные концепции, как представляются, способны дать необходимое понимание в анализе отечественного хозяйственного организма и присущих ему закономерностей.

Глава 2

ПОСТСОВЕТСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ

*Узнать мир можно и не отправляясь путешествовать.
Пути небес можно увидеть, не выглядывая из окна.
Чем дальше идешь, тем меньше знаешь.
Лао Цзы*

В отличие от подходов, рассмотренных в предыдущей главе, институционализм представляет сегодня одно из самых модных и популярных течений, подхваченных отечественными экономистами всех поколений. В России широкое распространение институциональны: концепций характерно для постсоветского периода, поэтому мы и обозначили анализируемый подход как постсоветский институционализм. На наш взгляд, институционализм означает привнесение в экономический анализ социологических идей и подходов, хотя не всегда ссылки на эту преемственность присутствуют. В российской науке институциональная экономическая теория началась с освоения зарубежных концепций, которые были затем адаптированы и развиты отечественными учеными.

2.1. Адаптация зарубежного неoinституционализма

Начиная с середины XIX в. и вплоть до конца 1950-х годов институты в нашей стране изучались в основном правоведами и рассматривались как "совокупность норм права, охватывающих круг общественных отношений" (БСЭ, 1953. С. 219). В теории права сло-

- 31 -

во "институт" обозначает как "комплекс норм, регулирующих общественные отношения", так и учреждения и органы власти, обеспечивающие применение этих норм. Один из основателей институционализма, Морис Ориу, первые называл "институтами-вещами", вторые - "институтами-корпорациями" (Ориу, 1929. С. 113). В других отраслях советского обществоведения, в том числе и в экономике, институциональный подход долгое время был не только не популярен, но служил предметом осуждения. Показательной является характеристика зарубежных институционалистов в Большой Советской Энциклопедии 1953 г. как "наиболее злбных врагов рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии" (БСЭ. С. 239). Интерес к изучению институтов проявился в нашей стране лишь в 1960-е годы, и, прежде всего, в рамках формировавшейся в тот период советской социологии. Здесь институты рассматривались в качестве составной части предмета новой науки. Социальные институты определялись как "относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социально организованного общества" (Социология, 1990. С. 157). При этом акцент делался на том, что институт - не только совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами, но и набор социально ориентированных стандартов поведения в типичных ситуациях. Однако, провозгласив институты основным объектом изучения, социологическая наука рассматривала их преимущественно в качестве одного из оснований для типологизации отраслей социологии на макроуровне (оперируя такими понятиями, как институт семьи, институт образования и т.п.),

сосредоточившись на анализе социальных процессов и социально-групповой общественной структуры.

В 1990-е годы институты, наконец, становятся объектом научного интереса для российских экономистов, хотя такой интерес возник не в рамках отечественной социологии, а на волне активного освоения новых теоретических концепций неинституционалистов западных стран. Этот способ освоения институциональных концепций наложил на российский институционализм свою специфику, отличающую его от зарубежного, имевшего свои традиции и историю.¹ Как известно, западные экономисты подключились к исследованию институтов в 20-30-е годы XX в. Институциональная школа в экономических исследованиях берет свое начало в американской интелле-

1. Как указывает А.К. Шаститко, на западе неинституционализм возник в результате неудовлетворенности результатами неоклассической теории в объяснении феномена Великой депрессии на рубеже 20-30 гг. XX в., а также многих других аспектов практической деятельности (Шаститко, 2002. С. 27).

туальной традиции, начиная с Т. Веблена. К ней также относ. Дж. Коммонса, Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и я (*International Encyclopedia of the Social Sciences*, 1968. P. 462-46) В рамках институциональной экономики институты рассматривались как образцы и нормы поведения (Селигмен, 1968. С. 89-10 а также привычки мышления (Веблен, 1984. С. 104), влияющие выбор стратегий экономического поведения в дополнение к мотивации рационального экономического выбора.

В отличие от "старых" институционалистов, неинституционалисты экономической науки 1970-90-х годов - О. Уильямсон (Уильямсон, 1996; Williamson, 1986), Р. Коуз (Coase, 1937, 1960), Д. Норт (Норт, 1997а, 1997б; North, 1978) и др. - придают понятию института та более широкий смысл, рассматривая его в качестве важнейших факторов экономических взаимодействий. Так, согласно известному определению нобелевского лауреата Д. Норта, институты - "правила игры" в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах - политике, социальной сфере или экономике (Норт, 1997, С. 16). Здесь западные экономисты следуют тенденции, характерной для изучения институтов в социологии. Она состоит в следующем: если ранее институты представлялись в зависимости от подхода, как юридические установления, как непосредственно наблюдаемые формы социального поведения, социальные роли или как типы организаций, то теперь они рассматриваются как явления более общие и более высокого порядка (*The Penguin Dictionary of Sociology* 1984), а именно, как регуляторы общественных явлений. Все больше ученых осознают, что институты представляют собой наиболее существенный и малоизученный элемент общественных систем растет стремление исследователей добраться до институционального ядра современных обществ с тем, чтобы объяснить многообразие происходящих социальных процессов в разных странах, глубже осмыслить историю и рационализировать перспективы общественного развития. Как пишет Ш. Эйзенштадт, выяснение возможностей поддержания социального порядка постепенно становится фундаментальной проблемой в изучении социальных взаимодействий. Именно поэтому "малопомалу фокус социологического анализа перемещается в собственно институциональную сферу, в мое устройство человеческого общества" (Эйзенштадт, 1999. С. 19)*. Аналогично и в экономической науке западных стран - развитие схем институционального анализа в значительной мере

связывалось с осознанием ограничений ортодоксальной экономической теории и попытками преодолеть внеисторическую и механистическую трактовку экономической деятельности в классических

*В некоторых случаях фамилию этого автора переводят как Айзенштадт (от ред.)

- 33 -

аналитических схемах "мэйнстрима" (Ходжсон, 1997), желанием глубже понять латентные, социальные механизмы экономического развития. Движение в этом направлении демонстрирует подход к изучению институтов Дугласа Норта, противопоставившего институты как системы деперсонифицированных отношений и правил игры организациям, которые по этим правилам действуют (North, 1990).

Подытоживая краткое изложение истории институционального подхода, нельзя не сделать важного замечания: хотя идеи западного институционализма стремились выйти за пределы базовых постулатов ортодоксальной теории², вместе с тем они оставались в рамках рыночной парадигмы (Нестеренко, 1997. С. 11). Это выражается в том, что, во-первых, используется близкое мировоззрение, основу которого составляют принципы методологического индивидуализма. Во-вторых, изучаются тот же набор явлений, та же часть социальной реальности - экономическое поведение субъектов рынка, - и именно для их анализа конструируется структурно схожий понятийный аппарат. Более того, возможно, составить список объяснений, переводящих термины неинституционалистов на язык ортодоксальных экономистов. Например, экономия транзакционных издержек реализует принцип максимизации, институты могут рассматриваться как средство достижения рыночного равновесия в условиях экстерналий (внешних эффектов) и т.д. В-третьих, институционализм, вслед за ортодоксальной теорией, рассматривает все формы человеческого взаимодействия в качестве обмена (используются термины "сделка" и "транзакция"). При этом речь идет не только об обмене материальными благами, но и о более широкой их трактовке. Условия обмена представляют собой контракт (Там же. С. 383). Как отмечает М. Блауг, "Школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки" (Блауг, 1999. С. 958). Институционалисты, по его мнению, как и представители молодой исторической школы, потерпели неудачу в создании социально нейтральной экономической теории, хотя и преследовали цель такую теорию создать. В связи с этим современный западный институционализм представляет собой последовательное продолжение "рыночного Фундаментализма", угроза которого в экономической теории осознается все более широким кругом ученых - Дж. Соросом, нобелев-

2. Как известно, ортодоксальная теория, или мэйнстрим, представляет собой общедисциплинарную организацию знания, которая может быть описана как концептуальная популяция, объединенная общими дисциплинарными идеалами и нормами экономического знания. К базовым ее постулатам, или основным аналитическим инструментам, относятся: модель рационального экономического человека, модель рыночного равновесия и принцип максимизации.

- 34 -

скими лауреатами Л. Клейном, Дж. Тойнби, Дж. Стиглицем и др (Ольсевич, 2004). В этом смысле справедливо утверждение Хайдбронера о том, что экономическая наука западных стран соответствует социальному порядку

капитализма, она представляет собой свод знаний и убеждений прежде всего о нем (*Heilbroner, 1989. Ch. 8*) И неоклассические, и институциональные западные теории предназначены для описания одного и того же типа экономической системы, при которой жили и живут их создатели.

Итак, американский и европейский неoinституционализм, который активно заимствуется сегодня российскими учеными, опирается, как мы увидели, на собственные присущие ему традиции, имеет историю развития своего категориального аппарата и находится в русле рыночной парадигмы. Привнесенный на российскую почву, где таких традиций не было, он адаптируется к существующим у нас условиям. Эти условия определяют специфику постсоветского институционализма в России. В чем она состоит?

Поскольку адаптация тех или иных заимствуемых положений осуществляется конкретными учеными (или группами, научными коллективами), то их научные традиции, квалификация, взгляды накладывают на этот процесс свой отпечаток. Наши наблюдения - анализ аудитории, собираемой на конференциях, семинарах и докладах по институциональной проблематике, позволяют выделить четыре фокус-группы, в наибольшей мере адаптировавшие современные неoinституциональные концепции.

Первая группа - это часть эконом-социологов, тех социологов, которые социологическими методами изучают экономические ношения. Это направление называется "экономическая социология" (*Заславская, Рывкина, 1991; Радаев, 1997*). Многих российских эконом-социологов отличает пристальное внимание к новой институциональной экономической теории и интенсивное заимствование концептуального материала. Причиной активного освоения новых категорий и понятий из экономической науки служит, как отмечают сами работающие в этом направлении исследователи, "неудовлетворенность социетальными структуралистскими подходами" (*Радаев, 2001. С. 111*), доминировавшими в советской социологии. Поэтому "творческие заимствования из смежных областей в рамках нового институционализма становятся для них инструментом обновления собственных подходов, попыткой "вливать свежую кровь" (*Там же*), позволяют по-новому взглянуть на предмет исследования и дают способ получения новых результатов. Развивая характерные для западных концепций установки методологического индивидуализма исследователи в данном случае концентрируют свое внимание на анализе хозяйственных процессов на *микроуровне*, на локальных порядках, "оставив в стороне макромоделли, описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества" (*Там же*).

- 35 -

С.113). Институты при таком подходе понимаются прежде всего как правила, регулирующие практику повседневной деятельности и, одновременно, получающие импульсы для своего развития из такой практики (*Радаев, 1997, 1998; Волков, 1977*). Институты образуют "не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия" (*Радаев, 2001. С. 113*) экономических акторов.

Ориентация на методологические схемы западных институционалистов, использование разработанных ими категорий позволяет российским эконом-социологам при проведении социологических исследований сосредоточиться на изучении тех сфер и видов экономической деятельности, которые "схватываются" именно этими категориями. В первую очередь к ним относятся рыночные отношения и связанный с ними комплекс прав собственности, структур управления и правил обмена. Неслучайно логическим развитием такого подхода в российском обществоведении является (как и для западной

традиции, см. *Lie, 1997*) сведение экономической социологии к "социологии рынков": именно этому направлению посвящена вышедшая недавно монография Вад. В. Радаева с соответствующим названием (*Радаев, 2003*). Анализ социальных изменений российского общества при таком подходе фокусируется преимущественно на новых, возникающих в практике рыночных отношений, составляющих важную часть современного реформаторского процесса. Работы Вад. В. Радаева как наиболее авторитетного представителя этого направления - яркое тому свидетельство. Они посвящены изучению российского предпринимательства, малого бизнеса, ввозу контрафактной продукции, развитию торговых сетей и т.д. (ссылки на эти исследования см. там же). Воспроизводство или модификация прежних отечественных институтов, в отношении которых западная неинституциональная теория не предлагает необходимого и адекватного категориального аппарата, как правило, не включаются в исследовательские схемы.

Другую фокус-группу российских исследователей, активно адаптирующих идеи и методы западного неинституционализма, представляют экономисты-математики. Для представителей математической экономики нашей страны активный обмен с зарубежными коллегами был характерен и в прежние, советские, времена, когда для многих групп обществоведов такие контакты были затруднены. В эпоху перестройки этот обмен усилился. Одним из его результатов стало освоение и применение новых математических моделей, разрабатываемых в рамках современной институциональной теории, особенно эволюционных моделей фирмы. Интерес к применению зарубежных образцов в российских условиях (что всегда было характерной чертой инновационного поведения всех слоев населения в нашей стране - от царя Петра I до мастера Левши)

- 36 -

сопровождался интересом и к стоящим за матмоделями идеям институциональной экономики. При этом содержательная сторона - суть понятия "институт", определение специфики проявления заимствованных категорий в российских условиях и т.д. - представляется для экономистов-математиков менее важной, чем логика и стройность формальных построений. Экономисты-математики также как и эконом-социологи, напрямую переносят категориальный аппарат западных неинституционалистов на российскую почву, одновременно с соответствующими ему прикладными математическими процедурами (*Макаров, 1999*). Неслучайно поэтому, что "на стыке" этого аппарата с нашей действительностью строгие в своих выводах и построениях математики так часто фиксируют парадоксы и сбои. Это утверждение иллюстрируют, например, блестящие работы Владимира Мееровича Полтеровича об институциональных ловушках или трансплантации институтов (*Полтерович, 1999; Полтерович, 2001*). Для объяснения обнаруживаемых сбоев используются уже не столько положения заимствованной неинституциональной теории, сколько специфика российского общего контекста.

Третью фокус-группу исследователей, развивающих идеи неинституционализма в России, образуют преподаватели экономических высших учебных заведений, представители специализированных кафедр. Российский "кафедральный неинституционализм" представляет собой, прежде всего изложение его в учебных курсах (*Шаститко, 1995, 1997, 2003; Нуреев, 2001; Олейник, 2002*), а так предложение в качестве методологии для проведения конкретных экономических исследований (*Экономические субъекты постсоветской России, 2003; Публичные услуги..., 2002* и др.). Популяризация идей неинституционализма в данном случае означает

негласное принятие нашими учеными традиционной микроэкономической теории для объяснения российской реальности. Поскольку, как уже отмечалось, неонституционализм не затрагивает жесткого неоклассики, к которому относятся принципы методологического индивидуализма, экономического равновесия и максимизации полезности (*Шаститко, 2002. С. 38*). В данном случае акцент делается на обучении основам и понятиям неонституциональной теории. При этом неоправданно мало, на наш взгляд, уделяется внимание методологическим вопросам о границах ее применения в современной России. Как и в первом случае, в поле зрения таких исследований попадают прежде всего новые явления в экономической жизни современной России.

Это ограничение стремятся преодолеть представители четвертой фокус-группы, которые применяют идею неонституционализма в прикладных исследованиях российской экономики. Такой подход активно разрабатывается В.Л.Тамбовцевым (*Тамбовцев, 1996,*

- 37 -

1999 и др.). Плодотворным оказывается применение институционального подхода к анализу проблем трансформации крупнейших секторов народного хозяйства России, свидетельством чему являются известные работы новосибирского экономиста В.А. Крюкова (*Крюков, 1998, Крюков и др., 2002*) о развитии нефтегазового сектора. В этих случаях применение нового подхода позволяет получать или "методологически сопровождать" интересные результаты конкретных работ, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Для всех четырех фокус-групп, адаптирующих идеи неонституционализма в своих исследованиях, можно выделить две общие черты. Первая - методологическая. Вслед за зарубежными неонституционалистами, отечественные исследователи рассматривают институты как внешний по отношению к экономике набор правил, выполняющих для нее функцию ограничений. Институты, реализуя свои координационные функции, рассматриваются ими как условия (или препятствия) для создания взаимовыгодного обмена, как рамки экономической деятельности. Неонституционализм в данном случае не означает нового "институционального видения" устройства самой экономики. Вторая общая черта - содержательная. Применение нового подхода позволяет изучать в основном либо адаптацию новых экономических форм, либо фиксировать отклонения, парадоксы, аномалии (с точки зрения данного подхода) в хозяйственном развитии нашей страны. Зарубежный неонституционализм не представляет достаточных средств, чтобы полно и всеобъемлюще исследовать основные "несущие" институциональные структуры российского хозяйства, обеспечивающие - вопреки внутренним сложностям и внешним воздействиям - воспроизводство и развитие экономики. Спроектированные на основе положений западного неонституционализма исследовательские схемы не позволяют, на наш взгляд, в полной мере анализировать те составляющие эволюции российского общества, которые связаны с развертыванием сложившихся, исторически присущих стране социальных, в том числе - экономических, институтов.

Несомненно, что адаптация зарубежного неонституционализма во всех обозначенных преломлениях позволяет решать многие теоретические и практические проблемы, возникающие в ходе реформирования России. Но она пока не стала достаточной основой построения теории этого процесса, предусматривающей минимизацию Цены трансформации российского общества, той теории, которую, как сказал в свое время Дуглас Норт, кому, как не российским ученым, предстоит разработать (см.: *Мильнер, 1997. С. 8*).

2.2. Социологический институционализм Новосибирской экономико-социологической школы

Реализация институционального подхода в исследованиях сибирской экономико-социологической школы (НЭСШ) имеет ряд специфических черт, дополняя набор аналитических схем постсоветского институционализма. Поэтому мы рассматриваем этот опыт в отдельном параграфе.

Новосибирская экономико-социологическая школа предстает собой определенную парадигму и методологию исследований, характерные для коллектива социологов, в разное время работав в отделе социальных проблем ИЭ и ОПП - Института экономики, организации промышленного производства Сибирского отдела Академии наук СССР (ныне - Российской академии наук) в новосибирском Академгородке. Сегодня признанная в России и за рубежом Новосибирская школа³ при проведении исследований "ставит главу угла целостное восприятие социальных систем и социальных процессов, выявление социальных механизмов и последствий трансформационного процесса. Причем делается это с помощью такого понятийного аппарата, который позволяет учесть специфику СОВРЕМЕННОГО состояния российского общества и понять закономерное его развития" (*Бессонова, Шабанова, 1999. С. 134*). Каковы истоки такого подхода? Они - в истории становления НЭСШ.

Новосибирская экономико-социологическая школа начала формироваться со второй половины 1960-х годов. Основатель школ академик Татьяна Ивановна Заславская, - более 20 лет возглавлявшая отдел, была главным редактором первого экономико-социологического журнала в Сибири, председателем Сибирского Отдела Советской Социологической Ассоциации (ССА), а затем и Президентом ССА. Костяк школы сначала составил из десанта талантливых ученых, приехавших в 1960-е годы из обеих столиц в образованный новосибирский Академгородок. Затем заработал и продолжает работать до сих пор - механизм собственного воспроизводства сотрудников. Коллектив пополняется выпускниками экономического, а теперь - и социологического, факультетов Новосибирского государственного университета, проходящих в ИЭ и ОП] курсовую и дипломную практику.

Характерные черты НЭСШ складывались постепенно под влиянием ряда факторов. Во-первых, изначально коллектив включая в себя преимущественно ученых с глубокой университетской подготовкой в области общественных наук - экономики или философии. Это определило и доныне свойственный школе "академизм" и фун-

3. На эту тему см.: Батыгин, 1996; Попков, Тюгашев, 2001; Davydova, 1997; Новосибирская социологическая школа, 2003

даментальный характер научных исследований, что является приемлемым в современном социологическом сообществе. Во-вторых, зарождение известного своими свободами Академгородка вдали как центральных, так и местных властей, предоставило исследователям возможность оставаться политически неангажированными при выборе тем и методов работы, что отличало новосибирских социологов от их коллег в столицах, находившихся под гораздо более сильным прессом и пристальным контролем партийных и советских органов. В-третьих, между учеными двух десятков академических институтов - от математических до биологических, компактно расположенных в

Академгородке, - имели место постоянные научные контакты. Это позволило новосибирским социологам использовать методы и подходы, характерные для естественных наук - от математического моделирования до экспедиционных исследований с выездом "на натуру". Широкое применение математических методов и постоянные социологические экспедиции с тех пор стали характерной чертой НЭСШ. В-четвертых, социологический коллектив постоянно трудился в рамках академического института экономического профиля, что не могло не сказываться на специфике проводимых исследований. Поэтому для школы всегда была характерна опора как на экономические методы, так и на добротную экономическую теорию. Наконец, в-пятых, расположение "в глубинке" определяло близость коллектива исследователей к происходящим в городе и на селе социально-экономическим процессам. Поэтому ориентация на постоянное взаимодействие с объектом изучения и выявление проблемных областей социально-экономической практики всегда составляли одну из характерных черт научной школы.

Совокупность названных обстоятельств в сочетании с "сибирским характером" и трудоспособностью коллектива, свободного от множества столичных соблазнов, на протяжении ряда лет определяла специфику проводимых НЭСШ исследований, какой бы области они не касались. Представители школы неоднократно выступали первопроходцами в прокладывании новых путей в методологии и методике социально-экономических исследований. Не раз за свою историю НЭСШ выступала родоначальником новых для российского обществоведения областей и объектов исследования. К таким новаторским разработкам можно отнести следующие.

С конца 1960-х годов новосибирские социологи одними из первых ввели в практику активное использование самых современных количественных методов обработки данных.⁴ С того времени и по

4. См. работы коллектива: Измерение и моделирование в социологии, 1969; Методы Распознавания образов и их применение в социальных исследованиях, 1969; Социология и математика: Международный сборник статей, 1970; Моделирование социальных процессов, 1970; Математика и социология, 1972, и др.

сей день НЭСШ отличает как строгость в постановке и решении: дач, так и постоянно развивающееся использование самых изощренных математических методов обработки социально-экономических данных, что обеспечивает достоверность получаемых результатов

В 1970-х годах новосибирские социологи активно разрабатывают и успешно применяют системные подходы к анализу социальных объектов. Они явились пионерами в отечественной социологии в приложении к практике этого общенаучного метода. В тот период коллективом были подготовлены фундаментальные методологические работы в этом направлении⁵. Одним из следствий применения системного подхода явились разработки в области *социально-территориальной структуры* советского общества - новой исследовательской категории российского обществоведения, получившей свое дальнейшее развитие в трудах не только социологов, но и СОЦИАльных географов, экономистов, историков. Общие контуры многолетних исследований представлены в работе *Социально-территориальная структура города и села: Опыт типологического анализа*, 1982. Далее были выполнены и опубликованы труды, специально посвященные исследованию различных уровней социально-территориальной структуры - от поселенческого до регионального (в последних мы принимали непосредственное участие).

В 1980-е годы коллектив НЭСШ привлек внимание социологов к новой категории - социальный механизм, впервые начав применять так называемый "механизменный подход" в своих исследованиях. Введенная лидерами школы Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной категория "социального механизма развития экономики" фокусировала внимание исследователей на движущих силах социальных процессов, протекающих как в экономической сфере, так и в обществе в целом⁶. Если использование системного подхода было направлено преимущественно на выявление структуры, статики, т.е. элементов и связей целостного социального объекта, то при "механизменном подходе" на первый план выдвинулась задача анализа закономерностей социальной динамики. Категория социального механизма развития экономики была положена в основу нового направления исследований коллектива - экономической социологии. Книга Т.И. Заславской и Р.В. РЫБКИНОЙ "СОЦИОЛОГИЯ экономической ЖИЗНИ: Очерки теории", изданная в 1991 г., послужила одним из первых отечественных учебников по этой дисциплине. Тем самым НЭСШ выступила основоположницей формирования экономической со-

5. Проблемы системного изучения деревни, 1975; Методологические проблемы системного изучения деревни, 1977; Методология и методика системного изучения советской деревни, 1980, и др.

6. См.: Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики, 1989 и др.

циологии в СССР. Развитие нового направления явилось не только теоретическим вкладом НЭСШ в совершенствование социологического знания, но и послужило актуальным ответом на вызовы реформирующегося советского общества⁷.

С середины 1990-х годов новосибирские социологи активно осваивают применение институционального подхода в социологических исследованиях. В настоящий период институциональное направление становится "центральным направлением исследований Новосибирской социологической школы" (Калугина, 1999. С. 119), что находит отражение в работах ее коллектива последних лет. Внимание уделяется институциональному устройству общества, анализу важнейших экономических институтов, деятельности социальных акторов в тех или иных институциональных рамках. Интерес к институциональной проблематике отразил переход к анализу более глубоких общественных структур, определяющих долговременную динамику развития российского общества, что логически развивает ранее присущие НЭСШ подходы. Они и определили специфический социологический институционализм Новосибирской экономико-социологической школы. Он базируется одновременно на: а) активном освоении и творческой адаптации зарубежных концепций, б) синтезе разнообразных подходов и в) конструировании на их основе новых оригинальных методологических схем анализа.

Предложение собственных исследовательских схем и концепций составляет сегодня первую характерную черту работ НЭСШ в институциональном направлении. Вторым отличием институционального подхода в работах школы является стремление сочетать исследования макро- и микроуровней. Практически во всех работах коллектива, так или иначе представлен макроуровень анализа, при котором объектом выступает общество в целом или его важнейшие подсистемы. Когда для исследований многих эконом-социологов характерен отказ от структуралистских аналитических схем, то в НЭСШ именно этот структуралистский подход получил свое развитие. Он выражается в

анализе общества как социальной системы, изучении регулирующих его развитие институциональных механизмов, исследовании специфики российского общества на основе категориального аппарата общих институциональных теорий. В отличие от распространенной позиции, что "экономическая теория - это универсальная грамматика общественной науки" (*Hirshleifer, 1985. P. 53*), социологический институционализм Новосибирской школы, наоборот, выводит законы экономики из законов общественного Целого.

Именно в таком качестве социальная институциональная теория становится адекватным инструментом анализа "экономиче-

7. См.: Экономическая социология и перестройка, 1989.

- 42 -

ской проекции социальных систем". Как указывает Хайлбронер "искать корни экономики в институциональных основах общее весьма разумно, поскольку порой невозможно отличить, например экономические, социальные и политические способы привнесем порядка общественной жизни" (*Хайлбронер, 1993. С. 47*). Если проанализированные в предыдущем параграфе схемы постсоветского институционализма представляют собой адаптацию идей новой институциональной экономической теории (и логически предшествующей ей микроэкономической теории неоклассики), то социологический институционализм Новосибирской школы тяготеет скорее старым институционалистам (Т. Веблен, К. Менгер и др.)⁸, хотя имеет собственные корни. Нынешние концептуальные и теоретические схемы институционального анализа макроуровня - естественное развитие упомянутых выше работ Т.И. Заславской по методологии системного исследования социальных объектов и содержащихся в трудах Т.И. Заславской и Р.В. РЫБКИНОЙ положений о сущности социальных механизмов развития экономики и общества, внутренними, глубинными элементами которых являются институты (*Заславская, Рывкина, 1991*).

Третья особенность институциональных исследований НЭСШ ярко выраженный эволюционный подход. Эволюция в данном случае имеет определенный "телеологический" привкус, как в утверждении о том, что желуди эволюционируют в дубы (*Wallerstain 1995. P. 1*). Это означает, что результат функционирования социальной системы является закономерным, "вписанным" в ее внутренние механизмы по аналогии с тем, как программа биологического развития организма вписана в его генетический код. Такая трактовка эволюции предполагает, что исторические траектории социальных тем до определенной точки вписаны в их структуры. Поэтому изучение макроструктур, составляющих одну из характерных черт НЭСШ, позволяет определять "коридоры" возможной эволюции социально-экономических систем.

Четвертой особенностью социологического институционализма Новосибирской школы является новое видение общества через призму его институционального устройства. Институты выступают не внешними условиями экономической деятельности, как это полагает микроэкономика, в том числе и институциональная, - они образуют самую ее сущность. Экономика рассматривается как система взаимосвязанных хозяйственных институтов, их функционирование есть функционирование

8. Традиционный институционализм - течение экономической мысли, которое в большей степени связано с социологическими методами анализа. Традиционный институционализм более ориентирован на использование идей из смежных дисциплин - философии, истории, больше

самой экономики. Впервые эта позиция была обозначена в работах О.Э. Бессоновой, предложившей институциональную теорию *раздатка* как особого типа экономики, с одной стороны, противостоящего, а с другой - системно дополняющего экономику рыночного типа (Бессонова, 1993, 1997, 1999). Идеи этой теории, получившей свое эмпирическое подтверждение в ходе нашей совместной работы по мониторингу преобразований жилищного городского хозяйства в 1992-1996 гг. (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996), послужили для нас отправной точкой для выдвижения собственной макросоциологической гипотезы об институциональных матрицах, определяющих специфику функционирования и эволюции общества как социальной системы. В рамках такой гипотезы выделяются стабильные базовые институты, обеспечивающие сохранение и функционирование социума. С другой стороны, анализируются изменчивые, мобильные институциональные формы, в которых реализуются базовые институты при конкретных культурно-исторических условиях. Экономика при этом рассматривается в качестве проекции, среза, подсистемы определенного типа общества, а специфика обуславливающих ее развитие институтов определяется характеристиками этого общественного целого. Третья глава специально посвящена изложению основ этой теоретической гипотезы.

Подытоживая, можно сказать, что для отмеченных исследований Новосибирской экономико-социологической школы характерен ряд свойств, которые позволяют зафиксировать наличие системной парадигмы в осмыслении общественных процессов. Свойства системной парадигмы были рассмотрены Я. Корнай (Корнай, 2002. С. 10-12). Отметим наиболее существенные из них, представленные в исследованиях НЭСШ.

1. Общественная система рассматривается как целое, объектом изучения являются взаимосвязи между этим целым и его частями.

2. Исследования носят комплексный характер и не сводятся к какой-либо частной дисциплине (экономике, социологии, политологии). Особое внимание уделяется взаимодействию различных сфер функционирования общества.

3. Внимание исследователей сосредоточено на институтах, которые определяют рамки и динамику конкретных процессов. Институты понимаются достаточно широко, как возникшие исторически и развивающиеся эволюционным путем⁹.

4. Существующая организация общества рассматривается в контексте исторического процесса.

9. Корнай специально отмечает сходство между этим свойством системной парадигмы и парадигмой западной "институциональной экономики", отмечая одновременно, что в других аспектах они весьма различны (Корнай, 2002. С. 10).

5. Особое внимание уделяется существенным изменениям и глубоким трансформациям, а не мелким текущим переменам.

6. Дисфункции имплицитны системам, их можно лишь смягчить, но не устранить, поскольку их способность к самовоспроизводству глубоко укоренена в самой системе.

7. Сравнение выступает наиболее типичным методом в системной парадигме. Оно осуществляется в основном на качественном уровне.

Я. Корнаи, выделивший черты системной парадигмы, представил список ученых, наиболее последовательно ее реализовавших - К. Маркса, Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, К. Поланьи*, Й. Шумпетера, В. Ойкена. К этому направлению он отнес и свои работы. И он же отметил общее, объединяющее этих разных исследователей - все они изучали два типа экономических систем, по-разному их называя (*Корнаи, 2002. С. 6-9*). Выделение двух типов альтернативных механизмов, которыми могут координироваться экономики - важный элемент системной парадигмы. Для отмеченных работ представителей НЭСШ также характерно внимание к анализу двух типов социальных (хозяйственных) систем, совместное их рассмотрение.

Таким образом, новосибирских социологов, работающих над изучением экономических институтов, объединяет общая "исследовательская программа" (по Лакатошу), в рамках которой разделяются определенные базовые положения и делаются одинаковые дополнительные допущения (*Lakatos, 1971*).

2.3. Резюме

Постсоветский институционализм широко представлен в экономических исследованиях, ведущихся учеными современной России. В нем можно выделить два непропорциональных "крыла". Первое представляет собой адаптацию идей зарубежных неинституциональных теорий. К нему, во-первых, относятся исследования эконом-социологов, использующих категории неинституционализма в социологических исследованиях экономики. Вторую группу образуют экономисты-математики, заимствующие идеи неинституционализма в "корпусе" математических моделей, для которых те СЛУжат идеологическим обоснованием. Третья группа - это своеобразный "кафедральный неинституционализм". Он популяризирует и развивает зарубежные идеи в учебниках и предлагаемых программа исследований. Четвертую группу образуют экономисты, ведущие прикладные исследования. Для них неинституционализм предоставляет категориальный аппарат, с помощью которого могут быть объяснены некоторые новые реалии российской экономики.

* В некоторых случаях фамилию этого автора переводят как Полани (от ред.).

Другое крыло, несравнимое с первым по объему, это социологией институционализм Новосибирской экономико-социологической школы. Он опирается на собственную историю и, по сути, более тяготеет к тому, что в западной экономической науке называется традиционным институционализмом.

Для первого крыла институциональных исследований характерно преимущественное внимание к тем процессам, которые связаны с развертыванием в экономике страны рыночных отношений. Социологический институционализм Новосибирской школы представляет собой попытку выявления исторически устойчивых присущих России экономических институтов. Здесь рыночные экономики не рассматриваются как неизбежный и единственно верный путь для всех стран. Стоит задача создания таких исследовательских теорий, в которых могут быть представлены и корректно сопоставлены разные типы экономических отношений, имеющие устойчивый

характер и дополняющие друг друга. При этом тип экономики является одновременно и исходным, и производным для типа общества, в котором эти экономические отношения осуществляются.

Глава 3 ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

Матричный принцип передачи наследственной информации, изменчивости и размножения - самая главная идея XX-го века, равная по значению идеям квантовой механики
С. Шноль

Выдвижение и апробация гипотезы институциональных матриц (в русле социологического институционализма Новосибирской экономико-социологической школы) строятся как объясняющая теория, она имеет свою аксиоматику, взаимосвязанный набор понятий, исторические обоснования и верифицируется применительно к современным процессам. Теория институциональных матриц реализует социологический институционализм как способ особого видения; это попытка по-новому взглянуть на уже известные вещи. В структуре общества - сложного, многоликого, находящегося в постоянном движении, она выделяет его глубинные структуры, своеобразный "геном" общества, который сохраняется и воспроизводится. Такой подход - один из способов преодолеть обособление социаль-

но-экономической науки от наук естественных - химии, биологии, физики и др. Общество здесь рассматривается как живая филогенетически развивающаяся система, приспособляющаяся к внешним условиям. Выявить обеспечивающие это развитие структуры - наша задача. Подробное изложение результатов исследований в области институциональных матриц содержится в наших монографиях, специально посвященных этим вопросам (Кирдина, 2000, 2001). Здесь приведены лишь важнейшие положения и выводы, которые необходимы для понимания оснований дальнейшего анализа X- и Y-экономик..

3.1. Исходные постулаты и ограничения

Развивая те или иные идеи в научном сообществе, важно не только *сказать*, но и *быть услышанным*. Формулировка исходных предпосылок - необходимая, на наш взгляд, платформа для дальнейшего научного диалога, в котором мы надеемся быть услышанными и понятыми своими коллегами. Кроме того, если мы стремимся к тому, чтобы, работая в области общественной науки, принести в нее традиции точных и естественных наук, то начать следует с аксиоматики и исходных постулатов (а, стало быть, и ограничений) выдвигаемой теоретической гипотезы. Набор постулатов и аксиом позволяет, во-первых, зафиксировать авторскую методологическую позицию, "вписаться" в определенные научные направления. Во-вторых, тем самым определяется область приложения гипотезы или теории, накладываются ограничения на использование получаемых результатов. Наконец, ничто более не способствует определению предмета теории, чем набор аксиом и постулатов, на которых она базируется. Они - символ теории, и в них заложена первичная концепция мира, каким видит его автор.

Наши постулаты - составляющие системной парадигмы, реализуемой в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы, подробно рассмотренной в 2.2.

Первый исходный постулат (первая аксиома), который принимается "без дальнейшего обсуждения" - это *объективистская направленность* при анализе общества.

Социально-экономические науки понимаются как мультинаправленные, или мультипарадигматические, что отражает реальные трудности в однозначной (всеми признанной) интерпретации сущности предмета. Тем не менее можно выделить по крайней мере два наиболее общих подхода (их часто называют и парадигмами), которые внутри себя представлены конкретными методологическими достижениями, т.е. теориями - объективистский и субъективистский. Они отражают разные взгляды на устройство общества, и рав-

- 47 -

но признаны исторически сложившимися образцами анализа общества как изучаемого феномена.¹

При объективистском подходе, общество рассматривается не как продукт деятельности людей (хотя эта его сторона чрезвычайно важна и присутствует в реальности), но как объективно (независимо от них) существующая реальность. Конечно, это не означает, что мы оспариваем утверждение о том, что генетически общество возникает в результате взаимодействия индивидов. Но обращаем внимание на ту его особенность, что, возникнув, общество начинает жить по собственным законам. Поэтому мы абстрагируемся от присущего обществу свойства, изучаемого во множестве других работ во все времена, - нести на себе отпечаток характеристик индивидов,

1. Известны и другие подходы к определению основных парадигм, существующих в современной социологии. Так, Немировский полагает, что существуют пять основных парадигм, или исходных концептуальных схем, объяснительных моделей, на которые опираются различные концепции. Их различие объясняется разным пониманием социальной реальности. Во-первых, он выделяет парадигму "социальных факторов", при которой социальная реальность сводится к социальным структурам и социальным институтам, отождествляемым с понятием реальных вещей. Эта парадигма берет свое начало в работах Дюркгейма, а ее основными теоретическими направлениями являются структурно-функциональный анализ и концепции социального конфликта. Сюда Немировский относит Сорокина, Парсонса, Мертона и Дарендорфа. Во-вторых, выделяется парадигма "социальных дефиниций", связываемая с работами М. Вебера. В этой парадигме социальное поведение людей обуславливается пониманием ими социальной реальности. Основными теоретическими направлениями здесь являются символический интеракционизм, феноменологическая социология и этнометодология (Мид, Гарфинкель, Лукман). В-третьих, выделяется парадигма "социального поведения", опирающаяся на психологическую ориентацию в американской социологии. Поведение человека рассматривается здесь как соответствующая реакция на определенные внешние стимулы, зависящая от ожидаемого вознаграждения или наказания. Главными теоретическими направлениями в рамках этой парадигмы выделяются бихевиористская социология и теория социального обмена, а главными фигурами - американский психолог Б. Скиннер и Д. Хоманс. В-четвертых, выделяется парадигма "психологического детерминизма", базирующаяся на трудах З. Фрейда. Реальность рассматривается через призму извечного конфликта индивида и общества. Главными теоретическими направлениями здесь являются неопрейдизм (Э. Фромм, Д. Рисмен) и фрейдомарксизм (Г. Маркузе и Ф. Райх). В-пятых, выделяется парадигма "социально-исторического детерминизма", появление которой связано с именами классиков марксизма. В рамках этой парадигмы социальная реальность рассматривается как совокупность отношений между людьми, а в фокусе основного внимания находятся социальные структуры, которые, взаимодействуя друг с другом, порождают социальный процесс. Немировский полагает, что в рамках этой парадигмы реальный человек из объяснительной схемы устраняется, а ведущая роль в общественном развитии приписывается производственно-экономическим факторам

(Немировский, С. 203-204). На наш взгляд, обе классификации не противоречат друг другу, просто наша является более агрегированной, последовательно развернутой Немировским в более подробную, при сохранении базового деления на объективистскую (первая и пятая) и субъективистскую (вторая, третья и четвертая) парадигмы.

- 48 -

его образующих. "Социальное существование" общества автономно по отношению к индивидуальному - эту парадигмальную идею разработал в свое время основатель социологии О. Конт. Общество при таком подходе понимается как реальность *sui generis* (как она есть), на чем вслед за Контом настаивал классик социологии Э. Дюркгейм. Общества, - писал он, - это "реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам... Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной и вместе с тем необходимой для того, чтобы описывать и объяснять, чтобы выявлять его характерные признаки и причины (Дюркгейм, 1995. С. 269). Человек может стремиться познать закономерности этого порядка и действовать в соответствии с ними, как, например, он действует, принимая во внимание наличие силы тяжести, с которой нельзя не считаться. Но в конечном счете действия социальных субъектов ограничиваются, определяются этими законами, которые они не в состоянии отменить ни в ходе реформ, ни в ходе революций. Наш подход продолжает, таким образом, известные традиции исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей. При данном подходе "не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" (Маркс, Энгельс, Соч., 2-е изд. Т. 13. С. 6-7). Такой подход реализует также известную идею отчуждения человека от созданных им самим сущностей, которые противостоят ему как внешние, самостоятельные, что позволяет проводить научный анализ этих сущностей, прежде всего, общества и его основных подсистем.

В этом случае общество понимается как самоорганизующаяся система, естественный исторический объект, социальные структуры которого представляют собой реальность, возникающую в результате непреднамеренной деятельности многих людей, а потому носящих естественный, а не искусственный характер. Иными словами, мы признаем, что общество развивается "не на основе решений каких бы то ни было руководящих инстанций, а диалектической игры множества случайностей, через которые и реализуются общесистемные закономерности" (Немировский, С. 216-217). Задача - выявить эти закономерности. На наш взгляд, именно при таком подходе науки, изучающие общество, в том числе и экономику, можно считать науками естественными (Чернавский, 2001, 2004)

Второй постулат (вторая аксиома), на котором базируются дальнейшие рассуждения, - представление общества как целостного образования. Целостность его обеспечивается наличием фундаментальных внутренних связей и структур, сохраняющих свое значение.

- 49 -

И если социальная оболочка общества может постоянно меняться и меняется, - то его внутренние фундаментальные структуры, выполняющие роль своеобразных "несущих конструкций", существуют в неизменном, можно сказать, виде, как историческая необходимость, пробивающая себе путь через

многочисленные случайности и социальные метаморфозы. Внутренние фундаментальные связи представляют собой универсальные и неизменные исторические законы, по которым это целое функционирует. Поэтому при рассмотрении частей, или подсистем, общества, в том числе и экономики необходимо эти определяющие, существенные связи принимать во внимание.

Такой подход к экономике разделяют многие экономисты. Особенно это характерно для российской школы экономической мысли (подробнее об этом см. Главу 12). Экономисты ордолиберального направления придерживаются аналогичного подхода. Например, Х. Зайдель и Р. Теммин Р. в своей работе "Основы учения об экономике" пишут, что экономическая система - составляющая часть социальной системы, а ее назначение - организовать использование людьми ресурсов.

Совместные или разнонаправленные действия людей можно регулировать разными способами. Если в свободе личности усматривается высшая ценность по отношению к другим людям и даже обществу, тогда говорят о принципе индивидуальности. Напротив, если высшая ценность признается за обществом в целом, в особенности - за государством, которому индивидуум полностью подчинен, тогда говорят о принципе коллективизма (социальный принцип). Перенесение принципа индивидуальности на экономику создает предпосылки для формирования системы рыночной экономики с ее великими идеями свободы и благосостояния всех людей. Применение принципа коллективизма в экономике приводит к формированию, как правило, системы централизованного управления экономикой (Зайдель, Теммин, 1994). Карл Поланьи, предвзято многих институционалистов, также предлагал рассматривать экономику как встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций и общественных отношений институт (Polanyi, 1957). Другое дело, что для реализации такого подхода необходим специальный инструментарий. Мы попытались его предложить в рамках концепции институциональных матриц.

Понятие *базового института* образует третий исходный постулат, на котором строятся все дальнейшие рассуждения. Очевидно то, что институты - это сложные функционально дифференцированные системы, имеющие различные элементы и составляющие. В данном случае основной интерес состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Именно с этой целью вводится понятие "базового института", характеризующего исторически устойчивые, инвариантные по отношению к действиям отдельных акторов, по-

- 50 -

стоянно воспроизводящиеся в практике социальные отношения. Базовые институты образуют остов, скелет общества, они задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий. Базовые институты складываются исторически, в ходе взаимодействия организующегося социума с условиями внешней среды. Они представляют собой устойчиво закрепившиеся "социальные технологии", определяющие характер последующего развития обществ. Если вернуться к разделяемому нами марксову пониманию общества не как совокупности индивидов, но как "суммы связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу" (Маркс, К критике... С. 247), то базовые институты представляют собой самое существенное в этих связях.

Понятие базовых институтов позволяет обособить глубинные, относительно постоянные структуры институциональной среды от ее внешнего, динамичного, меняющегося, поверхностного слоя. Поскольку очевидно, "что один и тот же базис - один и тот же со стороны главных условий - благодаря бесконечно

различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. - может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств" (Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд. С. 354). Это различие нами закрепляется посредством понятия *институциональных форм*. В отличие от базовых институтов, сохраняющих свое содержание, институциональные формы мобильны, пластичны, изменчивы. Они представляют собой конкретные установленные образцы, способы, организации, в которых проявляется порядок взаимодействия социальных субъектов. К ним можно отнести законодательные акты, системы организации труда, формы Хозяйственных связей, политические процедуры и т.п. Институциональные формы - это прямое или опосредованное внешнее выражение базовых институтов, задающих социетальную природу общества.

Применительно к экономике вопрос о разделении институциональных форм и институциональной структуры был поставлен Олегом Игоревичем Ананьиним еще в 1996 г. Он разграничивал их следующим образом. Институциональные формы экономической деятельности, - это эмпирически наблюдаемые явления, такие, как организации с их устоявшимся порядком работы (рутина), правовые и административные нормы, формальные и неформальные каналы коммуникации, информационные потоки и др. В отличие от них институциональная структура экономики определяется как совокупность институциональных отношений, направляющих ход экономических процессов. Среди них - социальные и ценностные структуры, властные и организационные системы, поведенческие стереотипы и

- 51 -

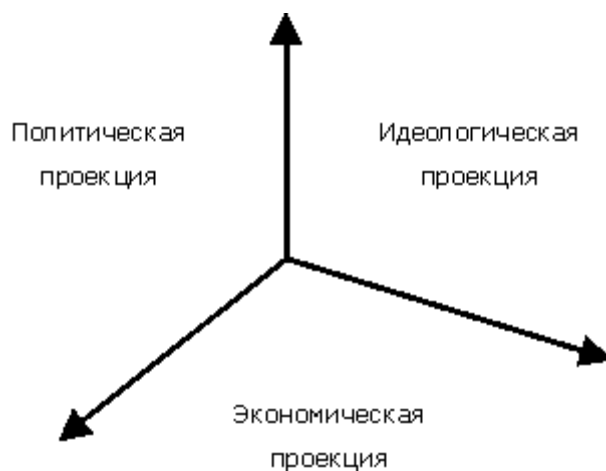

Рис. 1. Схема рассмотрения общества в системе экономических политических и идеологических координат

культурные нормы (Ананьин, 1996. С. 15).

Четвертый постулат концепции - это постулат функциональной необходимости. Он аналогичен условию необходимости и достаточности в точных науках и предполагает, что теоретическое описание исследуемого объекта должно содержать все существенные признаки, позволяющие и обособить, и адекватно описать предмет исследования. В данном случае это означает, что для построения институциональной модели общества (и его подсистем) используется состав базовых институтов, необходимый для того, чтобы релевантно представить строение исследуемого феномена. Одновременно их состав формируется как достаточный для того, чтобы не

привлекать для описания иные понятия, схемы, методологические конструкции. Так, модель целостного общества, используемая в данной работе, выделяет лишь три его проекции как наиболее значимые, с одной стороны, и в которых "схватываются" основные особенности институционального устройства, с другой стороны. "Социологическое воображение" представляет общество в единстве трех его основных проекций², в своеобразной системе координат - экономических, политических и культурно-идеологических (рис. 1)

Согласно этой схеме, любые социальные отношения, образующие остоу общественной структуры, по сути, являются едиными, целостными, т.е. неделимыми, но они могут рассматриваться с разных сторон. В зависимости от предмета науки или разных исследовательских задач могут выделяться следующие стороны социальных отношений:

- **экономические**, т.е. связанные с получением ресурсов для воспроизводства социальных субъектов;

- **политические**, т.е. определенным образом организованные, упорядоченные и управляемые, ориентированные на достижение определенной цели;

- **идеологические**, т.е. реализующие определенную идею, те или иные значимые для общества ценности, что отличает социальную деятельность человека от жизнедеятельности животных.

2. Более подробное обоснование такого взгляда, а также его соотнесение с основными социологическими подходами в отношении образующих общество подсистем представлены в: Кирдина, 2001. С. 49-55

Этот "триединый" взгляд и составляет суть развиваемого в дальнейшем теоретического представления о структуре общества, в котором экономика, политика и идеология, являясь частями одного целого, зависят друг от друга и, в конечном счете, друг друга взаимно определяют. Поэтому связаны между собой действующие в экономической, политической и идеологической сферах базовые институты - основной предмет исследования в теории институциональных матриц. (Подробнее о базовых институтах, действующих в экономических подсистемах, см. 4.2 и главы 5-8).

На основе заданных постулатов формируется основное понятие, посредством которого, по нашему мнению, можно охарактеризовать тип любого общества, а именно - институциональная матрица. Матрица, в переводе с латинского, означает - "матка", основа, первичная исходная модель, форма, порождающая дальнейшие последующие воспроизведения чего-либо. Соответственно, институциональная матрица общества означает первичную модель базовых институтов, т.е. связанных между собой экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии (схематическое представление институциональной матрицы показано на рис. 2). Все последующие институциональные структуры воспроизводят и развивают, обогащают эту первичную модель, сущность которой тем не менее сохраняется. Это означает, что институциональная матрица инвариантна относительно действий людей, хотя проявляется в различных, постоянно развиваемых в ходе человеческой деятельности, институциональных формах, обусловленных культурным и историческим контекстом. Матричность, или систем-

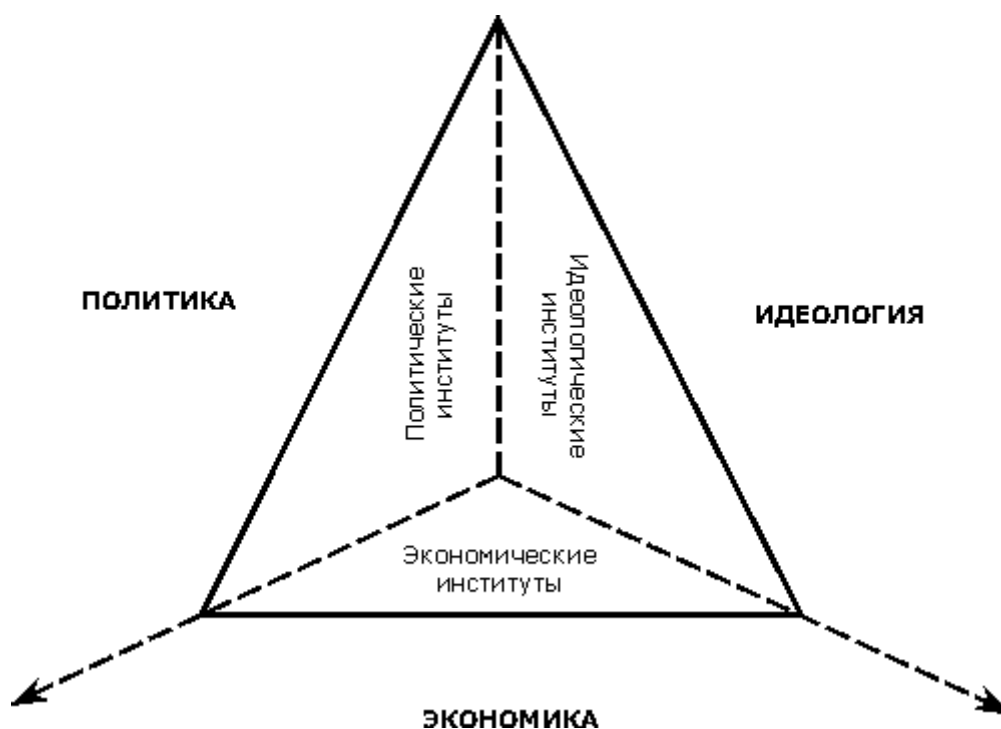

Рис. 2. Схематическое представление институциональной матрицы

- 53 -

ный характер институциональной структуры, означает принципиальную невозможность кардинального изменения одного из институтов без изменения всех остальных в этой системе. Понятие институциональной матрицы фиксирует наше внимание на эмергентном характере институтов³, позволяет выделять те институциональные структуры, которые, сформировавшись как необходимые в силу сочетания материальных и исторических предпосылок, передаются, воспроизводятся, продолжают свое существование. Выявление институциональных матриц государств - актуальная задача, поставленная в рамках современной институциональной теории (Норт, 1997а). Их значение состоит в том, что они определяют содержание и направленность основных социально-экономических процессов конкретных обществ.

Институциональная матрица - это сформировавшийся естественным путем, а не в результате преднамеренной деятельности, комплекс институтов, обеспечивающий выживание большой группы людей в тех внешних условиях, в которых они оказались. Институциональная матрица для обществ аналогична архетипам общественного сознания⁴. Матрица несет в себе протосценарии социальных ситуаций.

Обозначенные исходные постулаты задают и ограничивают направления разработки и использования положений теории институциональных матриц. Они определяют, что основное внимание уделяется изучению устойчивых, существующих как рамки для социального поведения, глубинных общественных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития государств. В этом случае институциональные структуры обладают приоритетом - онтологическим и методологическим - перед акторами. Исследование направлено на изучение этих исторически сложившихся базовых институтов, определяющих социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. Соответственно, можно выделить ограничения, которые следует иметь в виду при использовании теории институциональных матриц и

распространении получаемых на ее основе результатов на те или иные классы социально-экономических явлений и процессов.

Первое ограничение - это адекватность категории институциональных матриц для исторически устойчивых социально организованных сообществ, имеющих собственную историю. В первую очередь это государства, исторически долго сохраняющие контуры тер-

3. Эмергентность означает, что свойство, раз появившись, закрепляется и передается по наследству.

4. Под архетипами К.Г. Юнг, как известно, понимал элементы коллективного бессознательного, обозначающие суть, форму и способ связи наследуемых бессознательных первичных человеческих первообразов и структур психики, обеспечивающих основу поведения, структурирование личности, понимание мира.

- 54 -

риториальной и политической целостности. Очевидно, что история большинства стран включает в себя периоды сжатия и расширения занимаемого ими пространства, некоторого изменения состава образующих их территориальных общностей, смену форм политической организации и т.п. Тем не менее в отношении большинства современных и древних государств (на основе которых воспроизведены современные) можно говорить о наличии обозначенных выше контуров. Это означает, что к анализу эволюции большинства государств теория институциональных матриц вполне приложима. В то же время ее применение ограничено в отношении, во-первых, догосударственных форм социальной организации (племен, родовых общин и др.). Во-вторых, теория слабо применима к изучению небольших стран, прежде всего находящихся на границе с группами государств с разным типом институциональных матриц (если государства находятся внутри группы однородных стран, теория институциональных матриц "работает" достаточно хорошо). Пограничный характер и относительно малые размеры определяют большую роль внешних факторов (доминирование соседних стран) для "маленьких государств". Поэтому в разные периоды исторического развития они могут тяготеть то к одному, то к другому типу институциональной структуры, что затрудняет выявление присущей им структуры базовых институтов.

Второе ограничение связано со структурным представлением об обществе как объекте исследования. Фокус внимания на структурных характеристиках означает, что преимущественно исследуется статика. Динамика в данном случае предстает как развертывание этой структуры, а механизмы динамического развития специально не выделяются. Заметим, что такой подход является достаточно распространенным в социальных науках. В свое время еще Огюст Конт ввел формулу: "прогресс есть развитие порядка". При таком подходе выявленная посредством понятия институциональной матрицы социальная статика означает солидарность в пространстве, в то время как социальная динамика может рассматриваться как сохранение или изменение солидарности социальных структур во времени. В теории институциональных матриц упор делается на преобладании социальных отношений и их влиянии на последующее развитие общества прежде всего посредством сложившейся структуры этих отношений. Принятая аксиоматика означает ограничение применения нашего подхода к анализу иных движущих сил социально-экономических процессов, связанных прежде всего с деятельностью личностей и групп людей в историческом процессе. Для исследований подобного рода более продуктивны иные подходы. Хотя теория институциональных матриц и позволяет определить "коридоры эволюции" тех или иных государств, она не

дает необходимого аппарата для объяснения того, какими конкретными способами будет организовано (или может быть организовано) движение по этим коридорам.

Конечно,

- 55 -

определяя площадь квартиры, можно пренебречь кривизной Земли. Но при определении траектории космической ракеты эту кривизну необходимо принимать во внимание. Так и в нашем случае - на основе теории институциональных матриц прогнозируются и могут быть "рассчитаны" долгосрочные траектории развития государств, но для анализа сиюминутных ситуаций она не так необходима.

Третье ограничение накладывается на временные параметры тех процессов, для объяснения которых целесообразно использование теории институциональных матриц. Она плохо работает в качестве "ситуационного анализа" мимолетных (в историческом смысле) явлений, но в то же время обладает достаточно хорошими эвристическими возможностями для объяснения динамики долгосрочных процессов, как в ретроспективном, так и в перспективном планах. Также часто она позволяет "вылавливать" из множества возникающих институциональных форм те, которые имеют наибольшую вероятность закрепления в действующих социально-экономической и политической структурах и могут рассчитывать на широкую общественную поддержку. Критерием выступает обычно соответствие той или иной формы природе институциональной матрицы и ее вкладу в формирование необходимого институционального баланса. Другими словами, теория институциональных матриц хорошо объясняет факторы **отбора** тех или иных практических решений, но плохо объясняет факторы их **выбора**. Связано это с тем, что отбор по своей сути - это детерминированный процесс, в ходе которого отбирается наиболее целесообразный вариант, результат отбора предсказуем и достаточно однозначен в рамках теории институциональных матриц. Выбор же представляет собой недетерминированный процесс, который происходит в состоянии неустойчивости. Результат выбора заранее мало предсказуем, часто он происходит как бы случайно, определяется актуальным соотношением политических и экономических сил, внешними и внутренними обстоятельствами развития страны. Для прогнозирования конкретных выборов теория институциональных матриц не может применяться как адекватное методологическое средство. Здесь целесообразно использовать иные социологические, политические или даже социально-психологические концепции.

Итак, теория институциональных матриц при анализе истории обществ акцентирует внимание на постоянном, непреходящем. Шеллинг считал основной характеристикой истории объединение свободы и необходимости; история и возможна лишь благодаря этому единству (*Shelling, 1979. S. 242*). Если субъективистская направленность, имеющая своим основным объектом изучения деятельность социальных групп, главное внимание уделяет фактору свободы в истории, то теория институциональных матриц, развиваемая в рамках объективизма, большее внимание уделяет необходимости в истории. Выражением этой необходимости служат исторические кон-

- 56 -

станты обществ - самовоспроизводящиеся и этим сохраняющие свою природу институциональные матрицы. Общество в этом рассмотрении предстает не как

пространство действий, явлений, определяемых выбором человека, но как глубоко лежащая за общественными явлениями и действиями социальная сущность; мысль ученого движется от анализа внешних факторов к исследованию возможных обуславливающих их причин. Такими сущностями, генетическими причинами общественных феноменов являются институциональные матрицы общества, порождающие его постоянно развивающиеся и исторически преходящие институциональные структуры.

3.2. Два типа институциональных матриц (X и Y - матрицы)

Если продолжить следование логике естественно-научного знания, то после определения аксиом, условий и ограничений нужно сформулировать само утверждение (теорему, положение, закон и т.д.), а затем перейти к доказательству. В данном параграфе мы сформулируем утверждение о том, что все многообразие конкретных особенностей большинства государств, существовавших и существующих на земле, можно при определенном уровне абстракции представить в виде двух идеальных типов (в смысле Макса Вебера), качественно различных институциональных матриц, агрегирующих в себе реальное многообразие социальных связей. Мы назвали их X и Y - матрицы. Несмотря на кажущуюся упрощенность, мы полагаем, что такое разделение вскрывает глубокие и существенные различия, которые не всегда принимаются во внимание в социально-экономических исследованиях в должной мере. Кроме того, не всегда простота означает упрощенчество. Как говорил в свое время академик Никита Николаевич Моисеев, с которым нам посчастливилось неоднократно беседовать, "Понимание приходит лишь через достаточно простые образцы реальности".

Итак, X и Y - матрицы отличаются комплексами образующих их базовых институтов (рис.3.).

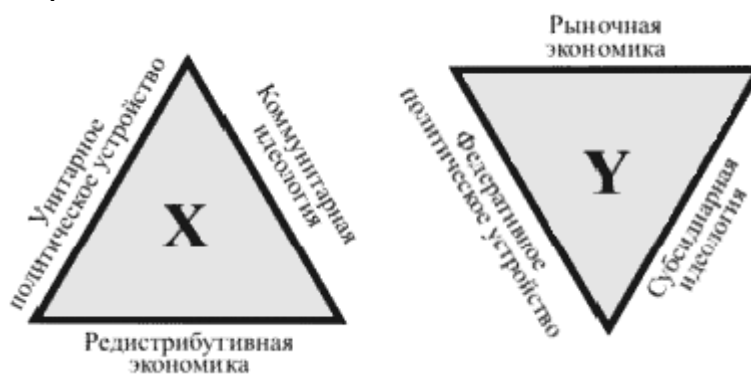

Рис. 3. Различие X- и Y-матриц

- 57 -

Для **X- матрицы** характерны такие базовые институты:

- в экономической сфере - *институты редистрибутивной экономики* (термин К. Поланьи*). Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию;
- в политической сфере - *институты унитарного политического устройства*;
- в идеологической сфере - *институты коммунитарной идеологии*, основное содержание которых состоит в доминировании коллективных, общих ценностей над индивидуальными, приоритет Мы над Я.

Мы полагаем, что X- матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америке.

Y- матрица, в свою очередь, имеет следующие базовые институты:

- в экономической сфере - институты рыночной экономики;
- в политической сфере - институты федеративного политического устройства;
- в идеологической сфере - институты субсидиарной идеологии, в которых закрепляется доминирующее значение индивидуальных ценностей по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер, т.е. в идеологических институтах закрепляется приоритет Я над Мы.

Очевидно, что Y-матрица доминирует в большинстве стран Европы и США.

Дадим краткую характеристику институционального устройства того и другого типов.⁵ Начнем с описания X - матрицы.

В экономической системе стран с X- матрицей преобладают институты редистрибутивной X-экономики. В рамках такой экономики через Центр происходит аккумуляция основных создаваемых продуктов, согласование условий их производства и потребления, а также редистрибуция (распределение) ресурсов и продукции между участниками хозяйственного процесса. Основу экономики составляет централизованно-управляемая условная верховная собственность, независимо от конкретной своей формы - княжеской ли, государственной, федеральной и т.д. Поскольку хозяйство таких стран в основной тесно взаимосвязано, то главная задача экономических субъектов - не столько заработать себе прибыль, сколько обеспечить сбалансированность производства и его пропорциональность, иначе недостаток или избыток в одном

* Известен другой перевод фамилии автора - Полани

5. Подробнее см. Кирдина, 2001, 2002.

сегменте чреватые осложнениями для всего хозяйственного механизма. Поэтому так велика роль планирования и *координации* материальных и денежных потоков в редистрибутивных экономических системах. Трудовые отношения регулируются институтом *служебного труда*⁶, определяющего необходимость всеобщей занятости населения.

В политической сфере обществ с X-матрицами доминируют **институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства**. Унитарная политическая структура характеризуется наличием института *иерархической вертикали власти во главе с Центром*, а также принципами *административного построения* государства, при котором его территориальные единицы не являются суверенными и независимыми в политическом отношении. Поэтому поле компетенции местных (региональных) властей всегда уже, чем поле совместной компетенции Центра и регионов или Центра как такового. В управленческих структурах унитарного типа доминируют принципы *назначения*, а не *выборности*. Главным средством обратной связи в такой политической системе являются *обращения по инстанциям*. На их основе корректируются правила политической жизни, принимаются те или иные

управленческие решения. Централизованные структуры требуют также принципа *единогласия* при принятии решений, что находит свое выражение в разработке и реализации механизмов согласительных процедур, характерных для современного российского, японского и других обществ такого типа.

Идеологическая сфера обществ с X-матрицей отличается преобладанием **коммунитарной X-идеологии** на всех этапах исторического развития. Известно, что коллективизм, признание общественных ценностей выше личных - особенная черта культуры и идеологии российского общества, равно как и китайского, японского и других, в которых преобладают институты X-матрицы. Например, выражением коммунитарных идеологических институтов на заре нашей истории были ценности "единства земли Русской", а в недавнем прошлом - идея "коммунистического общества". Институты коммунитарной идеологии включают в себя, наряду с институтами *коллективизма*, также *эгалитаризм* - как нормативное представление о социальной структуре и *порядок* - в качестве принципа устройства общественной жизни.

Экономические, политические и идеологические институты в X-матрице тесно связаны, поддерживают друг друга и не могут существовать друг без друга. Действительно, общая собственность редиистрибутивных экономик объективно требует централизованного

6. Термин введен *Бессоновой* в разрабатываемой ею теории раздаточной экономики (Бессонова, 1994, 1997, 1999).

- 59 -

политического управления для своего использования, что не может не поддерживаться господством коллективных, общественных ценностей, разделяемых населением этих стран.

В отличие от России и ее "собратьев" по институциональной X-матрице большинство стран Европы, а также США, как уже отмечено, характеризуются преобладанием институтов **Y-матрицы**. Что это за институты? В экономической сфере западных стран на протяжении всей их истории доминируют **институты рыночной Y-экономики**, т.е. *обмена (купли-продажи)*. Основой таких экономик являются *частная собственность*, которая главенствовала и в Римской империи в эпоху ее расцвета, и составляет остов хозяйственной системы современных Соединенных Штатов Америки и европейских стран, а также *наемный труд*. Главный стимул производства для изолированных частных собственников - *прибыль*, иначе, предоставленные самим себе, они не смогут осуществить следующий шаг в своей хозяйственной деятельности. Между участниками рынка существует *конкуренция*, в ходе которой сильнейшие игроки получают доступ к тем или иным ресурсам или продуктам. Рыночная система хорошо нам известна из учебников по политической экономии, а также из исследований Карла Маркса, который дал научное описание действующей экономики такого типа.

Политическая сфера стран с Y-матрицей регулируется преобладанием **институтов федеративного устройства**. Это означает следующее: независимо от того, есть ли в названии страны слово "федерация" или нет, принцип федеративного, "соединительного" построения государства "снизу вверх", из отдельных самостоятельных княжеств, штатов, земель к единому территориальному образованию - всегда господствует. Таким образом, все западные страны в политическом отношении построены на *федеративных началах*. Управленческая структура также строится "снизу вверх", на основе *самоуправления* и *выборов*. При принятии решений действует принцип *многопартийности* и *демократического большинства*, а главной политической

силой являются партии, в которых консолидируются интересы разных групп населения и экономических сил. Отсутствие доминирующей вертикали власти, которая берет на себя разрешение конфликтов на всех "этажах" государственного устройства, компенсируется наличием *независимой судебной системы* и правом судебного иска, которым пользуются граждане и организации для защиты своих интересов.

В идеологической сфере стран с Y-матрицей преобладают институты **субсидиарной** Y-идеологии, в которых закрепляется главенство индивидуальных ценностей над общественными. Термин "субсидиарность" введен в употребление папой римским Пием XI в 1931 г. для обозначения фундаментального, как он полагал, принци-

- 60 -

па христианской социальной доктрины (*Oxford English Dictionary*, 1989. P. 59). Субсидиарность обосновывает подчиненность, дополнительность всех общественных структур по отношению к главной доминанте социального развития - личности. Субсидиарность означает безусловный приоритет личности по отношению ко всем организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является. Конечно, субсидиарность как феномен имеет гораздо более почтенный возраст, чем введенный для его обозначения термин. Институты субсидиарной идеологии включают в себя институты *индивидуализма*, которые являлись основанием государственных идеологий западных стран во все времена - был ли это культ античных героев, или религия христианства в форме католичества или протестантства, или концепции современного либерализма. К ним также относятся *стратификационный принцип* построения социальной структуры и *свобода* как основа общественной жизни.

Так же как и в X-матрице, институты Y-матрицы внутренне связаны, являясь выражением одного типа общества, но в разных его проекциях - экономической, политической и идеологической. Частной собственности и конкуренции в экономике соответствуют конкуренция за избирателей на выборах в политике, а идеологической основой и того и другого является индивидуальная личная свобода, проявляющая себя в господстве субсидиарных идеологических институтов.

Отметим важный момент. X- и Y-матрицы, как и соответствующие им X- и Y-экономики, представляют собой идеальные типы, одно из теоретических средств для анализа сложной социальной реальности. Конкретные факты свидетельствуют: как, например, в генетической структуре мужчин и женщин присутствуют X- и Y-хромосомы, так и в обществе взаимодействуют институты X- и Y-матриц. Аналогично тому, как пол человека определяется соотношением X- и Y-хромосом, так и тип общества определяется тем, институты какой матрицы в нем доминируют. Подробнее процесс взаимодействия базовых и альтернативных экономических институтов будет рассмотрен в Главе 9. Мы покажем, что поступательное развитие общества и образующих его подсистем требует необходимого институционального баланса, т.е. взаимодействия базовых, присущих генетической матрице институтов, и дополнительных, комплементарных, альтернативных.

- 61 -

3.3. Коммунальность/некоммунальность материально-технологической среды как основной фактор формирования типа институциональной матрицы

В этом параграфе дается обоснование роли материально-технологической среды в формировании того или иного типа институциональной матрицы и, соответственно, типа экономики. Материально-технологическая среда в данном случае понимается как значимые для организации социальной жизни природные условия, общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения.

Посредством понятия коммунальности и некоммунальности материальной среды определяется ее важнейшее общественное свойство, проявляющееся при вовлечении элементов окружающей действительности в хозяйственный и социальный оборот. Данное понятие впервые было определено нами в 1996 г., и тогда же высказана гипотеза о влиянии коммунальности/некоммунальности на характер складывающихся в обществе институтов (*Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996. С. 22-24; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996. P. 17*). В исследованиях последних лет эта гипотеза была подтверждена многочисленными фактами из истории развития России и ряда зарубежных государств, а также дополнена анализом факторов, определяющих тот или иной характер материально-технологической среды (*Кирдина, 1999; Кирдина, 2000, и др.*).

Коммунальность означает свойство материально-технологической среды, предполагающее ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Коммунальная среда полноценно функционирует только в форме общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям. Соответственно, использование такой среды требует совместных координированных усилий значительной части общества и единого централизованного управления. Поэтому содержание институтов государств, развивающихся в условиях коммунальной среды, определяется, в конечном счете, задачами согласования общественных усилий для эффективного ее функционирования. Таким образом, при коммунальной среде складываются институты X-матрицы.

Изначально коммунальность производственной среды определяется хозяйственным ландшафтом - исторически первичным условием производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается, как правило, при-

меняемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует закон экономии трансакционных издержек, который, в конечном счете, определяет специфику экономических, политических и идеологических институтов.

Характерным примером такого типа материально-технологической среды является, например, сложившаяся в сельском хозяйстве Китая система заливного рисоводства, распространившаяся затем в Японии, Корее и Юго-Восточной Азии. Она представляла собой большое число мелких террасированных полей, связанных ирригационной системой и начинающих давать отдачу на затраты труда не сразу, но зато способную функционировать столетиями. Эта единая хозяйственная система требовала неукоснительного и четкого соблюдения технологической дисциплины всеми использующими ее многочисленными хозяйствующими субъектами, централизованного управления и общей внешней защиты, поскольку разрушение на одном участке грозило гибелью всей системы (*Кульпин, 1995. С. 223*). Коммунальными по своей сути

являлись также ирригационные системы Египта, противопаводковые системы восточных государств, системы водных путей, волоков и каналов Древней Руси.

В свою очередь, *некоммунальность* означает технологическую разобщенность, допускает обособленность важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных, отдельных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. В этом случае главной функцией складывающихся институтов государства является обеспечение взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами. Помимо хуторских хозяйств и фермерских участков, некоммунальная материальная среда представлена автономными системами обеспечения теплом, непосредственно в зданиях, отдельными энергостанциями, не связанными в общую систему, обособленными железнодорожными линиями и т.д.

Пример того, как некоммунальная среда определяет технологические способы ее освоения и использования, показывает исследование С.В. Лурье, в котором сравниваются способы освоения Русского Севера местными колонистами и территорий Скандинавии западными финнами-тавастами. Русские всегда переселялись

- 63 -

группами и принимались за обработку целинных участков коллективно. Финн же селился на новой земле в одиночестве со своим небольшим семейством, сам ставил жилье и создавал поле, на котором выращивал достаточный для пропитания семьи урожай (Лурье, 1998). Природные условия Русского Севера требовали коллективных технологий, в то время как более благоприятные условия в Скандинавии позволяли развивать технологии индивидуального земледелия.

Материально-технологической среде России изначально было присуще свойство коммунальности, что требовало объединения усилий всех социальных групп в государстве и централизованного управления для того, чтобы данная среда эффективно функционировала как среда производственная. По мере исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России углублялась и возрастала, свойство коммунальности распространялось и становилось характерным не только и не столько для ресурсной, природной среды, сколько для важнейших технологических систем и отраслей общественной инфраструктуры.

Рассмотрим этот процесс более детально, поскольку необходимость такого подробного описания объясняется важностью вопроса. Дискуссии по поводу нашей концепции в научной среде доказывают, что значение материального фактора в формировании определенного типа институтов обычно недооценивается. Связано это, возможно, с тем, что социологи и экономисты, развивающие сегодня институциональный подход в своих исследованиях, по роду своей профессиональной подготовки лишь эпизодически сталкиваются с экономической географией, ландшафтоведением и тому подобными дисциплинами. Как мы не замечаем воздуха, которым дышим, так и естественные условия часто остаются незамеченными в институциональном анализе. Поэтому на примере России представлена специфика и историческое

развитие присущей материально-исторической среды с тем, чтобы связь между характером институтов и внешней материальной средой стала для читателей столь же очевидной, как и для нас.

Коммунальный характер основных средств производства - в широком смысле этого слова, включая используемые в хозяйстве природные ресурсы - просматривается уже с IX в. - начала истории русского государства. Прежде всего он проявлялся в аграрной сфере, где использование земли в силу ряда перечисленных ниже факторов требовало общей, совместной ее защиты и обработки. Неблагоприятный климат в местах расселения славянских племен, образовавших затем древнерусское государство, обусловил применение специфических технологий обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсечно-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий

- 64 -

попеременно на разных этапах земледельческих работ. Поэтому возделывали землю, как правило, несколькими семьями или всем селением.

Особенности российского климата, не позволяющие развивать на нашей территории характерные для западных стран институциональные формы, известны (см., например, *Паршев, 2000*). Во-первых, это - холодные зимы. Естественной физической границей России совпадает с изотермой января, соответствующей средней температуре этого месяца -8 °С. Если сравнить наш климат с климатом других северных стран, к примеру, со Скандинавией и Канадой, то мы видим, что в Скандинавии благодаря теплоту Гольфстриму январская температура составляет +2 °С, что означает более мягкие и менее продолжительные зимы. А самый северный крупный город Канады, Эдмонтон, находится на широте Курска, и если в Канаде основная часть населения проживает южнее этой границы, то у нас, наоборот, севернее. Вторая особенность нашего климата - длинные зимы, что сокращает период земледельческих работ до 4-6 месяцев. Низкая урожайность сельскохозяйственных культур в условиях холодного климата требует привлечения к обработке гораздо больших площадей, чем в странах Западной Европы. Например, в средние века французский аграрий мог прокормить семью из четырех человек с пяти гектаров пашни, русскому же требовалось земли в шесть раз больше (*Валянский, Калюжный, 1998. С. 5*).

Природно-климатические условия ставили древнерусских земледельцев перед незнакомой европейским крестьянам и трудно разрешимой задачей: земли нужно обработать много, а сроки проведения сельскохозяйственных работ короткие. Решением являлась концентрация значительных групп работников в общине, что позволяло экономить организационно-управленческие трансакционные издержки. Убедительную аргументацию этого положения со ссылкой на множество исторических свидетельств приводит в своих работах известный историк Л.В. Милов (*Милов, 1997, 1998, 2003*).

Применяемая технология обработки земли в виде подсечно-огневой системы также способствовала закреплению общинных, коллективных форм хозяйства и собственности. Распространение огневого хозяйства было обусловлено, во-первых, отсутствием значительного количества пашни в лесистых местах первичного расселения славян, и, во-вторых, его высокой сравнительной эффективностью. Урожаи на лядах - полях, получаемых в результате вырубki леса и пожара мелкого кустарника, были очень выгодны. В первые годы они достигали с одного посеянного зерна "от 7 до 15 зерен, иногда до 25-30" (*Энциклопедический словарь, 1897. Т. 21. С. 695*), не требуя

никаких удобрений, в то время как средний урожай на российских землях в тот период составлял 3 или 4 зерна с одного посе-

- 65 -

янного. Именно по этой причине огневая система земледелия активно применялась в России вплоть до начала XX в. как в северных и приозерных, богатых лесами районах, так и при хозяйственном освоении новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке.

Когда по истечении 5-6 лет земля истощалась, ляды обычно запускались под древесную поросль, т.е. забрасывались на 1,5-2 поколения, и только внуки возвращались к ее обработке. Коллективный характер труда на огневой пашне и постоянный переход на другие земли не способствовали закреплению частных прав собственности на определенные земельные участки. Вся земля, как находящаяся в обработке, так и в перспективе к ней предназначенная, считалась общей (или княжеской, или царской, или государственной - по мере развития истории), общими усилиями возделывалась и общими усилиями охранялась от набегов иных племен. Другими словами, земля как основное средство производства и перспективного выживания представляла собой не тот конкретный участок, который нынче обрабатывался, а все пространство, предназначенные к обработке в будущем и требовавшее в связи с этим своей охраны общими усилиями. Это и означало коммунальный характер земли как средства производства, что требовало единого управления и обеспечения в динамике общего доступа к различным ее частям (участкам).

Другие формы использования земли, аналогичные западноевропейским образцам, оказывались неэффективными. С точки зрения рыночных критериев, земледелие на Руси было неприбыльным занятием. На это в свое время указывал знаток прусского сельского хозяйства Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1840-х годах и сделавший выкладки относительно доходности хозяйств в Верхнем Поволжье. Он заключил свои изыскания следующим советом своим соотечественникам: "Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе - лучше всего будет отказаться от подарка, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги" (см.: *Пайпс*, 1993. С. 47). Это высказывание представляет собой заключение независимого эксперта позапрошлого века о проблематичности фермерской организации хозяйства в условиях России и подтверждает особое свойство российской земли как коммунального средства сельскохозяйственного производства.

Леса на Руси также были элементом коммунальной материальной среды. Лесные промыслы, наряду с земледелием, служили вторым условием выживания наших предков. Известно, что лесная полоса России изобиловала дичью и необыкновенным разнообразием пушного зверя. Меда также было сколько угодно, а реки и озера кишели рыбой. Леса, озера и реки, дававшие значительную часть внутреннего валового продукта, с самого начала считались общим дос-

- 66 -

тоянием и находились, как правило, в коллективной или "государевой" собственности и в общем пользовании.

Наряду с землей и лесами, основу коммунальной материально-технологической среды России составляла система речных путей. Совместными усилиями варягов и славян реки, протоки, озера были соединены между собой через волоки и каналы. Таким образом, эта основанная на речных путях

транспортная система, функционировавшая и летом, и зимой, формировалась как общее, одинаково ценное для всех достояние и требовала совместного использования и защиты. В "ключевых местах" транспортной речной системы ставились города и крепости. Речные пути обеспечивали общий для всех выход на внешние рынки, прежде всего, в Византию, куда все российские регионы того времени вывозили летом по речным путям мед, меха, воск и т.д.

Внутренние рыночные отношения в российском государстве практически не складывались. По свидетельству В.О. Ключевского, в первые века нашей истории не отмечалось хозяйственных различий по почвенным и ботаническим полосам, поэтому во всех зонах развивались аналогичные отрасли: земледелие, звероловство и бортничество (Ключевский, 1987. Т. 1. С. 80). В этих условиях торговый обмен был целесообразен в основном с чужими странами. Поэтому население было заинтересовано в охране созданной коммунальной системы речных путей, по которым проходил основной путь "из варяг в греки". Защита и купеческое использование этого пути были, по мнению ряда историков, одной из основных экономических задач призванных славянами варяжских князей и их дружин.

Итак, с самого начала российской государственности основные условия производства, обеспечивающие выживание русского общества, были по своей сути коммунальными. Это значит, что они требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования, что и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на общей собственности и едином централизованном политическом управлении. Соответственно формировалась идеология, подразумевающая приоритет общего блага, необходимого для выживания всех, над частными интересами.

В ходе исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России не уменьшалась, а постоянно возрастала. При этом центр тяжести все больше перемещался с природной среды (земельных ресурсов, лесов, недр и др.) на материально-техническую инфраструктуру.

Прежде всего коммунальность осталась характерной чертой для ресурсной среды аграрного производства, так как за прошедшие столетия природно-климатические условия страны практически не изменились. Развиваемые в сельском хозяйстве технологии

- 67 -

лишь приспособлялись к этим условиям, стараясь более эффективно использовать факторы производства, но не могли кардинально их изменить. Поэтому на всех этапах российской истории преобладали коллективные формы организации сельскохозяйственного труда, основанные на общественных (коллективных) формах собственности на землю. Если, например, в Грузии и Литве, а также у финского населения, процент общинного землевладения к началу XIX в. был равен нулю, то в Великороссии он составлял от 98% - на севере и востоке до 89% - на юге и западе (Качоровский, 1900. С. 71).

Технологическая и экономическая целесообразность общественных форм в российской земледелии, детерминированная материальными условиями ведения хозяйства, является существенным аргументом, объясняющим их историческую устойчивость. Эта устойчивость наиболее ярко проявлялась в периоды, когда осуществлялись попытки изменения отношений собственности и форм производства в аграрном секторе. Во времена известной аграрной реформы 1906-1907 гг., проводившейся под руководством П.А. Столыпина, несмотря на активную государственную поддержку крестьян, желавших выйти из общины, доля их была относительно невелика. На экономическую причину

этого указывали исследования, проводившиеся в тот период времени. Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже (*Кауфман, 1919. С. 147*). Видимо, можно признать, что община как форма организации хозяйства не изжила себя, и решение о ее ликвидации не было достаточно обоснованным экономически. Не случайно в начале XX в. - артели, а при советской власти - колхозы и совхозы - вновь становятся основной формой организации сельскохозяйственного производства.

В ходе современных реформ, как и в начале века, распространение индивидуальных фермерских хозяйств не стало таким массовым, как ожидалось. В настоящее время фермерские хозяйства составляют в среднем 2% объема сельскохозяйственного сектора страны. При этом рост числа фермерских хозяйств и обрабатываемых ими сельскохозяйственных площадей с середины 1990-х годов практически прекратился и уже несколько лет находится на стабильном уровне (*Калугина, 1998, 2000; Kalugina, 1998*).

Особенности коммунальной материальной среды наложили свой отпечаток на специфику процессов индустриализации в России. Они проявились в том, что развитие российской промышленности осуществлялось преимущественно на основе общественных (казенных, государственных) форм собственности и единого централизованного управления. Свидетельством этому является строительство первых казенных заводов при Петре I с последующей их передачей в управление промышленникам. Казна также беспроцентно ссужала

- 68 -

частных предпринимателей средствами для устройства фабрик и заводов, которые они затем возвращали в виде необходимой стране продукции. При этом первым предпринимателям России был дарован целый ряд льгот, за которыми стояло фактическое участие государства в развитии первых фабрик (*Россия, 1991. С. 276*):

- казна снабжала первые частные фабрики инструментами и орудиями производства;
- за счет казны выписывались мастера из-за границы;
- для работы на этих казенных, переданных предпринимателям предприятиях приписывались государственные крестьяне;
- промышленникам предоставлялись освобождение от государственной службы, временные льготы от податей и пошлин, беспошлинный ввоз из-за границы машин и инструментов, свобода от воинского постоя и т.д.

Главной задачей российских предпринимателей, или условных владельцев фабрик, заводов, рудников и казенных земель было "служить государству", т.е. поставлять в казну производимую на этих производственных мощностях продукцию по указным ценам и в необходимом для казенных надобностей объеме. Если эти условия не соблюдались, государство изымало предприятия обратно в казну или передавало другому, более эффективному управляющему.

Развитие российских железных дорог на территории страны в данных нам природно-климатических и геополитических условиях также, в конечном счете, стало возможным в результате деятельности общественного субъекта - государства (*Караваева, 1996. С. 55*). Первая железная дорога, открытая в 1838 г., была введена в действие частным предпринимателем. Но уже следующая дорога (1848 г.) достраивалась за счет казны, поскольку созданное для этих целей общество было не в состоянии завершить ее постройку. До конца 1850-х годов строительством и эксплуатацией железных дорог продолжала заниматься казна, но с 1857 г. их постройка вновь была передана

в частные руки, и организовано Главное общество российских железных дорог. Тем не менее и в этот период "редко постройка какой-либо дороги обходилась без пособия казны или без гарантии, по которой казна, ввиду малоодоходное™ дороги в первое время, вынуждена была приплачивать большие суммы" (*Энциклопедический словарь*, 1893. Т. 11. С. 781). По состоянию на 1 января 1890 г. доля дорог в собственности правительства составляла лишь 29,4%, а остальная, преобладающая часть принадлежала частным владельцам. Но уже к 1898 г. это соотношение изменилось кардинально - доля казенных железных дорог увеличилась до 63,3% (рассчитано нами по кн.: *Россия*, 1991. С. 357). Это было связано с тем, что, начиная со второй половины 1890-х годов, эксплуатация действующих и строительство новых дорог все более сосре-

- 69 -

дотачиваются в руках государства. Только за период 1894-1897 гг. более половины (6820 верст из 13392) частных дорог было выкуплено казной и перешло в руки государства (рассчитано нами по кн.: *Россия*, 1991. С. 356). Со временем государство стало основным собственником железнодорожной сети, что сохранилось в России до настоящего времени.

Сравнение процесса создания железнодорожной сети в России с развитием железных дорог во Франции, Германии, Англии позволяет предположить, что действия российского государства как основного организатора и собственника - не следствия воли отдельных его чиновников или самодержавных амбиций руководителей. Они были обусловлены свойствами нашего пространства и материальной среды, хозяйственное использование которых оказывалось более эффективным в едином производственном и управленческом процессах. Такая организация, как показывает историческая практика, позволяла экономить общественные издержки и развивать национальное хозяйство.

Современный железнодорожный транспорт России, на долю которого приходится 80% грузовых перевозок (по тонно-километрам) и 41% пассажирских перевозок (в пассажиро-километрах), продолжает являться важнейшим элементом коммунальной материально-технологической среды в России. Для сравнения отметим, что в Англии, например, железные дороги осуществляют всего 3% всех перевозок (*Оправдано ли копирование европейской модели реструктуризации железных дорог*, 1998. С. 4-5). В других западных странах перевозки по железным дорогам также значительно уступают автомобильному транспорту, который занимает лидирующее место в системе транспортных коммуникаций.

Нынешняя организация сети российских железных дорог, напоминающая, по образному выражению специалиста 1920-х годов по районированию И.А. Александрова, скелет рыбы, учитывает геополитические особенности страны и прежде всего ее протяженность с запада на восток: к магистралям под острым углом примыкают линии второго и третьего порядка. Это отличает, например, нашу железнодорожную систему от системы США, которые пересечены параллельными линиями обособленных железных дорог между основными производственными центрами. Нашу же железнодорожную сеть разрезать, расчленив невозможно, она - моноцентрическая. Каждая дорога обслуживает свой сектор, и строить другую дорогу в каждом таком секторе оказывается нецелесообразно, так как это чрезвычайно дорого.

Такая схема российской железнодорожной сети позволяла достигать больших скоростей движения и низкой себестоимости перевозок. Эти ее преимущества сохранились даже в условиях кризиса национальной экономики в конце 1990-х годов. По данным академи-

ка РАТ В.А. Персианова, директора Института проблем управления транспортом, российские железные дороги в настоящее время обеспечивают производительность 1 млн 300 тыс. тонно-километров на одного занятого на перевозках. Это в 2,5-3 раза выше, чем в Европе (Англии, Франции и Германии) и в Китае, находящемся на пике экономического подъема (здесь этот показатель составлял лишь 450-470 тыс. тонно-километров на одного занятого). При этом средний железнодорожный тариф на перевозки у нас в 8-10 раз ниже, чем в любой железнодорожной сети стран Запада (*Оправдано ли...*, 1998. С. 4-5). Л.С. Федоров, зав. сектором производственной инфраструктуры ИМЭМО РАН, отмечает, что, в сравнении с США, время оборота вагонов у нас в 2-3 раза меньше, несмотря на то, что расстояния перевозок больше (*Там же*). Приведенные данные свидетельствуют об экономичности железных дорог России и целесообразности реализованных при их строительстве и функционировании технических и организационных решений.

Признание коммунального характера железнодорожной транспортной сети впервые отражено на уровне государственного законодательства. В принятом в 1998 г. законе Российской Федерации "О федеральном железнодорожном транспорте" определено, что "Железнодорожный транспорт является единым производственно-технологическим комплексом", и это закрепляет невозможность его организационно-экономического расчленения.

Последовательное углубление коммунального характера материально-технологической среды нашего государства выразилось в особенностях организации не только аграрной сферы, системы речных путей или железнодорожного транспорта, но и в устройстве других важнейших отраслей, составляющих основу российской экономики - энергетики, централизованных коммуникаций теплоснабжения, жилищно-коммунального хозяйства городов, системы трубопроводного транспорта. Сегодня, как и железные дороги, данные отрасли представляют собой единые технологические комплексы, могут эксплуатироваться только в таком качестве, а их расчленение или технически невозможно, или чрезвычайно дорого для современного общества.

Таким единым производственно-технологическим комплексом является прежде всего Единая энергетическая система (ЕЭС России), включающая в себя энергостанции, связанные передаточными линиями - ЛЭП. Все перетоки электроэнергии внутри ЕЭС регулируются Центральным и Объединенными диспетчерскими управлениями. Формирование ЕЭС в такой конфигурации было вызвано потребностями развития производства и жизнеобеспечения населения. При этом выбранная технологическая схема позволяла достигать этих целей с минимальными издержками. В рамках ЕЭС обеспечивалась значительная "экономия от масштаба", которая

увеличивалась за счет протяженности России в широтном направлении, поскольку технологические особенности системы позволяли и позволяют использовать для покрытия суточного пика потребления в ее восточной части "спящие" мощности западных регионов.

По уровню технологии и организации развития ЕЭС опережала все известные аналоги в мире. Несмотря на то, что уровень резервных мощностей у нас был заметно ниже, чем в системах США или Западной Европы, Россия не знала аварий, даже приблизительно сопоставимых по масштабам с происшедшими в США; например, аварии электросистем в районе Нью-Йорка в 1966 и 1977 г. (*Скрыпник*, 1997. С. 38). Стабильное обеспечение

электроэнергией производства и населения долгое время было характерной чертой экономики страны. Экономическая эффективность, которой отличалась российская энергетика, достигалась по энергетической системе в целом, в то время как отдельные региональные системы могли быть дефицитными или избыточными по электроэнергии.

Экономическая целесообразность такой организации производства и потребления электроэнергии, как и технологическое единство ЕЭС, являлись и являются материальной преградой приватизации отрасли и не позволяют реализовать в ней эффективные в других условиях чисто рыночные схемы. Даже специалисты журнала "Эксперт", отличающегося ориентацией на преимущественно рыночное развитие экономики страны, тем не менее признают, что в России невозможна организация рынка электроэнергии. Они указывают при этом на следующие причины. "Во-первых, в производстве энергии технологически невозможно использование такого важного ... инструмента хозяйствования, как складирование продукции: вся произведенная энергия мгновенно отгружается в магистральные линии РАО и столь же мгновенно потребляется. Во-вторых, ...единая энергосистема опять же технологически не позволяет определить, кто чью энергию потребил: производители сбрасывают всю энергию в единый котел (магистральные линии электропередач), а потребители (через посредника, местное АО-энерго) стоят у общей раздачи" (Сиваков, Латынина, 1998. С. 26). Таким образом, коммунальность российской энергетике объективно требует преимущественно нерыночных форм регулирования производства и сбыта электроэнергии в стране.

Коммунальным, по сути, является и наиболее современный вид транспорта - трубопроводный, который в основном обслуживает нефтегазовый сектор. Так, газотрубопроводы занимают абсолютно доминирующее положение в транспорте газа. Если общая протяженность газопроводов в мире составляет около 950 тыс. км, то российских - около 550 тыс. км (Корякин, 2000. С. 17). При этом осо-

- 72 -

бенности расположения газовых провинций - в арктической климатической зоне, вдалеке (на расстоянии 3,5 тыс. км) от территории основного размещения населения и промышленности - обусловили необходимость концентрации общегосударственных усилий на добыче и особенно транспортировке газа, поскольку доля транспортных затрат, с учетом транзита по территории, составляет в себестоимости газа почти 78% (Там же. С. 18). Специалисты отмечают, что экономико-географическая специфика России предопределяет нерентабельность любого коммерческого внутрироссийского массового использования северо-тюменского газа. Единственную альтернативу они видят в том, что институциональным принципом устройства отрасли могут быть лишь централизация и приоритет планово-государственного начала, которые необходимо усиливать (Там же. С. 45-47).

Централизованное теплоснабжение также является важнейшим элементом современной коммунальной производственной и социально-бытовой инфраструктуры страны. Наличие центральных тепловых коммуникаций - отличительная особенность России. В более благоприятных природно-климатических условиях, характерных, например, для наших европейских соседей, теплоснабжение развивалось по другому пути. Там преобладают децентрализованные тепловые системы, вплоть до автономных агрегатов для отдельных жилых или производственных зданий. В России же именно централизация теплоснабжения позволила обеспечить быстрое развитие

производства и относительно комфортные условия проживания населения в условиях холодного климата и больших расстояний.

Социальная инфраструктура современной России, в отличие от прошлых веков, также характеризуется коммунальным характером. В первую очередь это относится к отечественному жилищно-коммунальному хозяйству, которое отличается наличием общих инженерных коммуникаций - теплоснабжения, водообеспечения, канализации. Коммунальный характер жилищной сферы позволил решить важные социальные задачи. Так, к исходу XX в. благодаря централизованным системам жизнеобеспечения показатели обеспеченности жилищ теплом и горячей водой в городах России вплотную приблизились к аналогичным показателям наиболее развитых стран мира.

Коммунальность жилищной сферы во многом объясняет невозможность проведения тотальной приватизации жилья в стране. Мониторинг жилищной реформы 1992-1997 гг. в городах показал, что в "материальном ядре" жилищной системы, представленным землей, на которой стоят жилые дома и располагаются объекты их жизнеобеспечения, приватизации практически не произошло. Что касается следующего уровня - собственно жилых домов, связан-

- 73 -

ных общей инженерной инфраструктурой, то здесь приватизация, выражающаяся долей кондоминиумов - домов в частной (коллективной) собственности, также практически не состоялась. Даже в Москве - лидере жилищной приватизации - доля кондоминиумов составляет менее 1% жилого фонда. Уровень приватизации отдельных квартир колеблется в пределах от 30 до 40%, и его стабилизация в последние несколько лет означает исчерпание приватизационного потенциала в этой сфере. "Тормозом приватизации жилья оказался коммунальный характер обеспечивающей инфраструктуры. При наличии централизованных технологических систем тепло-, водоснабжения, канализации и т.п. невозможно обособленное управление содержанием отдельного жилого дома" (*Бессонова, Кирдина, 1996. С. 122*).

В современных условиях коммунальность становится характерной и для информационной инфраструктуры. На Всероссийском совещании глав региональных государственных телерадиокомпаний (ГТРК) в июне 1998 г. была поддержана "стратегия создания единого производственно-технологического комплекса, объединяющего государственные электронные СМИ" (*Борейко, 1998*), которая вызвана к жизни экономической нецелесообразностью создания своих каналов в каждом регионе.

Объективно присущая производственной среде России коммунальность, обусловленная данными нам природно-географическими и геополитическими условиями, возрастает. Она содействует воспроизводству и становлению определенных технологий, как инженерных, так и институциональных, а также задает способы организации государственной жизни.

Материально-технологическая и институциональная среды образуют, в конечном счете, единую систему и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли государства, выражающего общий, коллективный интерес. Государство создает адекватную этому систему управления во главе с Центром и определяет согласованные правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь создаваемые производственные объекты

эволюционно воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства.

В странах с некоммунальной материально-технологической средой, напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соот-

- 74 -

ветствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем. Развивающаяся и совершенствующаяся некоммунальная среда служит постоянной материальной основой для их воспроизводства.

История показывает, что научно-технический прогресс и масштабная человеческая деятельность не в силах изменить анализируемое свойство материально-технологической среды, превратив ее из коммунальной в некоммунальную, или наоборот. Более того, можно видеть, что по мере развития государств присущая им изначально среда все больше проявляет себя и приобретает более масштабный характер. Так, если на заре российской истории коммунальность была характерна лишь для системы речных путей и сельского хозяйства, то сегодня коммунальными являются энергообеспечение предприятий, жилищное хозяйство городов, железнодорожные сети, трубопроводный транспорт и т.д. Со временем материально-технологическая среда все более воздействует на характер принимаемых организационных и управленческих решений, определяет институциональные технологии, которые затем, в свою очередь, закрепляют и усиливают свойственные материальной инфраструктуре коммунальные или некоммунальные черты.

Вновь обратимся к "биологической метафоре", которую так любят использовать институционалисты (*Нестеренко, 202. С. 363*). Для воспроизводства биологических форм жизни в ходе биохимических реакций важна роль участвующего в реакциях фермента, контролирующего "узнавание" соответствия новых элементов составу "родительской цепи". Для социальных систем таким внешним участвующим в процессе институционального строительства фактором, на основании которого информация "перекодируется" с прежней структуры на вновь создаваемую, выступает материально-технологическая среда. Она обуславливает выбор форм, обеспечивающих соответствие типа "ключ-замок", и тем самым воспроизводит нужные для социального воспроизводства формы и устраняет те, которые избыточны и могут привести к уродству или даже смерти социальной системы. Только в биологии такие процессы занимают мгновения, а в социально-экономической истории - годы и десятилетия, в течение которых формируется, наконец, та институциональная X- или Y-структура, которая наиболее точно соответствует условиям внешней коммунальной или некоммунальной среды, и именно эта структура позволяет обществу выживать и успешно развиваться.

- 75 -

3.4. Резюме

Матричный принцип развития неживой природы - принцип размножения кристаллов - был в свое время выявлен в геологических науках. Оттуда эта идея проникла в биологию, которая связала матричный принцип наследственности с теорией эволюции⁷. Здесь идея матрицы и комплементарной ей реплики позволила разгадать механизмы происхождения и

развития жизни. Этот механизм представляет собой так называемую конвариантную редупликацию, т.е. самовоспроизведение молекулярных структур на основе матричного синтеза, когда по наследству передаются не только генетическая информация, но и дискретные отклонения от исходных состояний, т.е. мутации. Любая сложная молекулярная структура претерпевает изменения, и каждый раз происходит не абсолютно точное ее повторение, а воспроизведение с внесением некоторых изменений. Но поскольку сама матрица передачи наследственных признаков имеет большую степень стабильности, эта последняя обеспечивает процесс передачи генетической основы (Горбачев, 2000, п. 2.3) и воспроизводство жизнеспособных форм. Естественный отбор, таким образом, означает эволюцию конвариантно изменяемых форм на основе матричного воспроизведения (Шноль, 1979), а сама жизнь представляет непрерывное матричное копирование с последующей самосборкой копий.

Нашу работу можно рассматривать как развитие идеи матричного синтеза в отношении социальных систем. Институциональная X- или Y-матрица, представляющая собой устойчивый комплекс институтов важнейших сфер социальной системы - экономической, политической и идеологической, - содержит в себе генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа. Самовоспроизведение, хранение и реализация информации в процессе роста новых институциональных форм, т.е. создание "плоти социальной жизни", обеспечивается взаимодействием матрицы базовых институтов и матрицы комплементарных институтов. При этом матрица базовых институтов образует генетическую основу. Каждый из базовых институтов взаимодействует с определенным комплементарным (дополнительным) институтом, выполняющим ту же функцию в альтернативной институциональной системе, и, как доминирующей, "накладывает" на него свои информацию, характер, отпечаток. (Аналогично тому, как рост новых клеток и производство белка возможны в результате взаимодействия молекул ДНК - носителей генетической информации, и молекул РНК, комплементарно выстраиваемых вдоль молекулы ДНК и опо-

7. Эта идея, по мнению С. Шноля, принадлежит российским ученым Н.К. Кольцову и Н.В. Тимофееву-Ресовскому (Шноль, 1997).

средованно воспринимающих эту информацию для последующей трансляции.) И так же, как исходные молекулы ДНК и РНК являются матрицами для построения соответствующих макромолекул, так и матрицы базовых и комплементарных институтов создают основу для считывания информации и последующего синтеза живых социальных и институциональных форм.

Общества начинают свою жизнь тогда, когда они приобретают способность генетически воспроизводить "нажитую информацию", и институциональные матрицы являются механизмом передачи такой информации. Поэтому выявление институциональных матриц возможно только для обществ с воспроизводящейся историей, и их бесполезно искать "в доинституциональной" истории. А определение специфики, содержания доминирующей в обществе институциональной матрицы, как и механизма взаимодействия базовых и комплементарных институтов, позволяет осознанно осуществлять институциональное строительство и минимизировать социальные издержки эволюционного развития стран и народов.

Структура изложенного в Разделе I материала представлена в виде блок-схемы на рис. 4. Выполненный анализ новых исследовательских схем, разработанных нашими коллегами для исследования закономерностей и специфики российской экономики, носит одновременно и критический, и комплиментарный характер, что естественно отвечает нашим целям. Критика возможностей названных схем имеет целью определить необходимость наших собственных теоретических построений, позволяющих, дать ответ на те вопросы, которые не решаются коллегами. Комплементарность связана с тем, что нас всех объединяет одна и та же цель, и цель эта - поиск истины. Но истина не единственна, она многогранна. Научное знание подобно стеклянному кристаллу со множеством граней - чем их больше и чем идеальнее они отшлифованы, тем обширнее и точнее отражается в этом кристалле знания окружающий мир.

Наши знания в конце концов складываются, дополняют друг друга. По-видимому, каждое из них само по себе несовершенно - по крайней мере в отношении собственных результатов мы в этом не сомневаемся. Но во взаимодействии и при поддержке мы попытаемся поделить свои новые взгляды с теми, кому также интересно стремиться к недостижимой истине. Следующий раздел всецело посвящен изложению наших представлений о специфике редистрибутивных и рыночных экономик как альтернативных и дополняющих друг друга экономических систем.

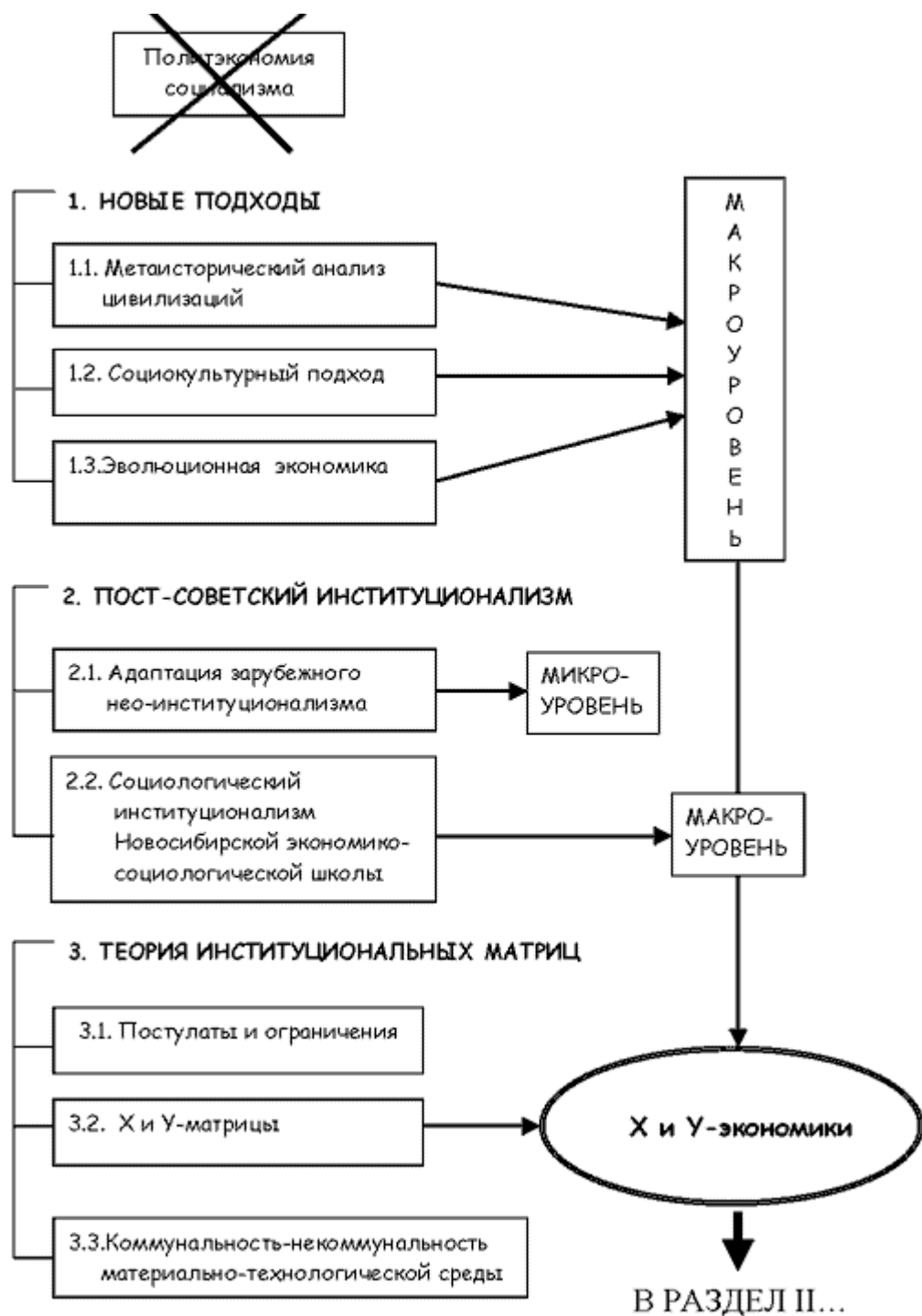

Рис. 4. Блок-схема Раздела I

Раздел II
БАЗОВЫЕ ИНСТИТУТЫ
X- и Y-ЭКОНОМИК

*Любой большой успех в науке исходит
из новой дерзости воображения.*

Д. Дьюн

Хозяйственная жизнь давно и плодотворно исследуется наукой. Трактаты, посвященные ведению хозяйства, писали еще древнегреческие мыслители Ксенофонт, Аристотель и др. С тех пор открыт ряд важных экономических законов, предложено множество формализованных моделей, с разной степенью адекватности описывающих производственные процессы. Широко практикуется прикладное использование фундаментальных экономических знаний и теорий - от составления прогнозов конъюнктуры в отдельных отраслях и регионах до определения зон и центров экономического и геополитического влияния государств. Но вместе с тем экономика может соперничать с другими сферами социальной жизни по количеству сюрпризов, неожиданностей и парадоксов, ставящих в тупик и нобелевских лауреатов в области экономических наук, и самых просвещенных хозяйственных руководителей. Это свидетельствует о том, что в экономической сфере еще много неизвестного и есть над чем поразмышлять. Особенно много вопросов ставит практика переходных экономик, что уже неоднократно отмечалось на страницах книги. Использование теории институциональных матриц позволяет, на наш взгляд, получить некоторые новые данные о специфике устройства и функционирования экономических систем, которые мы называем X- и Y-экономиками.

Глава 4

**X- и Y-ЭКОНОМИКИ- ОБЩЕЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

*Нам - все необходимо. Лишнего - в
мире нет...*

Ю.М. Лотман

Поскольку экономическая наука в ее современном понимании возникла в Западной Европе в XVII-XVIII вв., то, естественно, объектом ее рассмотрения первоначально служил тот хозяйственный строй (или экономическая проекция того типа общества), при котором жили первые ученые-экономисты. И Франсуа Кене, и Адам Смит, и Давид Рикардо, и Карл Маркс, и другие "отцы-основатели" экономической науки - все они жили в государствах, где доминировала Y-матрица. Соответственно, они описывали преимущественно Y-экономики, которые хорошо знали и для изучения которых не нужно было ехать "за тридевять земель". Поэтому исторически сложилось, что экономики другого типа ("азиатский способ производства", по Марксу, "гидравлические общества", по Вильтфогелю, и т.п.) оставались за рамками бурно развивавшейся экономической науки. Лишь относительно недавно, начиная с первой трети XX в., экономические системы такого рода, называемые здесь X-экономиками, попали в поле зрения экономистов. Несомненно, этому способствовало

создание советского государства, в котором институты X-экономик проявились наиболее ярко.

Тем не менее еще не достигнуто, на наш взгляд, необходимого баланса в изучении экономик разного типа. До сих пор недостаточен научный инструментарий и понятийный аппарат для объяснения X-экономик, существующих столь же долго и порой не менее успешно, чем Y-экономики. И также объективно возникших и необходимых для человеческого существования.

4.1. Экономическая наука о двух типах хозяйственных систем

Экономика, как это признано, может рассматриваться двояко - как собственно хозяйственная деятельность и как система институтов, регулирующих эту деятельность. С одной стороны, экономика - синонимом в данном случае является термин "хозяйство" - это взаимодействие человека с его окружением с целью производства и потребления жизненных благ. В этом смысле экономика есть сфера, в которой общество принимает и реализует решения об использова-

- 80 -

нии ограниченных, дефицитных ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей (Фишер и др., 1997. С. 1). С этой точки зрения экономика может быть описана наукой в идентичных, единых для разных обществ терминах воспроизводства и движения ценностей. "Экономический" - здесь означает не что иное, как "имеющий отношение к удовлетворению материальных потребностей" (Полани, 1999.. С. 499).

С другой стороны, в процессе хозяйственной деятельности в обществе формируются определенные экономические институты. Именно в них социальная практика закрепляет те способы взаимодействия хозяйствующих субъектов с конкретной материально-технологической средой, которые позволяют получать оптимальный социально-экономический результат. Результат, наилучший не с точки зрения интересов тех или иных социальных групп, но оптимальный, в конечном счете, для основной массы населения, потому что только в этом случае сохраняется целостность и непрерывность хозяйственной деятельности всего общества. В определенных экономических институтах закрепляются, существуют и развиваются основные формы экономической интеграции каждого конкретного общества. Экономика в данном случае понимается как одна из главных подсистем общества, преимущественно адаптивного, по Парсонсу, назначения, как некий механизм производства обобщенно понимаемых ресурсов. В социологии такой подход нашел отражение в работах Парсонса и Смелзера (*Parsons, Smelser, 1956*).

При таком понимании экономика может быть рассмотрена не как материальная сфера, но как система институтов, свойственный ей институциональный комплекс. В этом случае для классификации встречающихся в практике экономических систем единого представления об экономике как о системе обменов или рынке оказывается недостаточно. Полани называл это заблуждением "ученых от есоnomics", имевших тенденцию отождествлять экономическую деятельность человека с ее рыночной формой (Полани, 1999. С. 500). Именно поэтому он предлагал различать в термине "экономический" его субстанциональное и формальное значения.

С точки зрения институционального подхода можно выделить два альтернативных типа хозяйственных систем, характеризующихся

доминированием качественно различных экономических институтов. Другими словами, какую бы конкретную хозяйственную систему того или иного государства, в тот или иной период времени мы бы не исследовали, сущность ее составляет один из двух комплексов базовых институтов, регулирующих экономическую деятельность хозяйствующих субъектов. Данный вывод базируется на материалах обширных исследований экономистов и антропологов, изучавших разнообразные экономики в разные периоды человеческой истории.

- 81 -

Приведем несколько независимых точек зрения авторитетных исследователей-институционалистов, придерживающихся данной позиции. Вальтер Ойкен в своей, ставшей классической, книге "Основания национальной экономики" в 1947 г. писал: "Историческое исследование во всех эпохах обнаруживает две чистые основные формы: идеальные типы неменовой "централизованно управляемой экономики" и "меновой экономики"? Следы других экономических систем - помимо этих двух - не удастся обнаружить ни в современной экономической действительности, ни в прошлом; вряд ли можно себе представить, что они будут найдены и в будущем" (Ойкен, 1993. С. 19). Порядок - стержневой термин теории Ойкена, названной ордолиберализмом. Он развил теорию хозяйственного порядка, рассматривая его лишь как элемент общественной системы, взаимоувязанной с другими элементами - государственной конституцией и правовым порядком. Два этих идеальных хозяйственных порядка - центрально-управляемый и меновой - существуют и сосуществуют на всем периоде истории человечества. Хозяйственные порядки не образуются сами по себе, они устанавливаются в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, имеют разновидности форм своего проявления¹.

Своеобразие всех реально существующих хозяйственных порядков в конкретных странах Ойкен объяснял тем, что в них определенным образом взаимодействуют упомянутые чистые формы, которые в другое время и в другом месте осуществляются в иных сочетаниях (Ойкен, 1996. С. 213). При этом он отмечал, что элементы той или иной экономической системы, например, централизованно управляемой экономики, иногда доминируют, а иногда лишь дополняют общую картину (Там же. С. 108). Таким образом, Ойкен одним из первых указал на наличие двух равноправных рамочных условий хозяйствования, складывающихся естественно, независимо от какого бы то ни было всеобъемлющего плана, принятого людьми.

Известный историк-экономист и антрополог Карл Поланьи пошел дальше в исследовании нерыночных хозяйственных систем. В его посмертно изданной книге "The Livelihood of Man", до сих пор полностью не переведенной, к сожалению, на русский язык, он детально исследовал формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи и в разных странах. При этом он опирался как на результаты собственных изысканий, так и на труды Бюхера (B'ucher), Тенниса (Toennies), Торнвальда (Thurnwald), Малиновского (Malinovsky), Вебера (Weber), Дюркгейма (Durkheim), М. Ростовцева и других признанных ученых.

Поланьи указывает на следующие основные формы интеграции в человеческом хозяйстве - редистрибуция (redistribution), обмен

1. Это соответствует определению институциональных форм, введенному нами в 3.1.

- 82 -

(exchange) и реципрокность (reciprocity). Последняя - движение товаров и услуг (а также людей) между взаимодействующими сторонами на симметричной основе, т.е. взаимопомощь родственников, деревень и даже государств, например, в форме ленд-лиза (*Polanyi, 1977. P. 36*) - не рассматривается им как образующая экономический тип общества. Две другие формы интеграции экономического процесса - обмен и редистрибуцию - Поланьи выделяет в качестве основы классификации всего множества национальных хозяйств.

Во-первых, он выделяет рыночные экономики, или экономики, в которых доминирующей формой взаимодействия между участниками хозяйственного процесса является обмен. Под последним Поланьи, в соответствии с классическими взглядами, подразумевает "двустороннее движение товаров между субъектами, ориентированными на прибыль, получающуюся в результате для каждого от итогов соглашения" (*Polanyi, 1977. P. 42*).

Согласно доминирующей в economics и неонституционализме точке зрения, экономика и представляет собой по сути отношения обмена, и все экономические системы в своей основе суть системы рыночные. При этом апологеты рыночной парадигмы склонны рассматривать общества со слабо представленными рыночными институтами как общества, находящиеся на более низкой, "предрыночной" стадии, развитие которых в сторону рынка и по законам рынка неизбежно.

Поланьи не был согласен с этой точкой зрения. Опираясь на результаты многочисленных исследований, он утверждал, что созданная А. Смитом теория экономики, в основании которой лежат институты рынка и свойственные ему механизмы спроса - предложения - цены, была не более чем здравым смыслом по отношению к окружающей самого автора реальности (*Polanyi, 1977. P. 6-7*). Значительную часть своей книги Поланьи посвятил доказательствам того, что рыночно устроенный, базирующийся на обмене институциональный комплекс не является общим для экономик мира. Многие общества, по результатам его антрополого-исторических исследований, характеризуются типом экономической системы, основанной на редистрибуции (*Поланьи, 1944. С. 10*).

Современные исследователи подтверждают этот вывод Поланьи. Так, Марио В. Льос в предисловии к книге Э. Де Сото "Иной путь. Невидимая революция в третьем мире" пишет: "в Перу никогда не было рыночной экономики. Эта концепция применима ко всей Латинской Америке, и, вероятно, к большинству стран третьего мира" (*Де Сото, 1989. С. 15*).

Поланьи называл тип экономических систем, отличных от рыночных, редистрибутивными. В них преобладает движение благ и услуг к Центру и из него, независимо от того, осуществляется ли передвижение объектов физически или меняется только порядок права их присвоения без каких-либо изменений в действительном

размещении ресурса или продукта (*Polanyi, 1977. P. 40*). Редистрибуция представляет собой процесс storage-cum-redistribution, т.е. аккумуляцию, собирание, совмещенные с новым, вторичным распределением и раздачей. Именно через редистрибуцию в этих обществах достигается воссоединение распределенного, разделенного труда (*Там же. P. 40-41*).

Поланьи сделал только первые шаги в изучении такого типа экономик. Он предполагал, что они характеризуются сложным, качественно иным комплексом институтов, обслуживающих редистрибутивный процесс. Приводя примеры из экономической жизни некоторых африканских стран, Поланьи писал: "То, что на западный взгляд выглядит как деспотическое прямое обложение или безжалостная эксплуатация, обычно одна только фаза этого редистрибутивного

процесса" (*Polanyi, 1977. P. 41*), она не дает оснований судить об эффективности всей экономической системы в целом, здесь необходимы специальные глубокие исследования.

Итак, вслед за Ойкеном, Поланьи подтвердил и дополнительно обосновал своими антропологическими исследованиями наличие двух равнозначных, параллельно функционирующих в истории рыночных (обменных) и редистрибутивных институциональных комплексов. Он отмечал, что рыночные и редистрибутивные экономики не имеют характера стадийности, но сосуществуют во времени и пространстве. Еще более определенно, чем Ойкен, Поланьи указывал на то, что в том или ином обществе доминирует одна из форм экономических отношений, в то время как альтернативная занимает дополнительное положение (*Polanyi, 1963*). Важным достижением Поланьи следует считать его выводы об устойчивости и рыночных, и редистрибутивных экономических систем. На примере Римской империи Поланьи пытался показать, как социальные действия, направленные на изменение природы экономической системы, приводят к уничтожению социума в целом².

Указав на то, что редистрибутивные экономики характеризуются свойственным им специфическим институциональным комплексом, Поланьи начал изучение конкретных институтов таких экономик. Но эта работа не была им закончена. По признанию его коллег, Поланьи не успел реализовать поставленную теоретическую цель "создать самостоятельную нерыночную экономическую теорию, которая бы обеспечила общую концептуальную рамку для тех обществ, в которых образцом интеграции не выступают превалирующие обмены" (*Polanyi, 1977. P. XXXV*), такую теорию, которая бы развивала идеи предложенного им институционального подхода.

2. Подробнее реконструкцию падения Римской империи в результате попытки изменить структуру базовых экономических институтов см. *Курдина, 2001. С. 201-202*

Решить эту задачу, но с других позиций, пыталась политэкономическая теория социалистического воспроизводства, базирующаяся на принципах марксизма-ленинизма. Разработкой теоретических и прикладных аспектов этой науки занималось множество ученых и политиков, особенно в период после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции. Ее основные постулаты излагались во всех учебниках по политической экономии, издававшихся в Союзе Советских Социалистических Республик с конца 1930-х и вплоть до 1990-х годов (см., например, *Политическая экономия, 1977*). Но крах социалистической системы в СССР и странах Восточной Европы выявил неадекватность ряда положений разрабатываемой социалистической теории реальным условиям общественного развития.

На наш взгляд, в значительной мере это объяснялось субъективистским подходом, присутствовавшим в этой науке. Несмотря на декларирование принципов исторического материализма социальная реальность зачастую рассматривалась в политической экономии социализма как планируемая, осуществляемая по воле людей программа общественного развития, игнорировались объективно существующие отношения, необходимые для функционирования социума. Такая позиция послужила одной из причин того, что институциональный подход, развиваемый в послевоенной социальной науке западных стран, долгое время оставался вне поля зрения обществоведов социалистических государств.

Как уже упоминалось во второй главе, институционалисты считались в тот период (1950-60-е годы) "наиболее злыми врагами рабочего класса".

Причиной подобного отношения служило то, что институционалисты исследовали те основания и связи, которые существуют независимо от воли правящих партий или политических устремлений лидеров, те устои общества, которые инерционны, неизменяемы, постоянны и объективно определяют траектории его социального развития.

Таким образом, в мировой экономической науке до настоящего времени не сложилось конвенциональной, общепринятой институциональной теории развития нерыночных экономик, сопоставимой по убедительности и разработанности с концепцией рыночного хозяйства. Выдающиеся попытки ряда ученых, прежде всего, венгерского экономиста Януша Корнай (*Корнай, 1990*), исследовать сущность и специфику нерыночных экономик не изменили общей тенденции - игнорировать объективные институциональные основания таких хозяйственных систем, рассматривая их в качестве тех или иных социальных механизмов, сконструированных людьми в своих интересах.

Справедливости ради заметим, что в других социальных науках также не предложено пока универсальных теоретических инструментов для изучения нерыночных экономик. Культурологи, хотя и

- 85 -

отмечают наличие в культуре разных стран двух преобладающих типов обмена благами, или экономических отношений - рыночных (exchange) и нерыночных (giving and taking), не занимаются целенаправленно изучением последних в отношении современных обществ (*Gregory, 1994. P. 911*).

Социологи также рассматривают редистри-буцию преимущественно как элемент традиционных и примитивных обществ (*International Encyclopedia of Sociology, 1995. Vol. 2. P. 1310*). Поэтому подобные отношения в современных странах до последнего времени воспринимались социологами и культурологами как элемент отсталости, неразвитости или "злой воли" политических властных структур.

Попытки разработки теоретических схем, на основе которых можно было бы объяснить функционирование экономик нерыночного типа, активизировались в последние годы в России. С одной стороны, это является следствием восстановления традиций российской школы экономической мысли, развитой в XIX - начале XX в. и прерванной после революции этапом тотального господства марксизма-ленинизма. В российском обществоведении дореволюционного периода понимание "нерыночного" своеобразия национального хозяйства постоянно присутствовало. В качестве его основы либо рассматривали духовно-нравственные православные ценности (*Зайцева, 1999*), либо делали упор "на анализе общности или народного хозяйства в целом" (*Русские экономисты..., 1998. С. 19*). "В противоположность смитовскому воззрению на общество как на простую сумму индивидов, - писал, например, А.И. Чупров, - хозяйство каждого народа есть единое целое, которого части находятся между собою в постоянном взаимодействии: жизнь этого целого управляется своими особыми законами?" (*Чупров, 1911. С. 2*). Группа ученых и философов, объединенных впоследствии понятием "славянофилы", также декларировала своеобразие русской общины как основного элемента системы производственных отношений нерыночного типа, и занималась ее детальным изучением. Подробнее традиции российской школы экономической мысли в изучении X-экономик будут рассмотрены в Главе 12.

Другим фактором, способствующим нынешнему осмыслению российского общества в рамках иной, нерыночной парадигмы, стало понимание того, что рыночные реформы, несмотря на волю политических лидеров страны и активное содействие международных сил, наталкиваются на "становой хребет"

иных экономических отношений, по-своему преломляющих ход трансформационного процесса.

Под воздействием двух названных факторов в среде экономистов России формируются новые разнообразные подходы к анализу нашего хозяйства. Так, в рамках развития цивилизационного подхода Н.Н. Лебедева поставила вопрос об институциональных основах различных форм хозяйствования. Она пишет о том, что специфику

- 86 -

экономической цивилизации определяют институциональные структуры, базирующиеся на основном, определяющем характер эпохи, экономическом отношении. И складывается экономическая цивилизация либо на базе коллективного сотрудничества в рамках единого хозяйства, либо на основе преобладания отдельных индивидуальных усилий, способствующих выживанию группы людей. В последнем случае результатом общественной деятельности является формирование частной собственности (*Лебедева, 2000. С. 200-201*). Российская же действительность демонстрирует иной тип институциональной структуры.

Наряду с экономистами, в выдвижении гипотез относительно институционального устройства российской экономики как экономики нерыночного типа активны и представители смежных наук. С одной стороны, институциональные концепции экономического развития страны как нерыночной экономической системы разрабатываются представителями исторической науки. Примером тому могут служить исследования историка Санкт-Петербургского университета Н.П. Дроздовой, предложившей неинституциональную концепцию экономической истории России. Она отмечает, что "понятие эффективности функционирования системы нельзя сводить только к рыночным критериям. Система функционирует эффективно, если она достигает поставленных целей с минимальными затратами" (*Дроздова, 1998. С. 693*). В своих исследованиях Дроздова доказывает, что в многовековой истории России цели ее развития достигались "огромной ролью государственной и коллективной форм по отношению практически ко всем объектам прав собственности" (*Там же. С. 696*).

С другой стороны, аналогичные усилия по теоретическому переосмыслению экономической структуры России предпринимались и в отечественной экономической социологии в начале 1990-х годов. В данном случае экономическая социология России, лишь недавно начавшая складываться как самостоятельная научная дисциплина, стоит перед лицом того же вызова, что и новая экономическая социология западных стран. Он связан со все возрастающим критическим отношением как экономистов, так и социологов, к существующей экономической теории. В этих условиях, как отмечает Вад. В. Радаев, "современная экономическая социология активно реинтерпретирует экономические концепции и категории во все возрастающем количестве исследовательских областей" (*Радаев, 1997. С. 60*). Убедительной иллюстрацией в данном случае служит приводимое им высказывание М. Грановеттера - наиболее значительной фигуры в современной экономико-социологической науке. Оно заслуживает того, чтобы привести его целиком. Как утверждает Грановеттер, "новая экономическая социология куда более склонна утверждать, что социологам есть что сказать о стандартных

- 87 -

экономических процессах - такого, что дополнило, а в некоторых случаях и заменило бы положения экономической теории. Сегодняшние социологи, отчасти в силу меньшего преклонения перед стандартными экономическими доводами, более нацелены добраться до самого ядра экономической теории" (Там же).

Подтверждением этой тенденции являются результаты, полученные в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы. Как уже было отмечено в 2.2, выявление социальных механизмов, регулирующих развитие отечественной экономики, является традиционным объектом этой научной школы (Заславская, 1985; Заславская, Рывкина, 1991а, б), характеризующейся как разработкой вопросов теории, так и углубленными эмпирическими исследованиями механизмов трансформации общественной структуры. С начала 1990-х годов представительницей нового поколения ученых Новосибирской школы О.Э. Бессоновой разрабатывается институциональная теория развития хозяйства России, названная автором концепцией раздаточной экономики (Бессонова, 1994, 1997, 1998 и др.). Эта теория описывает функционирование и развитие экономики российского общества как естественный закономерный процесс развития конкретных свойственных ей экономических институтов, который носит поступательный циклический характер. Верификация теории применительно к современному материалу российских экономических реформ (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996) показала высокую объяснительную и прогностическую возможность предложенной теории.

Значение концепции раздаточной экономики как перспективной методологии анализа российского общества уже отмечено в научной литературе (Атаян, 1997; Согрин, 1998). Построенная в результате обобщения развития российского хозяйства с IX в. и до наших дней, эта теория, на наш взгляд, существенно дополняет категориальный и понятийный аппараты исследования нерыночной экономической системы не только России, но и других государств, поскольку в ней представлены и описаны институты, регулирующие экономики такого типа.

Сопоставление институциональных концепций Ойкена, Поланьи и Бессоновой показывает, что выделяемые ими нерыночные экономические системы, называемые "централизованно управляемой экономикой", "редистрибутивной экономикой" или "раздаточной экономикой", характеризуют один и тот же тип хозяйственных систем. Их коренное отличие от рыночных экономик состоит в том, что определяющим институтом, в рамках которого осуществляется хозяйственная деятельность, служит не частная, а общая (общественная, публичная, условно-верховная, общественно-служебная) собственность в различных ее формах.

Что же обуславливает формирование и преобладание институтов общей, а не частной собственности в экономической сфере? Почему в определенных государствах нерыночный способ организации хозяйственной жизни оказывался предпочтительней по сравнению с рыночными механизмами?

В рамках классической экономической теории уже описаны условия ведения хозяйства, при которых формируется общая собственность: "Общая (коммунальная) собственность возникает там и тогда, где и когда издержки по спецификации и защите частных прав собственности чрезвычайно высоки. Выгоды же от их установления или равны нулю (если благо имеется в изобилии), или явно меньше затрат, связанных с установлением частных прав собственности" (Основы экономической теории, 1996. С. 115). Другими

словами, институт общественной собственности и базирующийся на нем институциональный комплекс X-экономики развиваются тогда, когда они являются более эффективными для данного сообщества как целого в решении задач устойчивого хозяйственного развития. Если же материально-технологические и социальные предпосылки обеспечивают эффективность частных форм собственности, то в экономике развивается рыночно устроенный институциональный комплекс Y-экономики.

Подытоживая, заметим, что изучение X - и Y-экономик - представленных у вышеназванных авторов под другими названиями - имеет определенную традицию. Она еще не изложена в учебниках и нет пока обширных монографических исследований, посвященных специально этой теме. Но мы надеемся, что будущие теоретики и историки экономической науки восстановят "связь времен", собрав воедино все попытки изучения двух существующих в мире типов экономических систем.

4.2. Системы базовых институтов X - и Y- экономик

При определении состава базовых экономических институтов мы опирались на отмеченный в параграфе 3.1 постулат функциональной необходимости. Иными словами, концепция X - и Y-экономик выделяет те базовые институты, которые, с одной стороны, необходимы для формирования адекватного реальности модельного представления об экономической подсистеме. Значит, мы обособляем из всего множества экономических связей те устойчивые, постоянно воспроизводящиеся отношения, которые позволяют дать понятийно единое описание экономик разных стран в разные периоды экономического развития. С другой стороны, этот набор должен быть достаточным для того, чтобы построить описание реальных экономических процессов без привлечения дополнительных катего-

- 89 -

рий. Функции, которые мы определили как необходимые и достаточные для того, чтобы экономическая система воспроизводилась, а также институты, которые в разных экономиках складываются для выполнения этих функций, показаны на рис. 5.

Поскольку экономика - это прежде всего отношения по поводу использования ограниченных благ, то первая функция базовых институтов в экономической системе - организация распределения запасов ограниченного блага между людьми, т.е. отношения собственности (*Нестеренко, 2002. С. 336*). Этой функции соответствует пара институтов - условной верховной собственности для X-экономик и частной собственности - для Y-экономик.

Вторая функция, необходимая при воспроизводстве экономической структуры, - обеспечение взаимодействия между структурными элементами. В модели X-экономик оно осуществляется на основе редистрибуции (включающей в себя акты аккумуляирования, согласования и распределения), в модели Y-экономики - на основе обмена (встречных актов купли-продажи).

Третья функция экономических институтов - поддержание структуры и воспроизводство структурных элементов хозяйственной системы. Институты, обеспечивающие реализацию соответствующих механизмов, - институт координации для X-экономик и институт прибыли - для Y-экономик.

Четвертая функция, без которой экономическая система не будет существовать и воспроизводиться, - это принуждение участников к деятельности. Институтами, обеспечивающими эту функцию в разных типах

экономических систем, являются служебный труд и наемный труд, в X - и Y-экономиках, соответственно.

Пятая функция - формирование и доведение сигналов обратной связи, благодаря которым экономическая система самонастраивается и корректируется. Передачу сигналов обратной связи обеспечивают институт пропорциональности в X-экономике и институт прибыли в Y-экономике.

Рассмотрим каждую систему институтов в целом, а в последующих главах перейдем к подробному анализу институтов, образующих X - и Y-экономики.

Редистрибутивные X-экономики, напомним, формируются в условиях коммунальной материально-технологической среды. Требуемая совместного использования для своего воспроизводства коммунальная среда способствует, независимо от воли и устремлений хозяйствующего населения, объединению коллективных усилий и порождает адекватные базовые институты и соответствующие им институциональные формы.

Первым в списке базовых институтов, регулирующих воспроизводство X-экономик, является институт **верховой условной собственности**, который определяет специфику всех остальных институ-

- 90 -

Рис. 5. Базовые институты X- и Y-экономик

тов такого типа экономической системы. Институт верховной условной собственности означает, что собственником основных ресурсов и средств производства признается - явно или латентно - общество в целом. От его имени выступает верховный уровень управления. Это предполагает возможность использования производимых и потребляемых благ по устанавливаемым верховным уровнем управления правилам и не подразумевает раз и навсегда установленных границ между экономическими субъектами в правах соб-

- 91 -

ственности (как это бывает при господстве института частной собственности). Или, что то же, границы эти условны, и условия определяются верховным уровнем. В каждый исторический период в разных странах неизбежно появляются признанные представители общественного интереса, основные акторы, сначала в виде лиц (например, князья, цари или императоры), а затем организаций (как правило, государственных органов разного уровня и др.). Данные акторы (верховный уровень управления) в соответствии с писаными и неписаными правилами, несут ответственность за использование имеющихся национальных ресурсов в интересах сообщества в целом. Даже если собственность распределена между использующими ее хозяйствующими субъектами и закреплена за ними для выполнения определенных задач - а иначе и быть не может в условиях все возрастающей сложности производства - их действия постоянно соотносятся с интересами общества в целом и между собой в ходе неизбежных, объективно требуемых мирных или насильственных согласований.

Процессы воспроизводства в X-экономике регулируются не отношениями обмена, а осуществляются на основе редистрибуции. Именно **редистрибуция**, как уже отмечалось, выступает базовым институтом, интегрирующим экономики такого типа. Редистрибуция означает движение материальных ценностей и услуг в рамках общей, единой собственности, что объективно требует согласования хозяйственных транзакций. Закон экономии транзакционных издержек приводит к тому, что согласование сосредоточивается в одном органе, который начинает выполнять функции Центра.

Основным механизмом, определяющим характер взаимодействия между участниками экономической деятельности в рамках распределенной собственности, неизбежно выступает не конкуренция, а координация, означающая соотнесение их действий друг относительно друга. Развитие таких экономик стихийно порождает потребность в организации координированных действий участников хозяйственного процесса, который можно сравнить с движением лодки с гребцами на борту. Очень быстро выясняется, что эффективное продвижение лодки, в которой они все находятся, невозможно без согласованных действий направляющих ее ход гребцов. Точно так же и редистрибуция невозможна без **института координации** действий участников хозяйственной деятельности и результатов их труда, поддерживающего функционирование такого рода экономических систем. Если в рыночных экономиках отношения между субъектами рынка регулируются институтом конкуренции, обеспечивающим необходимые экономические пропорции, то в редистрибутивных экономиках аналогичную роль выполняет институт координации. Он регулирует эффективное использование дефицитных ресурсов

- 92 -

и производимых благ и услуг в интересах всего хозяйства в целом, определяет направления материальных потоков, обеспечивает межотраслевые пропорции и т.п. Действие института координации обеспечивает непрерывность функционирования экономической сферы общества, предоставляет участникам хозяйственной деятельности как необходимые производственные ресурсы, так и условия собственного воспроизводства.

Как строятся трудовые отношения в редистрибутивных X-экономиках? Карл Поланьи, как уже отмечалось, полагал, что воссоединение обособленных трудовых процессов - неизбежного следствия общественного разделения труда, - происходит в данном случае посредством редистрибуции - главного для такого рода хозяйственных систем экономического отношения (*Polanyi, 1977. P. 40-41*). Аналогично тому, как институт обмена (купли-продажи) в рыночных Y-экономиках пронизывает все стороны общественной жизни и является определяющим для трудовых отношений, обуславливая куплю-продажу рабочей силы через институт найма, так и редистрибуция определяет существо привлечения рабочей силы к труду. В редистрибутивных X-экономиках возможность использования производимых на объектах распределенной собственности благ обуславливается трудовым вкладом экономически активного населения в ее функционирование и развитие. Здесь действует **институт служебного труда**. Этот термин введен О.Э. Бессоновой, выделившей данный институт как один из регуляторов раздаточной экономики России (*Бессонова, 1994*).

Но ранее на этот элемент экономик с господством общей собственности указывали разработчики теории социалистического воспроизводства. Вслед за Марксом, они характеризовали труд при социализме как непосредственно общественный, отмечали всеобщность и обязательность труда, его роль как единственного источника средств существования в такого рода экономических системах (*Политическая экономия, 1977. С. 45*). В отличие от института наемного труда служебный труд, как это следует из его определения, полагается обязательным и необходимым для всех трудоспособных граждан. В конечном счете, он представляет собой службу на благо всех и основной способ получения необходимых жизненных средств для индивидуума. П.И. Смирнов, характеризуя особенности служебной трудовой деятельности, определил ее как деятельность "для другого" - общества, коллектива, лица, в отличие от деятельности "для себя", когда основная цель состоит в обеспечении существования деятеля, что характерно для наемного труда (*Смирнов, 1998*). Служебный характер труда означает, что действуют категорические правила исполнения трудовых обязанностей на различных объектах распределенной собственности. Трудовые от-

- 93 -

ношения в рамках служебного труда регулируются, как и вся совокупность экономических отношений, механизмами редистрибуции. Это предполагает исторически меняющийся, но сохраняющий свое значение порядок аккумуляции труда в масштабах национального хозяйства и его распределение на основе согласования потребности в использовании рабочей силы и необходимости ее воспроизводства.

Совокупность базовых экономических институтов в любом обществе направлена на то, чтобы обеспечивать функционирование экономической сферы и создание необходимого объема ресурсов жизнедеятельности для развития социума. В условиях рынка сохранение экономики как таковой и действующих в ней субъектов невозможно без института прибыли, обеспечивающего их воспроизводство как участников рынка, личное

потребление и производство продукта для использования другими членами общества. В условиях же общей собственности экономика может существовать лишь как пропорциональное хозяйство, когда произведенное в одной ее части потребляется в другой. Излишнее складирование производимых ценностей, как и их недопроизводство, являются угрозой нарушения всего производственного цикла в условиях коммунальной материально-технологической среды. Поэтому редистрибуция неизбежно предполагает действие **института пропорциональности**.

На требование пропорциональности производства, осуществляемого в условиях господства общественной собственности, постоянно указывалось и в теории социалистического воспроизводства политической экономии социализма. Известно, что в ее рамках постулировался "закон планомерного пропорционального развития, выражающий объективную необходимость согласованного ведения всего народного хозяйства как единого целого на основе поддержания соответствующей общественным потребностям пропорциональности между различными видами производства. Господство социалистической собственности объективно обуславливает возможность и необходимость постоянного поддержания обществом народнохозяйственной пропорциональности" (*Политическая экономия*, 1979. С. 99). Пропорциональность представляет собой условие функционирования распределенной собственности, а потому определяет действие соответствующего института.

Целесообразно ли обращаться нам к концепциям, казалось бы, "вчерашнего дня" для обоснования своих утверждений? На наш взгляд, использование некоторых положений не оправдавшей себя в целом теории не противоречит, а подтверждает логику развития научного знания. Наука, в том числе и общественная, постоянно накапливая факты и наблюдения, каждый раз предлагает новые теоретические рамки для их систематизации. Но методология науки показывает, что формирование этих рамок представляет собой новую конфигурацию уже известных, развитых на новом этапе методологических средств. Любая научная теория не строится с нуля, не соз-

- 94 -

дается на пустом месте, она явно или неявно несет в себе полученное на предыдущих этапах и хранимое человечеством знание. При этом каждый раз наука, как скульптор при создании своего произведения, убирает все лишнее, стараясь выявить, оставить то, что наилучшим образом отражает реальное содержание изучаемых процессов. Поэтому не следует "выплескивать с водой и ребенка", критически оценивая научные достижения наших предшественников. Непредвзятый анализ убеждает, что, освобожденная от догм, политическая экономия социализма может дать ценные данные о закономерных связях явлений в экономиках, называемых в теории институциональных матриц редистрибутивными, или X-экономиками. Это мы попробуем доказать в 12.3.

Как можно видеть, при определении комплекса базовых институтов, соответствующего X-экономикам, использованы и систематизированы положения ряда не связанных между собой концепций и труды работавших в разное время и в разных научных традициях авторов. Так, сама структура базовых институтов повторяет структуру институтов в рыночных экономиках, хотя содержание их кардинально отличается. Выделение института условной верховной собственности опирается на основные положения экономической теории, хотя она существенно адаптирована нами для решения собственных задач. Категория редистрибуции, определившая суть стержневого института редистрибутивных экономик, впервые предложена и разработана Карлом

Поланьи. Выделение института координации повторяет логику рассуждений многих авторов, изучавших такого рода экономики. Например, можно сослаться на закон координации сдаточно-раздаточных потоков в работах О.Э Бессоновой (Бессонова, 1994. С. 40). Ею же, в развитие марксистской идеи всеобщего обязательного труда при социализме, была введена в научный оборот категория "институт служебного труда" (Там же), повторенная и эмпирически верифицированная затем и в упомянутых на страницах этой книги трудах Бессоновой, и в нашей совместной работе (Бессонова, Кирдина, О' Салливан, 1996). Выделение института пропорциональности опирается на разработки советских ученых в области политической экономии социализма, развивавших основы теории социалистического воспроизводства.

В результате сформировалось описанное в данном параграфе представление о системе следующих базовых институтов, регулирующих развитие X-экономик: институты верховной условной собственности, редистрибуции, координации, служебного труда и пропорциональности.

Перейдем к рассмотрению институционального устройства Y-экономик. Естественно-историческими предпосылками возникновения Y-экономик является некоммунальный характер материально-технологической среды. Объективная возможность ведения хо-

- 95 -

зяйства силами индивидуальных хозяйствующих субъектов и наличные возможности организации на территории государства широкой сети товарных обменов формируют институциональный комплекс, называемый рынком. В данном случае "рынок" рассматривается как сущностная черта такого рода хозяйственных систем, т.е. Y-экономик, и он равно применим как для характеристики экономических отношений древних государств, так и для современных стран.

Y-экономики, как известно, отличаются тем, что в них основным институтом является **частная собственность**, задающая характер всей институциональной экономической среды. Институт частной собственности определяет, что лица или организации, владеющие своей собственностью, обладают соответствующей полнотой прав и ответственности по ее использованию и распоряжению.

Взаимодействие между участниками экономической деятельности Y-экономик невозможно иначе, как посредством **обменов (купли-продажи)** производимых продуктов и услуг, имеющих характер товаров. Если в широком смысле рынок понимается как регулятор общественного воспроизводства соответствующих экономических систем, то в узком значении он трактуется прежде всего как институт обмена, или купли-продажи. Он регулирует взаимоотношения между частными собственниками, производителями и потребителями таким образом, чтобы обеспечивалось их простое и расширенное воспроизводство.

Деятельность частных собственников регулируется **институтом конкуренции**, т.е. они соперничают друг с другом в получении необходимых производственных ресурсов и в продаже результатов своей деятельности. Именно институт совершенной конкуренции, как показали Адам Смит и другие экономисты (Фишер и др., 1997. С. 175), приводит в пределе к эффективному распределению и использованию дефицитных ресурсов в рыночных экономиках.

Частная собственность на средства производства и на рабочую силу обуславливают **институт найма труда**. Таким образом, трудовые отношения также имеют характер обмена, или купли-продажи, как писал К. Маркс, -

рабочей силы. Наемный труд является всеобщим институтом, регулирующим привлечение общественных сил к труду и обеспечивающим их воспроизводство в условиях частной собственности. С этой точки зрения, трудовые отношения в рамках индивидуального предпринимательства также означают найм, но собственной рабочей силы, когда это является более выгодным по сравнению с наймом рабочей силы извне. В наиболее явном виде система занятости, основанная больше на найме, чем на собственности, институционализована сегодня в США, в которых отношения найма обособились и в домашнем хозяйстве, и в крупной промышленности, где наемные менеджеры, как правило, давно уже не являются собственниками (Парсонс, 1998. С. 144).

- 96 -

Общественно признанным критерием эффективности, регулятором, посредством которого соотносится в масштабах всего общества деятельность обособленных частных хозяйств, является **прибыль**, или, более широко - капитал, который К. Маркс выделил как основное общественное отношение рыночных (капиталистических) экономик. Осуществление воспроизводства капитала, или получение прибыли, является для участников производства главным мотивом действий, сигналом обратной связи, свидетельством того, что их деятельность признана, оценена обществом, и созданы возможности продолжения экономического цикла. Тем самым институт прибыли совместно с институтом конкуренции обеспечивают саморегуляцию рыночных экономик и позволяют судить об уровне эффективности экономической системы.

На примере института прибыли можно показать действие базового экономического института, определяющего направленность человеческих действий в рыночных экономиках. Для этого приведем замечательное наблюдение Парсонса, показавшего, как действует институциональная предопределенность. "Так, если взять наиболее известный пример - "мотив прибыли", играющий столь важную роль в экономических дискуссиях, то он вовсе не является психологической категорией. Верный взгляд, скорее, состоит в том, что система "свободного предпринимательства" в экономике, основанная на деньгах и рынке, определяет ситуацию и поведение от делового предприятия до человека таким образом, что люди стремятся к прибыли как условию выживания и мере успеха своей деятельности. Следовательно, какие бы интересы не руководили индивидом, будь то достижение, самоуважение, восхищение со стороны других и т.д., не говоря уже о том, что можно купить за деньги, - все они превращаются в деятельность по производству прибыли" (Парсонс, 1998. С. 46).

Как и институт прибыли, все вышеперечисленные базовые институты Y-экономики, действующие как объективные законы, определяют сущность хозяйственных отношений. Она выражается и разворачивается в формирующейся и постоянно совершенствующейся системе санкций, побудительных мотивов, стремлений и ожиданий, а также в разнообразных действиях по мобилизации и использованию имеющихся ресурсов.

Описанный институциональный комплекс из пяти базовых институтов, составляющий ядро Y-экономик - частной собственности, конкуренции, обмена, наемного труда и прибыли, - в основных своих чертах давно известен и подробно исследуется, начиная с Адама Смита, т.е. более 200 лет. Данное представление составляет теоретический фундамент как *economics*, так и неинституционализма, а большинство закономерностей функционирования хозяйственных рыночных систем описаны в соответствующих учебниках.

- 97 -

На этом мы заканчиваем обзор институтов, составляющих институциональное ядро X - и Y-экономик. В последующих главах (5-9) мы охарактеризуем их действие в конкретной экономической среде и определим специфику их взаимосвязи в условиях реального хозяйственного процесса.

4.3. Резюме

Экономическую систему можно определить как форму организации экономической жизни общества. Возникая по одним и тем же причинам и имея одни и те же цели вовлечения ограниченных ресурсов в хозяйственный оборот, экономические системы отличаются методами достижения этих целей, образовавшимися социальными и институциональными механизмами для их достижения (*Louck, 1938; Loucb and Hoot, 1948*).

Институциональный комплекс рыночных экономик известен и описан достаточно подробно. Экономике нерыночного типа, по сравнению с рыночными хозяйственными системами, - относительно мало исследованы, и в научной литературе еще не сложилось единой терминологии для их обозначения. Образ такого рода экономических систем теми или иными авторами обозначался по-разному -либо как "азиатский способ производства" (К. Маркс), "централизованно-управляемое хозяйство" (В. Ойкен), "административно-командная система" (Г.Х. Попов), "распределительная экономика" (труды американских советологов второй половины XX века), "раздаточная экономика" (институциональная теория хозяйственного развития России (О.Э. Бессонова) и т.д.

Ранее мы придерживались термина "редистрибутивная экономика" (*redistribution economy*), введенного уже неоднократно упомянутым на страницах этой книги американским институционалистом, социологом и антропологом Карлом Поланьи. Выбор данного термина был продиктован как содержательными, так и методическими соображениями. Во-первых, нами развивается введенное им понятие редистрибуции и представление о системе институтов, регулирующих экономики такого типа. Поэтому на первом этапе было целесообразным применение предложенного Поланьи исходного термина. Во-вторых, наименование терминов должно быть понятным большинству ученых разных стран и научных школ и поэтому часто опирается на слова из интернациональных языков научного общения - латинского или греческого. Таким образом, термин "редистрибуция", имеющий латинские корни, представляется весьма удачным. По сравнению с ним термин "раздаточная экономика", предложенный О.Э. Бессоновой и активно использовавшийся нами в 1998-2000 гг., был признан менее подходящим. При таком наиме-

новании данный тип экономик предстает как сугубо российское явление, что не соответствует факту распространенности экономических систем подобного рода в других странах мира. Наконец, использование термина Поланьи представлялось справедливым с точки зрения сохранения приоритета этого ученого, признавшего объективный характер редистрибутивных экономик и сделавшего первые шаги в изучении их институционального устройства.

С 2003 г. для обозначения двух типов экономических систем мы используем терминологию "X - и Y-экономики". Во-первых, этим самым четко обозначается их связанность с соответствующими институциональными матрицами, которые определяют тип общества в целом, т.е. характер его не только экономической, но политической и идеологической сфер. За период 2000-2003 гг. теория институциональных матриц и принятая в ней

терминология стали достаточно популярными, что отражено в ряде рецензий, многочисленных ссылках, читаемых учебных курсах и т.д. (подробнее см. страницу *Ссылки* на сайте www.kirdina.ru). Во-вторых, с помощью такого обозначения мы делаем шаг к нейтральности экономических терминов, что приближает нашу науку к сообществу естественных наук, уже давно осваивающих терминологический язык подобного рода. Ибо X - и Y-экономики, являясь научным средством, отражают, по нашему глубокому убеждению, реальные особенности естественно складывающихся систем хозяйственных отношений.

Глава 5 ИНСТИТУТЫ СОБСТВЕННОСТИ

"Разделяй и властвуй" или "Наша сила в единстве"?

В институциональной теории институты собственности понимаются как санкционированная обществом совокупность отношений, регулирующих порядок извлечения полезности из экономических благ через систему полномочий (*Нестеренко, 2002. С. 337*). Известное, сформулированное Т. Эггертссоном (*Eggertsson. P. 34-35*) "узкое" толкование полномочий, наиболее ясное и непротиворечивое, включает в себя следующий "пучок" прав, или полномочий, собственности.

1. Право доступа к благу, при котором владелец определяет, каким образом он и, конечно, с его согласия и другие, могут пользоваться полезными свойствами блага - это право владения.

- 99 -

2. Право извлекать доход из блага, или, шире - право пользования.
3. Право отчуждать благо, т.е. продавать, дарить, передавать по наследству, иными словами - право распоряжения.

Это определение, индифферентное по отношению к типам экономических систем, мы будем использовать как "строительные леса" при описании специфики отношений собственности, действующих в моделях X- и Y-экономик. Начнем с описания более известного науке и теоретического проработанного института, а именно, кратко охарактеризуем специфику института частной собственности в рыночных Y-экономиках.

5.1. Институт частной собственности в Y-экономике

Отношения собственности, вернее, их анализ представляет собой центральную, смыслообразующую часть институциональных теорий, поскольку в категориях прав собственности могут быть поняты и описаны отношения между людьми в соответствующих экономических системах (*Нестеренко, 2002. С. 342*). Права собственности понимаются как санкционированные обществом поведенческие отношения, которые возникают в связи с ограниченностью благ и касаются их использования. Иными словами, отношения собственности выводятся из ограниченности ресурсов: без этой предпосылки бессмысленно говорить о собственности. В соответствии с нашими исходными постулатами, а именно, обозначенным в 3.1 пониманием базовых институтов, институты собственности рассматриваются как существующие независимо от воли и сознания людей. Аналогичный взгляд на этот вопрос присутствовал в общественном сознании давным-давно. Например, еще в трудах Солона (594 г. до н.э.) и Клисфена (509 г. до н.э.) говорилось, что законы не создают отношений

собственности, они только закрепляют уже сложившиеся отношения.

Нам важно также отметить, что собственность всегда санкционируется обществом либо позитивно, либо негативно. Позитивные санкции означают одобрение обществом имеющейся структуры прав доступа к имуществу (ресурсам), негативное - неодобрение их, из чего вытекает необходимость изменить эту структуру в целесообразную для общества сторону. Поэтому отношения собственности, а точнее, институты собственности - это исторически складывающаяся система исключений из доступа к материальным и нематериальным ресурсам. Исключить других из свободного доступа к ресурсам означает специфицировать права собственности на них, т.е. закрепить права собственности таким образом, чтобы участники хозяйственной жизни совокупно извлекали из имеющихся в их распо-

- 100 -

ряжении средств наибольшую пользу. В конечном итоге, спецификация приводит к более эффективному использованию собственности, к повышению ее отдачи и снижению издержек.

Теориям прав собственности и теориям контрактов (сутью которых является соблюдение прав собственности), относящихся к рыночным Y-экономикам, посвящено огромное количество литературы, они излагаются в известных учебниках. Поэтому заинтересованного читателя мы отсылаем к следующим работам наших коллег по этой теме: *Капелюшников, 1990; Нуреев, 2001* и др. Также имеет смысл прочесть соответствующие главы из учебников: *Олейник, 2002; Шаститко, 2002; Мэнкью, 2002; Фишер и др., 1997* и т.п.

Уровень глубины и анализа проработки этих существенных отношений - отношений собственности - имеет в западной науке более чем двухсотлетнюю историю, начатую классической политической экономией, продолженную в *economics* и затем в неинституциональной теории. Поэтому изучение доминирующего в Y-экономике института частной собственности и форм его проявления - богаты и многообразны. Уровень этих исследований несопоставим, на наш взгляд, с необходимой глубиной проработки данного феномена в X-экономике. В связи с этим корректным будет сконцентрироваться на основополагающих моментах, чтобы "по-крупному" показать различие институтов собственности, действующих в X- и Y-экономике.

Итак, что прежде всего отличает институт частной собственности, доминирующий в рыночных Y-экономике?

- Действие института частной собственности означает, что объекты собственности (материальные и нематериальные), могут быть четко обособлены и калькулированы, они принадлежат конкретным субъектам, которые несут издержки по их содержанию и использованию, а также распоряжаются получаемым доходом. Следствием этого является возможность для собственника как достижения высокой прибыли, так и банкротства. В основе обособления лежит, во-первых, некоммунальный характер делимой материально-технологической среды, выступающей исторически первичным средством производства, и, во-вторых, возможность получать от ее использования достаточный индивидуальный доход.
- Институт частной собственности означает, что объекты

собственности обособляются и "по вертикалям", и "по горизонталям" хозяйственных связей. "Горизонтальное" обособление очевидно. Собственники альтернативных благ в цепочке экономических отношений (обменов) противостоят друг другу как независимые хозяйствующие субъекты. "Вертикальное" обособление менее очевидно, но также присутствует: в иерархических структурах (мы не рассматриваем здесь отношения внутри одного объекта собственности, например, фирмы) собственность

- 101 -

верхнего уровня, например, федерального, строго отделена от собственности нижних уровней, последние сохраняют свою самостоятельность. Например, при феодализме, несмотря на господство отношений вассалитета, т.е. личной зависимости феодала от сеньора, основной объект феодальной собственности - земельный участок, или *феод*, - обособлен и отделен от собственности сеньора. Обозначенные выше права по владению, пользованию и распоряжению феодалом закреплены именно за феодалом, т.е. собственником земли. Четкое обособление объясняет, почему объекты частной собственности относительно легко и делятся, и складываются в самых разнообразных сочетаниях, что определяет высокий уровень мобильности отношений собственности.

- По поводу каждого объекта собственности существует (или может быть восстановлена) соответствующая "история собственности", фиксирующая субъектов, к которым она относилась.
- Институт собственности действует таким образом, что в обществе (и в хозяйственной среде) постоянно самовоспроизводятся и преобладают частные формы собственности. Возникновение альтернативных, так называемых общественных (публичных) форм собственности связано с заполнением "провалов рынка", то есть играет роль компенсаторного механизма. Их цель - поддержать условия эффективного функционирования частных форм собственности, являющихся основными производителями благ и субъектами экономических отношений.
- Базовый характер института частной собственности определяет специфику действия всех существующих в экономической системе форм собственности. Независимо от своего характера (смешанные, кооперативные, акционерные, муниципальные и т.д.), по сути, они выступают в системе хозяйственных отношений как обособленные частные собственники, обладая необходимой полнотой прав и ответственности и руководствуясь той же мотивацией на прибыль.
- При доминировании института частной собственности наиболее эффективными, как показывает экономическая история Y-экономик, являются именно частные хозяйствующие субъекты. Они обеспечивают, основные экономические достижения и процветание "своих" типов экономик. Соответственно, рынок и рыночные отношения (являющиеся неотъемлемой рамкой взаимодействия частных собственников), устойчиво закрепляются в общественном сознании как главная и наиболее

эффективная форма экономических отношений, а частная форма собственности - как общественно необходимая для прогрессивного социально-экономического развития.

- 102 -

- Основой анализа института частной собственности являются адекватные ему предпосылки, на которых базируется экономическая теория рыночной парадигмы: методологический индивидуализм, максимизирующее поведение индивида и достижение рыночного равновесия.

Отмеченные свойства института частной собственности, встроенного в систему институтов рыночных Y-экономик и являющегося ее органическим элементом, носят естественно-исторический характер. Свойства эти постоянно воспроизводятся, поскольку постоянно воспроизводится институт частной собственности. Это определяет убежденность и населения таких стран, и экономических теоретиков в неизбежности и целесообразности частной собственности, объясняет, почему она составляет одну из аксиом экономической теории по поводу такого типа обществ. Это же объясняет и их непонимание механизмов воспроизведения других экономических систем, в которых этот институт не работает. Более того, проблема часто ставится "с ног на голову": слабое проявление данного института и всего комплекса институтов Y-экономик выдвигается в качестве причины того, что другие экономические системы не работают столь же эффективно (с точки зрения рыночных критериев), как рыночные экономики.

5.2. Институт условной верховной собственности в X-экономике (на примере земельной собственности в России)

Институты собственности X-экономик не так тщательно анализируются современной наукой как естественное образование, а представление об их действии не так очевидно. Поэтому мы воспользуемся известным облегчающим понимание (нам и читателю) приемом, т.е. рассмотрим проблему на примере. Специфика института собственности в X-экономике рассматривается нами на примере института земельной собственности в России. Основой этого анализа стал фундаментальный труд группы известных специалистов-историков - коллективная монография "Собственность на землю в России: история и современность".¹ Его авторы не задавались целью проведения специального институционального исследования. Как сказано в предисловии, авторский коллектив "не предлагает каких-либо жестких схем, видя свою цель в ознакомлении читателя с как

1. *Собственность на землю в России: История и современность* / Под общ. Ред. Д.Ф. Аяцкова. - М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. (Авторы глав: Н.А. Горская, М.Д. Долбилов, П.Н. Зырянов, В.В. Журавлев, А.П. Корелин, В.Н. Колодежный, Л.Н. Доброхотов, Н.В. Владимиров, В.А. Динес, А.Н. Николаев).

- 103 -

можно более широким спектром взглядов на историю собственности в России" (*Собственность на землю...* . С. 15). Но содержащийся в этой

уникальной работе материал по развитию земельных отношений с начала российской государственности и до последних лет представляет не только исторический интерес. Эта работа актуальна и для тех, кто профессионально занимается исследованием земельного вопроса, и для экономистов и социологов более широкого плана, особенно - интересующихся закономерностями трансформационных процессов современной России и развитием ее институциональной структуры. На примере земельной собственности перед нами разворачивается тщательно прописанная картина последовательного развития социально-экономических отношений в сфере, всегда являвшейся объектом жарких дискуссий и неоднократного масштабного реформирования.

Не секрет, что сегодня во множестве работ мы имеем дело с распылением социально-экономических реалий между областью эмпирических представлений, обыденных фактов и мнений, с одной стороны, и заимствованных символов, понятий и отвлеченных принципов - с другой. Поэтому так трудно соединяются сегодня российская практика и экономическая теория. В этой же работе авторы последовательно и тщательно сверяют разнообразные сложившиеся в обществоведении подходы с анализом исторических данных, выводят причины и следствия экономических процессов из реалий и практического опыта российского населения и власти, постоянно пытавшихся методом "проб и ошибок" нащупать эффективные пути решения аграрного вопроса. Поэтому данный труд выступает, на наш взгляд, надежным фундаментом для исследований характера и существа института собственности в России, которую мы относим к государству с доминированием институтов X-экономики.

Одновременно в ходе такой работы мы попробуем показать перспективы и плодотворность сотрудничества институционалистов и историков. Известно, что для последних весьма актуальным является выбор парадигмы осмысления исторического процесса. Например, в анализируемой книге активно используются методология формационного подхода, и, соответственно, выделяемые в нем этапы развития способов производства. Например, первая глава называется "Собственность в феодальной России", и ее автор, Н.А. Горская, специально отмечает, что исходит из понимания исторического процесса, основанного на формационном подходе. Это, пишет она - сознательный выбор, основанный на том, что "Попытки отойти от этого понимания, подняться на более высокий уровень осмысления исторического процесса путем употребления понятий "цивилизационный подход", "доиндустриальное", "индустриальное" и "постиндустриальное общество" пока не принесли желаемого результата" (Там же. С. 9) Их оказывается недостаточно для характе-

- 104 -

ристики этапов и выяснения закономерностей социально-экономического развития российского общества. Но используемый - в силу отсутствия других теоретических схем - формационный подход также не является вполне адекватным. Авторы часто указывают, что попытки анализировать земельные отношения в терминах европейских концепций непродуктивны. Например, то же понятие "феодалная собственность" (прежде всего на землю) не является "полной частной собственностью", как это имело место за западными границами России

(Там же. С. 42). Поэтому историческая наука, анализируя факты, формирует перед обществоведами и экономистами запрос на адекватную методологию социального анализа и необходимый категориальный аппарат, позволяющие увязать наблюдаемые факты в цельную систему.

Исторические сопоставления в обществоведении, на наш взгляд, - это аналог экспериментальных данных в естественных науках. Здесь в качестве условий и приборов эксперимента выступает научная методологическая схема, которую предоставляют в распоряжение историков экономические и социальные теории. Методологическая схема, будучи аналогом лабораторного прибора, позволяет отслеживать и фиксировать "неизменные параметры" исторического процесса, не принимая во внимание "неважные", постоянно меняющиеся факторы и характеристики многообразной общественной жизни. Исторические исследования лежат в основе достижений и нобелевских премий западных институционалистов. В свою очередь, социально-экономические теории дают возможности для упорядочивания и целенаправленного анализа исторического материала. Свидетельством этого может служить приложение (в свое время) идей формационного подхода к историческим исследованиям. Одновременно история, исторические исследования выступают своеобразным фильтром для оценки теоретических концепций, предлагаемых сегодня обществоведами. Исторические данные позволяют верифицировать и углубить социально-экономические теории. Историки предоставляют в распоряжение всех обществоведов драгоценный исторический материал, на основе которого можно дополнительно аргументировать - или опровергнуть - положения тех или иных концепций. Поэтому осмысление земельных отношений в России с позиций институциональных представлений об X-экономике может иметь обоюдный интерес - и для нас, использующих исторические данные, и для историков, которым мы предоставляем новую схему систематизации накопленных данных.

Какие наиболее важные выводы в отношении института земельной собственности, не противоречащие нашей концепции, мы можем сформулировать?

Первый вывод состоит в том, что на протяжении всего исторического развития России доминирующим институтом, регулирующим

- 105 -

земельные отношения, действительно можно считать институт так называемой **"верховой условной собственности"**.² Данный институт постоянно порождает соответствующие ему *формы земельной собственности*, наиболее жизнеспособные в аграрном хозяйстве страны.

В чем сущность этого института? Во-первых, всегда существуют формальные и неформальные ограничения, в которых фиксируется право центральной власти в отношении земли, находящейся во владении и пользовании основных социальных субъектов. Во-вторых, верховная власть, являясь, по сути, собственником земли, определяет условия, выполнение которых обязательно для тех, кому эта земля передается во владение и пользование. Причем эта схема действует на всех уровнях иерархической властной вертикали - верхний уровень определяет условия для нижнего, в свою очередь, условия для него

самого формируют стоящие выше звенья.

Уже в Киевской Руси (X-XI вв.), как писал Л.В. Черепнин, у нас преобладала верховная государственная собственность на общинные земли, реализовавшаяся путем взимания дани (*Черепнин, 1953*). В домонгольской Руси формами землевладения, в которых выражал себя институт верховной условной собственности, были, помимо государственной собственности (в тот период ей соответствовала так называемая княжеская собственность - не путать с княжеской вотчиной), монастырские и церковные владения. Церковь и монастыри получали земли в результате княжеских пожалований, а также при государственной поддержке в ходе освоения новых территорий. В дальнейшем эти земли пополнялись за счет вотчин, передаваемых живущими (в дар) или умершими (по завещаниям) владельцами.

С середины XV в. формируется еще один сегмент, регулируемый институтом верховной условной собственности. Это - система условного землевладения в виде поместий - неотчуждаемой земельной собственности, определенной службой жалователю земли. В Судебнике 1497 г. поместные земли прямо рассматриваются как великокняжеские (*Памятники Русского права, 1955. С. 356*), т.е. подлежащие ведению центральной княжеской власти. Верховенство центральной власти и условность поместного землевладения сводились к запретам продавать и дарить землю, но не запрещалось права наследования. В обязанности помещиков входила деятельность по организации аграрного производства на переданных землях и попечение о работающих на них крестьянах, поступление в казну податей. Условием получения поместья было также несение тягот го-

2. В этом названии соединяются идея Л.В. Черепнина о *верховой собственности* государства на землю и *условная собственность* владения землей служилыми людьми, как ее называет Н.А. Горская (*Собственность на землю. С. 27*)

сударственной службы (прежде всего, военной). Тем самым началось создание слоя служилых землевладельцев.

Через 400 лет характер поместной (к 1850 г. она называлась помещичьей) собственности на землю сохранился. Н.И. Тургенев, известный ненавистник крепостного права, тем не менее признавал: "Русский помещик имеет не только права в отношении своих крепостных, но и обязанности, возложенные на него законом... Таким образом, само его право на землю до известной степени ограничено условиями" (*Тургенев, 2001. С. 409*).

В отношении монастырских и церковных земель также сохранялась определяющая роль верховной власти: контроль за приобретениями, обмена монастырских земель на государственные, земельные конфискации, испомещение на монастырских землях служилых людей и т.п. (*Собственность на землю. С. 26*). Именно верховенство государственной власти над церковными землями и отношение к ним как к резерву государственной земельной собственности обусловило проведенную в дальнейшем Петром I массовую секуляризацию церковных земель.

Накануне крестьянской реформы 1861 г. государственные, помещичьи и церковные земли, "население которых было обязано выплатами правителю государства, продолжали повсеместно

преобладать над территориями, находящимися в частном владении" (Там же. С. 15). Еще более определенно высказывался Л.В. Милов, один из авторитетнейших исследователей конца XX в. по проблемам исследования особенностей исторического процесса в феодальной России. Он писал, что "частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности" (Милов, 1998. С. 558).

Реалии советского периода российской истории не нуждаются в специальных комментариях - характер социалистической собственности, находящейся в распоряжении колхозов и совхозов, имел ярко выраженный условный характер, и порядок распоряжения землей определялся органами соответствующих уровней власти.

Российские реформы конца 1990-х годов также принципиально не изменили положения. По статистике 83% сельхозугодий находятся в частном владении у 11 млн граждан. Но не подтверждается частный характер землепользования. Поскольку, "во-первых, эти земли на отдельные участки для индивидуальных собственников в подавляющем большинстве не размежеваны, то есть де-факто земля не приватизирована, во-вторых, крестьяне в основной массе верны коллективным формам работы как более эффективным в современных условиях, в-третьих, ведение рентабельного сельского хозяйства без государственной помощи невозможно" (Собственность на землю. С. 521). Другими словами, фактически дольщики, или номинальные владельцы земельных паев, не могут обособить свой

- 107 -

участок и вести на нем самостоятельное хозяйство, реализовать участок, сдать в аренду и т.д.

Описываемый в монографии современный опыт Саратовской области по регулированию земельных отношений, часто исторически трактуемый как "распродажа земли" и уход государства из этой сферы, также подтверждает сформулированный вывод о доминировании института верховной условной собственности. Реализация принятого здесь - в опережение федерального - саратовского Закона о земле и связанные с ним мероприятия показывают, что именно участие правительства Саратовской области, областной Думы, слаженная работа региональных и муниципальных органов обеспечивают действенный контроль за оборотом земельных участков, мониторинг земель и развитие экономики землепользования, определяют ограниченный законами и правовыми актами характер права собственности на землю (Там же. С. 543-549). Постановление губернатора № 490 от 20 июня 1997 г. "Об установлении нормативной цены земли на территории Саратовской области" закрепляет верховенство региональной и федеральной властей (в соответствии с принятым распределением полномочий между регионами и федеральным центром) в регулировании земельного оборота.

Институт "верховой условной собственности", действующий в аграрной сфере российского государства, не является неким кентавром "власти и собственности", как это любят представлять некоторые ученые (Васильев, 1982), говоря о неразвитости и отсталости такого рода социальных форм. Напротив, структура названного института может быть проанализирована при помощи категорий, используемых сегодня в анализе института собственности. Институт верховной

условной собственности расщепляется на права распоряжения (закрепленные за верховной властью), владения (переданные землевладельцам, например, помещикам и монастырям) и использования (до советской власти это была община в разных ее формах, после революции - колхозы и совхозы). Развитие института собственности таково, что осуществление прав владения и использования последовательно сближаются (передача земли от помещиков к крестьянским общинам в 1861 г. и от государства, после национализации земли в ходе Октябрьской революции, - колхозам и совхозам). Современное состояние института верховной условной собственности на землю, как это можно видеть на примере передового опыта Саратовской области, подразумевает тщательную правовую проработку и законодательное обеспечение всего сложного пучка полномочий собственности между основными социальными субъектами, имеющими отношение к земле, разработку нормативной базы, необходимых инструктивных и регулятивных документов, работу по информационно-правовой пропаганде, обучение всех участников и т.д.

- 108 -

Проявление института верховной условной собственности в аграрной сфере позволяет зафиксировать наше внимание на основополагающем его отличии от института частной собственности. Оно заключается в том, что в X-экономике объект собственности часто не может быть четко обособлен "по горизонтали" и "по вертикали", "Малые" объекты собственности не обособляются, а являются "вложенными" как составная часть в более масштабный объект. В основе этого лежит коммунальный характер материально-технологической среды, и земля в России, как мы описывали в параграфе 3.3, исторически является именно таким объектом. Иными словами, коммунальную среду можно разделить "на бумаге", но ее нельзя расчлнить физически, и это составляет материальное препятствие для развития отношений частной собственности. Поэтому каждый раз естественно формируется условная верховная собственность, где верхний уровень, распоряжающийся коммунальным по характеру средством производства, определяет условия использования его составных частей отдельными хозяйствующими субъектами.

Внимательный анализ исторического и современного материала, проведенный в рассматриваемой книге и множестве других работ, показывает, что в России никогда не существовало частной собственности на землю в полном, классическом ее понимании. Таким образом, **второй вывод** состоит в том, что у нас имели место так называемые **квазичастные формы** земельной собственности.

Исторически первой формой индивидуальной крупной земельной собственности являлись княжеские села и охотничьи угодья, положившие начало княжеской вотчине, которая была отделена от государственных земель. Затем к вотчинным землям князя прибавились боярские села, полученные путем княжеских пожалований. Появились боярские (дружинные) вотчины, затем вотчины получали в свое распоряжение и дворяне. Вотчина являла собой владение, передаваемое по наследству, вотчинник имел право отчуждать свою землю без санкции князя. Но даже "владение полученной по наследству вотчиной не являлось индивидуальной частной

собственностью" (*Там же*. С. 43). Во-первых, само начало вотчинного землевладения приурочивается к элементу дружинному (т.е. военно-служилому); таким образом, получение вотчин связывается со службой и исходит от верховной власти. Во-вторых, за те или иные провинности можно было лишиться вотчины. В-третьих, права распоряжения вотчинами существенно ограничивались государством (особенно это касалось княжеских вотчин). В-четвертых, уже в Московском царстве с вотчины отбывается такая же обязательная служба, как и с поместья, т.е. условный характер вотчинной собственности становится еще более выраженным.

Все это характеризует вотчины как квазичастные формы, по содержанию не совпадающие с феодальной земельной собствен-

- 109 -

ностью европейских государств. "Для средневековья и раннего нового времени России применяемое относительно феодального государства и феодалов (а, тем более, относительно других социальных слоев и крестьянства в целом) понятие "феодалная собственность" (прежде всего на землю), не является "полной частной собственностью" (*Там же*. С. 42).

Другой формой индивидуальной земельной собственности, аналогичной частной, многие считают крестьянскую собственность после земельной реформы 1861 г. и, особенно, в ходе столыпинской реформы 1906-1907 гг. Насколько это справедливо? Что дает нам представленный в монографии материал?

Крестьянское право на землю после освобождения, как отмечал В.В. Леонтович, "не представляло собой субъективного права в гражданско-юридическом смысле" (*Леонтович*, 1995. С. 206). Это было право собственности, принадлежавшее крестьянину в составе общины. Общины делились на переделывающиеся и беспеределные. Именно последние, беспеределные, общины характеризовались подворно-наследственным крестьянским землевладением. В отличие от переделных общин, подворные общины утрачивают - временно или навсегда - земельно-распределительные функции. Но это не отменяло других функций общины. В условиях чересполосицы крестьяне продолжали быть связаны общими сроками сева и уборки урожая, которые определяла община. В общинном владении оставались угодья общего пользования (пастбища, выгоны, иногда леса). На общинном сходе решались дела о раскладке податей и т.д. Да и сама собственность крестьянского двора на землю могла быть реализована только внутри общины, смысл которой и состоял в совместном владении землей при индивидуальном ведении хозяйства каждым двором. Таким образом, действительно не представляется справедливым приравнять права крестьянина в составе подворной общины к правам реального частного собственника земли.

Через 50 лет после передачи земель помещиков в собственность крестьянской общины был сделан еще один шаг в сторону совмещения прав владения и пользования землей. В ходе столыпинской реформы создавались условия выхода крестьян из общины "на отруба" с принадлежащим им земельным участком. Но стал ли "отрубной" крестьянин частным собственником? Во-первых, земельные участки, с которыми выходили крестьянские семьи, были невелики, и реформа не решила проблемы малоземелья, характерной для России начала XX в.

Во-вторых, лишь части новых отрубников и хуторян удалось сделать что-то для улучшения своего земледельческого хозяйства. Основная масса либо разорялась, либо продавала землю и уходила в город, либо включалась в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела (*Ахиезер, 1997. С. 308*),

- 110 -

что подтверждают и данные других исследователей данного вопроса. Наконец, деятельность нового слоя проходила в условиях крестьянского раскола, вызванного столыпинской реформой. Так, за период до 1 сентября 1914 г. только 26,6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск (*Дубровский, 1963. С. 211*). Порой они могли пахать лишь под охраной. Поэтому трудно судить о формировании реальных прав нового слоя "частных собственников" в начале XX в., как ввиду крайней его малочисленности, так и ввиду отсутствия свободных условий деятельности.

Наконец, можем ли мы считать реальными частными земельными собственниками нынешних фермеров и различные сельскохозяйственные объединения, образовавшиеся на базе прежних колхозов и совхозов? Что касается сельхозпредприятий, то выше уже говорилось, что приватизации земли де-факто не произошло, в большинстве случаев она осуществлена лишь де-юре, т.е. "на бумаге". Анализ развития фермерских хозяйств также не подтверждает полномасштабной реализации ими прав частной собственности. Кроме того, класс фермеров достаточно малочислен. С 1994 г. его доля в аграрном производстве России колеблется на уровне 2%, а условия деятельности в решающей мере зависят от поддержки государства (*Калугина, 2002. С. 17*).

Особенностью функционирования квазичастной формы земельной собственности является ее "затухающий" характер. Возникающая в результате проводимых сверху реформ как специфическая и особенная, она со временем по юридическому и реальному статусам сближается с формами верховной условной собственности. Так, в анализируемой монографии отмечается сближение юридического статуса вотчины и поместья в течение XVII в. (*Собственность на землю. С. 21*). Далее, обосновывается неправомочность тезиса о качественном различии обычной и подворной общины; доказывается, что ошибочно трактовать общинное (передельные общины) землевладение и подворное (беспередельные общины) землевладение, являющееся результатом столыпинской реформы, как "докапиталистическое" и "капиталистическое". "Было бы ошибкой утверждать, что подворное землевладение носило чисто капиталистический характер, а общинное было пережиточным, докапиталистическим" (*Там же. С. 154*). Между ними было больше сходства, чем различий. Наконец, известно сближение статусов индивидуально-коллективной (колхозной) и государственной (совхозной) форм земельной собственности.

Таким образом, историческая память России не содержит устойчивых феноменов функционирования частной земельной собственности. Внедряемые формы имели квазичастный характер, и дейст-

вовали они в условиях доминирования верховной условной собственности на землю.

На протяжении всей российской истории продолжается трудный поиск оптимального соотношения двух названных форм собственности, и это третий вывод, который можно сделать из анализа истории российских земельных отношений. В современной рыночной теории - как в мейнстриме, так и в неонституционализме, - вопрос соотношения частных и публичных форм собственности подробно обсуждается, поскольку является важным компонентом экономической жизни западных стран. На языке институциональной теории определение оптимальности такого соотношения можно считать поиском институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, вернее, институциональными формами, в которых они выражают себя на поверхности хозяйственной жизни. Как шел поиск такого оптимума в аграрной (земельной) сфере России?

Экспертно суммируя разные оценки, можно увидеть, что квазичастная (и личная) форма собственности всегда занимала подчиненное положение и была распространена существенно меньше: в разные исторические периоды ее доля не превышала трети всех земель России (Русского государства, Российской империи), используемых в аграрном производстве. Например, какова была доля вотчинных земель в средние века? Соотношение вотчин и поместий постоянно менялось - то превалировала раздача поместий, то раздача вотчин. Но если грубо предположить, что в период их широкого распространения в среднем пропорция поместий и вотчин была примерно одинакова (такое предположение позволяют сделать приводимые на страницах книги данные), то долю вотчин, или квазичастной собственности к середине XVII в. можно оценить на уровне 25-30%.³

За время аграрной реформы 1906-1907 гг., крестьяне, желавшие выйти из общины, не стали преобладающей социальной группой, даже несмотря на активную государственную поддержку. За период до 1 сентября 1914 г. выдвинулось около одной пятой всех крестьян (Ахиезер, 1997. С. 304), причем процесс выделения крестьян из общины носил затухающий характер: "подавляющее число домохозяев (74%) на десятом году реформы, а, точнее, по состоянию на 1 января 1916 г., оставалось в общине... Немало вышедших вновь вернулось в общину" (Холодков, 1995. С. 58).

3. Оценка выполнена на основании данных примерных расчетов Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана (*Собственность на землю*. С. 25); в середине XVII в. духовенству принадлежало 16% земель, дворцовому ведомству - 8, черносошному крестьянству и др. свободному населению, зависимому от системы государственной собственности - 20, боярам и дворянам (владельцам вотчин и поместий) - 56%. Половина этой величины и составляет примерно 25-30%.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ходе реформирования 1990-х годов. Закон РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизация колхозов и совхозов создали в начале 1990-х годов

предпосылки для самостоятельного ведения хозяйства для всех желающих. С каждым годом фермерских хозяйств становилось все больше и больше. Но, начиная с 1994 г., темпы прироста фермерских хозяйств сокращаются. При этом стал нарастать процесс разорения крестьянских хозяйств. Начиная с 1997 г. число хозяйств, прекративших свою деятельность, стало превышать число вновь создаваемых хозяйств (Калугина. С. 15). Если в 1997 г. число фермерских хозяйств по сравнению с предыдущим годом сократилось на 1,5 тыс., то в 1998 - на 4,3 тыс., в 1999 - на 4,1 тыс., а в 2000 г. - уже на 9,1 тыс. (Россия в цифрах. С. 203). Поскольку причины этого явления многообразны, мы фиксируем внимание читателя лишь на количественном результате, совпадающем в тенденции с предыдущими аграрными реформами.

Всплеск роста квазичастной собственности приходится, как правило, на периоды так называемых либеральных реформ. Они, в свою очередь, следуют после кризисов, в периоды которых доля квазичастных форм ничтожна. По завершении кризиса или по истечении срока активной реформаторской деятельности доля земли в квазичастной собственности снова уменьшается. И если она уменьшается до такой степени, что условная верховная собственность начинает тотально доминировать, страна вновь приходит к аграрному кризису. Поэтому таким важным является определение пропорций, в которых должны быть представлены и та, и другая равно необходимые формы собственности.

Устойчивость и выбор конкретных социально-экономических форм, в которых реализуются отношения земельной собственности в России, обуславливаются, в конечном счете, не политической волей властей (как хотелось бы сторонникам кардинальных преобразований) или спецификой менталитета и культурных образцов (как утверждают сторонники консервативного хода вещей). В каждый момент истории проведение земельной политики представляет собой последовательно формирующийся труднейший компромисс между различными группами интересов акторов (как сказали бы социологи), действующих в аграрной сфере. Историки дают нам глубокий социологический анализ умонастроений и предпочтений различных социальных групп, выражающих их интересы в отношении земельной собственности - правительства, помещиков, дворян, "земельных аристократов", представителей крестьянства, различных партий. Тем самым снимается исторический налет многочисленных мифологем, социальных штампов и на основе разнообразных исторических источников - от царских рескриптов до эпистоляристики - восстанавливается суть имевших место споров в соотнесении их с ре-

альной социальной практикой. Становится ясно, что та или иная организационная форма, меняющаяся во времени, но следующая в русле исторической эволюции, является оптимальным решением вопросов выживания государства как целого или всей совокупности аграрного населения, составляющего остов его социальной структуры. Другими словами, устойчивость экономического выбора диктуется целесообразностью, или, говоря современным языком институционалистов, следует закону экономии трансакционных издержек.

Экономические отношения формируются в тесной и непосредственной связи с условиями ведения сельскохозяйственного производства, территориальными различиями в климате, плодородии почвы, системах земледелия и т.д.

Показательны в этом плане история и устройство крестьянской общины. Ограничимся здесь лишь рассуждениями экономического характера, не анализируя роль общины в социальной и административно-поселенческой структуре российского государства. Во-первых, община являлась элементом экономического механизма, обеспечивающего непрерывность аграрного производства в условиях рискованного земледелия, характерного для большей части страны. Во-вторых, община обеспечивала выживание каждого отдельного крестьянина. Так, система полос, часто плохо понимаемая, по сути, служила страховым условием получения определенного количества урожая каждой крестьянской семьей. В условиях нестабильного климата чересполосица нивелировала влияние месторасположения участка и ограждала крестьянские хозяйства от разорения. "Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый - на взгорках" (*Собственность на землю*. С. 159). Так что семья оставалась с хлебом и могла нести тягло по выплате податей, идущих на общегосударственные расходы. В-третьих, имела свои основания и система переделов, периодически запрещаемых центральным правительством, особенно во времена столыпинских реформ. Их целью являлось приведение во взаимное соответствие наличных сил крестьянских семей и того объема сельскохозяйственного труда, который был нужен общине для выполнения своей экономической роли в масштабах государства. Рост или уменьшение семей имели следствием соответствующее изменение площади обрабатываемых участков. В-четвертых, в условиях общины суммарные издержки на освоение новых технологий были существенно меньше. Так, переход от традиционного трехполья к более совершенным севооборотам для подворной деревни был более труден, чем для общинной (*Там же*. С. 155). Со временем, как отмечают исследователи, задача совместного выживания членов общины заменялась задачей поддержания исправных хозяйств и воспроизводства рабочей силы,

- 114 -

а затем - и задачей повышения доходности совместно используемых земель (*Там же*. С. 176).

Ретроспективный анализ земельных отношений иллюстрирует инновационные представления современной отечественной и мировой экономической мысли о роли естественного отбора в соревновании различных форм собственности, "при котором различные группы населения - номинальные или титульные, собственники, управляющий персонал, работники, арендаторы - обладают теми или иными полномочиями по владению, распоряжению и использованию собственности" (*Абалкин*, 2003. С. 739). Каждый раз в истории доминируют те институциональные формы, которые соответствуют базовому институту экономической системы. В России таким формами являются те, в которых выражает себя присущий X-экономике базовый институт условной верховной собственности.

5.3. Резюме

Возвратимся к эпиграфу этой главы. Выбирая между выражениями "Разделяй и властвуй!" и "Наша сила в единстве", отметим, что справедливость любой максимы имеет относительный характер. В X-экономиках, сформировавшихся в условиях коммунальной материально-технологической среды, объединение необходимо. Институт условной верховной собственности в такой среде - исторически, порой мучительно, формировавшаяся - как это видно на примере земельных отношений в России, - социальная технология выживания и развития. Она имеет стеновой характер, несмотря на известные истории уродливые проявления связанных с ее функционированием издержек. В свою очередь, для некоммунальной среды западных стран органичным является доминирование института частной собственности - основного в системе базовых институтов Y-экономик. Обособленная, разделенная собственность, при которой действуют сопутствующие ей институты конкуренции, прибыли и т.д., - исторически найденная обществом необходимая структура организации хозяйственной жизни. И несмотря на не менее известные проблемы, связанные с функционированием такого рода экономических систем, доминирование частной собственности более соответствует целям общественного развития, чем иные формы организации экономической жизни. Значит, именно разделение как основное содержание собственности здесь необходимо.

Формирование институтов собственности имеет естественно-исторический характер. Условиями выбора тех или иных форм является, в конечном счете, реализация принципа экономической эффе-

- 115 -

тивности. Чем эффективнее - по критерию снижения издержек и повышения результатов - будет санкционированная обществом структура прав собственности, тем более высока вероятность ее закрепления. И хотя в пределах каждой экономической системы можно выделить основную, присущую именно ей форму собственности, это не только не исключает, но необходимо предполагает существование ряда других форм.

ОБМЕН И РЕДИСТРИБУЦИЯ

Это - как езда в автомобиле или на поезде. Автомобильный транспорт - единые правила, но каждый ездит самостоятельно, а в поездах - все вместе по рельсам и по расписанию. И то, и другое люди придумали для себя сами.

М.О. Протопопов

X-экономики мы, вслед за К. Поланьи, называем также редиистрибутивными, поскольку редиистрибуция представляет собой основное отношение, на основе которого осуществляется связь элементов данной хозяйственной системы и, соответственно, ее воспроизводство. Такую же роль играет институт обмена в рыночных Y-экономиках. По существу рынок представляет собой "организованную и институционализированную систему обмена" (Hodgson, 1998. P. 174), и рыночные экономики порой называют обменными экономиками.

В этой главе для характеристики обмена и редиистрибуции мы предлагаем иной чем в предыдущих способ изложения. Здесь будет представлен не последовательный, а сопоставительный анализ сравниваемых институтов. Такой путь мы выбрали по ряду соображений. Сравнительное представление двух институтов не может не ориентироваться на выявление их отличий, присущих им особенностей, а именно это мы хотим подчеркнуть. С другой стороны, сама процедура сопоставления предполагает наличие некоторой общей шкалы, мерила, на основе которого возможно само сопоставление. Это означает, что мы должны опираться на набор единых исходных представлений, формирующих основу сравнения. Ибо очевидно, что акт сравнения имеет смысл лишь для тех объектов и отношений, "между которыми есть хоть какое-нибудь сходство" (Юм, 1965).

С. 103). И это также важно для нас, поскольку и редиистрибуция, и обмен выполняют в разных типах экономик одну и ту же функцию. Их задачей является поддержание постоянной воспроизводящейся связи между экономическими агентами таким образом, чтобы общество получало из природного окружения необходимые ресурсы и обеспечивало своих членов необходимыми для существования и развития благами.

6.1. Сопоставительный анализ институтов обмена и редиистрибуции

Институты собственности, с одной стороны, и институты редиистрибуции и обмена, с другой стороны, являются двумя сторонами одной медали и, как никакие другие, тесно увязаны между собой. Действительно, институт собственности задает распределение объектов и прав между участниками хозяйственной деятельности и определяет тем самым возможный порядок доступа (и ограничений этого доступа) к экономическим ресурсам и благам. В свою очередь, редиистрибуция и обмен представляют собой способы, которыми

данная структура распределения благ поддерживается, т.е. способы взаимодействия участников хозяйственной деятельности между собой.

Согласно теории институциональных матриц, тип отношений собственности определяется характером материально-технологической среды, соответственно, он является определяющим и в процессе становления экономических отношений либо обменного, либо редистрибутивного типа. Как уже отмечалось, в отличие от предпосылок методологического индивидуализма и вытекающих из него предположений о роли человеческой рациональности в формировании определенного типа экономических отношений, мы исходим из материальных оснований хозяйственной жизни как основного фактора становления институтов. В этом зримо просматривается отличие нашей методологии социологического институционализма (корни которого в истории НЭСШ), от методологии неоинституционализма.

Применительно к анализу отношений обмена, свойственных Y-экономикам, справедливо ровно то, что мы говорили в предыдущей главе, в параграфе 5.1, по поводу исследованности института частной собственности. Суть экономических отношений обмена между двумя обособленными субъектами (частными собственниками), каждый из которых получает свою прибыль в результате такого рода сделки, или трансакции, а также формы обмена, их структура, реализация в контрактах и т.д., давно описаны и детально изучены. Обмены имеют горизонтальную по преимуществу природу. В усло-

- 117-

виях обособленной частной собственности есть лишь одна добровольная согласительная форма доступа к непринадлежащим субъекту благам - обмен. Он обеспечивает простое и расширенное воспроизводство рыночных Y-экономик.

В редистрибутивных X-экономиках, когда собственность не является обособленной, а распределена между участниками хозяйственной деятельности на условиях, определяемых верховным уровнем управления, т.е. собственность имеет "вложенный" характер, являясь явно или неявно лишь частью единой собственности, отношения обмена в том виде, как они действуют в Y-экономиках, невозможны. Взаимодействия в рамках такой общей распределенной собственности осуществляются на основе редистрибуции.

В чем отличие редистрибуции от обмена? Редистрибуция означает преимущественно вертикальное движение материальных ценностей и услуг (но главное - соответствующих прав) в рамках единой собственности. Здесь объективно требуется согласование хозяйственных трансакций не только между двумя совершающих их субъектами, но и между другими участниками хозяйственной жизни, которых прямо или косвенно могут затронуть действия двух выше-обозначенных субъектов. Закон экономии трансакционных издержек приводит к тому, что вся совокупность необходимых согласований сосредоточивается в одном органе, который начинает выполнять функции Центра. Другими словами, если в ходе определенной трансакции потенциально могут быть затронуты интересы (права, ресурсы, условия деятельности) других хозяйствующих субъектов, то вместо того, чтобы обходить их всех для получения согласований, или согласия на проведение трансакции, участники экономики обращаются в вышестоящий Центр, где аккумулируется в основном необходимая информация.

Поэтому, в отличие от обмена, предполагающего две стороны хозяйственного процесса, что и выражается соответствующей парой категорий "купля-продажа", схема редистрибуции включает в себя три стороны: пару хозяйствующих субъектов и опосредующего их отношения Центра. Такая

модель отношений содержится в вышеприведенной формуле "storage-cum-redistribution" (Polanyi, 1977. P. 40-41), обозначающей непрерывный процесс сбора, аккумуляции (storage, collection) производимых отдельными хозяйствующими субъектами в рамках распределенной общей собственности продуктов, совмещаемый посредством Центра с направлением ресурсов и вновь производимой продукции в производство и потребление (distribution, redistribution). Иными словами, в рамках редистрибуции выделяются три описывающие ее категории - "аккумуляция-согласование-распределение". Соответствующие данным категориям операции касаются не только ресурсов (благ, услуг, продуктов), но и

- 118 -

соотносимым с ними правовых норм (учета, контроля и т.д.), поскольку в отношении них должно быть обеспечено единообразие практик и норм взаимодействий.

Аналогично тому, как отношения обмена, рассматриваемые с точки зрения институционального подхода, неразложимы на фазы купли и продажи, а содержатся одна в другой, необходимо предполагают одна другую, так и отношения редистрибуции невозможно, без потери их институционального содержания, расчленить на отдельные фазы. На наш взгляд, отдельное изучение процессов купли или продажи, как и изучение отдельных фаз процесса редистрибуции, может быть конструктивно при решении других исследовательских задач, например, при анализе специализированных субъектов, осуществляющих эту деятельность. Более того, оно может быть чрезвычайно плодотворно с прикладной точки зрения. Примером этого является развитие науки о маркетинге, выделяющей продажи как основной объект изучения. Если же мы говорим не о социальных субъектах, но о базовых институтах как о системообразующих основаниях того или иного типа общества, то в качестве объекта выступает обезличенное отношение, функционально необходимое и целостное, интегрирующее деятельность разнообразных социальных субъектов в масштабе общества. Поэтому редистрибуция как базовый институт нерасчленима на те или иные фазы, она есть единый непрерывный процесс отношений типа "аккумуляция-согласование-распределение".

Схематически и очень условно различие между обменом и редистрибуцией отражено на рис. 6

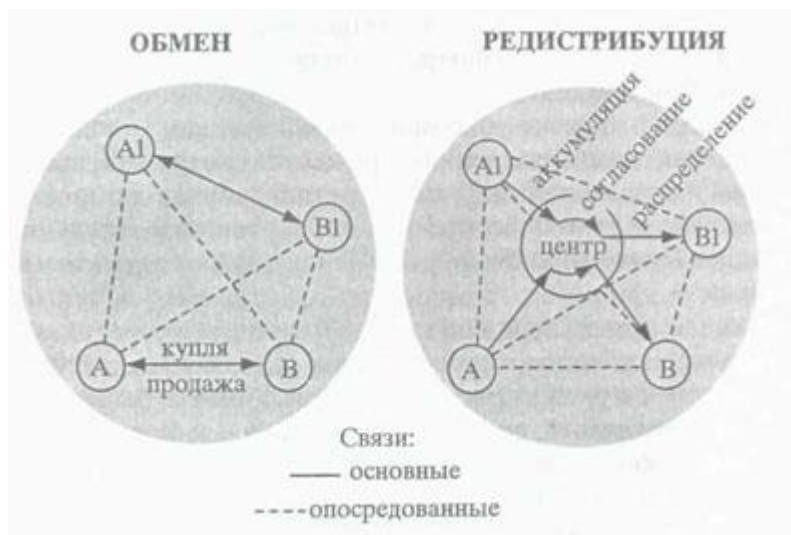

Рис. 6. Схема отношений между хозяйствующими субъектами

На первый взгляд отношения, возникающие между двумя хозяйствующими субъектами в рыночных и в редистрибутивных экономиках, идентичны - и в том, и в другом случаях на поверхности явлений мы наблюдаем передачу ресурсов или произведенной продукции от условного субъекта А к условному субъекту В и, соответственно, обратное получение денежной или материальной компенсации за потерю переданных ценностей или оказанные услуги. Но институциональные механизмы этого видимого процесса различны, что и отражено на схеме.

В Y-экономике процесс горизонтального взаимодействия в формах купли и продажи выступает основным, главным, что и показано жирной стрелкой, соединяющей субъектов А, А1 и В, В1 в модели обмена. Пунктирные стрелки обозначают опосредованные связи рассматриваемых субъектов с другими участниками рынка. Эти связи выражаются в том, что условия сделок между конкретными участниками определяются складывающейся рыночной конъюнктурой, т.е. уровнем цен, издержек, наличием аналогичных и альтернативных товаров и др.

В X-экономике процесс взаимодействия между субъектами А, А1 и В, В1 является результатом согласований, осуществляемых на уровне Центра и обусловленных процессами аккумуляции и распределения ценностей и услуг. Поэтому последние обозначены жирными стрелками, подчеркивающими главное содержание отношений редистрибуции, а непосредственные контакты между хозяйствующими субъектами - пунктирными стрелками, акцентирующими внимание на вторичности, обусловленности этих отношений.

В качестве примера, иллюстрирующего такой тип отношений, можно привести действие "энергетического рынка" в современной России. На уровне федерального Центра для обеспечения этой деятельности создан ФОРЭМ (Федеральный оптовый рынок энергетических мощностей). Его задачей являются аккумуляция (не в физическом, конечно, смысле, а в информационном) объемов энергии, производимой АЭС, теплостанциями, ГЭС и другими генерирующими предприятиями, а также суммирование потребности в энергии у различных потребителей (регионов, предприятий, населения и т.д.). На основе согласования этих объемов специальными комиссиями федерального, а затем и региональных уровней (федеральная и региональные энергетические комиссии) определяется структура тарифов на электроэнергию и тепло, включающая цены на те или иные виды энергии, дифференцированные для разных групп производителей и потребителей. Итогом согласительных процедур является распределение энергии, т. е. определение взаимосвязанных цепочек производителей и потребителей, и фиксирование объемов распределяемой энергии. Другими словами, на основе цикла редистрибуции формируется множество подходящих пар субъектов: А, А1... и В,

В1,... - в данном случае поставщиков и потребителей энергии, взаимодействующих на основе пред .

Рис. 7. Различие иерархических связей в X- и Y-экономике

Y-экономика

X-экономика

писанных в ходе согласования правил, но по сути обеспечивающих аккумуляцию энергии и потребление распределенной энергии в рамках общего так называемого "энергетического рынка".

Наиболее ярко отношения редистрибуции проявляются в рамках единого предприятия. Например, цехи и службы на заводе вступают в определенные отношения не на основе выбора себе того или иного партнера, а на основании обусловленного процессом согласования на уровне завода в целом механизма редистрибуции. В соответствии с этим предусмотрены объемы получаемых от них и поставляемых им продуктов и услуг (аккумуляция и распределение), а также правила осуществления этих транзакций. Поскольку в редистрибутивных экономиках согласование экономических интересов осуществляется через Центр, такие экономики часто называют централизованными. Кроме того, поскольку Центр выступает как высшая инстанция, опосредующая движение ценностей в X-экономиках, такие экономики называют также вертикальными, или иерархическими, структурами. Преимущество использования в теории институциональных матриц термина "редистрибутивные экономики" по сравнению с вышеперечисленными, состоит в том, что оно акцентирует внимание на основном отношении, обеспечивающем интеграцию подобного рода экономических систем, а не на организациях, его воплощающих. Одной из заслуг К. Маркса было то, что он обособил в теоретической абстракции капитал как социальное отношение, путем которого воспроизводится основанная на частной собственности экономическая система, и отделил его от фигуры капиталиста. Так и редистрибуцию следует понимать не как направляемый волей человека или группой людей процесс, но как "невидимую руку", объективный закон, регулирующий воспроизводство экономик, основанных на общей собственности.

Поскольку хозяйственные взаимодействия в X-экономиках предполагают не две, а три необходимые стороны, они, во-первых, имеют более протяженный во времени характер, и, во-вторых, более сложную структуру, не всегда различимую даже в ходе специального анализа. Поэтому экономические отношения такого рода труднее обособить от политических. Зачастую сложно объективно оценить необходимую роль Центра и системно определить нейтральные категории для анализа хозяйственных отношений X-экономик.

Итак, в процессе редистрибуции обеспечивается доступ хозяйствующих субъектов к единой собственности, отражающей свойства коммунальной материально-технологической среды, и устанавливаются правила ее использования, т. е. задаются параметры распреде-

- 121 -

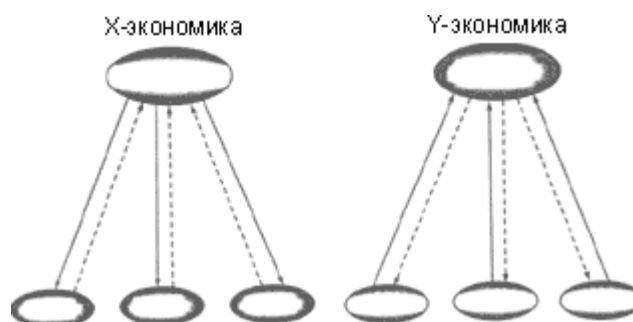

Рис. 7. Различие иерархических связей в X- и Y- экономиках

ления и аккумуляции необходимых ресурсов и производимых ценностей. Как и любой другой институт, редистрибуция предусматривает санкции за

неэффективное выполнение той функции, на которую она нацелена. Если имеющаяся в распоряжении хозяйствующего субъекта собственность используется недостаточно эффективно, не по назначению или если при ее использовании возникает ущерб общественным интересам, действуют механизмы изъятия, возвращения собственности в "общий котел" или передачи другим, более эффективным хозяйствующим субъектам. В ходе редистрибуции регулируется процесс формирования общественного богатства, включающий в себя передачу хозяйствующими субъектами произведенных ими при использовании общественной собственности продукции и услуг соответствующим потребителям, а также выработку правил и пропорций распределения создаваемого продукта между производителем и обществом.

Преыдущая схема (рис. 6) дает "плоскостной срез" взаимодействий в X- и Y-экономиках. Но, как известно, во всех экономиках действуют вертикальные связи, поэтому и рынки, и редистрибуции устроены иерархически. Каковы же различия в "архитектуре" этих экономических систем? Для иллюстрации вновь воспользуемся схемой (рис. 7). С целью упрощения и большего понимания представлены двухуровневые иерархии - с несколькими элементами на нижнем уровне и одним - на верхнем уровне. Это - частный случай и, одновременно, модельный кирпичик реальной системы экономических связей, которая в действительности многоиерархична и полицентрична.

На наш взгляд, основные отличия состоят, во-первых, в преобладающей направленности сигналов между уровнями иерархии,

- 122 -

и, во-вторых, в роли верхнего уровня иерархии экономической структуры.

Рассмотрим первое отличие. В X-экономиках основное регулирующее воздействие имеют сигналы сверху вниз, что показано на схеме жирными стрелками. Сигналы от нижних уровней к верхнему (пунктирные стрелки) имеют важный, но вспомогательный, характер. Например, сигналы снизу вверх служат информацией для принятия решений, представляют собой своеобразные запросы, удовлетворение которых, как и окончательное решение, сосредоточивается на верхнем уровне. Вернемся к нашему примеру с ФОРЭМ (Федеральным оптовым рынком энергетических мощностей). Участники рынка - производители и потребители тепло- и электроэнергетики - передают в федеральную и региональные энергетические комиссии соответствующие данные. Производители предоставляют информацию о возможных объемах производства и своих затратах, которые должны быть покрыты, что требует соответствующего уровня цены (тарифа). Потребители передают запросы на необходимый объем энергии, и в комиссии согласовываются цены, которые потребитель может заплатить. В результате таких согласований верхним уровнем иерархии, которым являются энергетические комиссии, ежегодно устанавливаются основные параметры на энергетическом рынке (цены и объемы распределяемой продукции). В данном случае наиболее ярко проявляется конечная функция согласований, а именно - сохранение и обеспечение воспроизводства полноценной коммунальной инфраструктуры, которая является условием выживания и развития всего общества.

Обратная ситуация в Y-экономиках. Здесь доминирующее, основное значение имеют сигналы и информация, поступающие с нижних уровней к верхнему. Жирные стрелки подчеркивают основной характер данной информации. Воздействие сверху имеет корректирующее значение, что показано пунктирными стрелками. Действительно, в похожей ситуации торгов на биржах, характерных для Y-экономик, цены согласовываются на основе прямого сопоставления поступающих снизу сигналов от участников рынка.

Биржа, являющаяся иерархическим центром, лишь "оформляет" складывающееся рыночное равновесие, поскольку нет необходимости согласования возможных решений действующих обособленно, на свой страх и риск, хозяйствующих субъектов.

Второе различие редиистрибутивных и рыночных иерархий заключается в особенностях верхних уровней иерархических структур. Для X-экономик верхний уровень - это регулирующий орган, в котором согласовываются и соотносятся параметры хозяйственной деятельности экономических субъектов. Соответственно, на этом уровне определяются границы (задания, пределы, лимиты, возможности, объемы и т.п.), в которые должны вписаться (или кото-

- 123 -

рых должны достичь) элементы нижнего уровня, чтобы вся экономическая система функционировала без сбоев. Эти границы, определенные численно, качественно, законодательно и т.д., поступающие с верхнего уровня, являются основными ориентирами для нижнего уровня. Кроме того, верхний уровень осуществляет контроль исполнения сигнала (соответствия заданным ограничениям) и применяет санкции в случае отклонений.

Для Y-экономик задача верхнего уровня состоит в обеспечении условий, при которых каждый из участников рынка может достигать своих целей с наименьшим ущербом для экономической системы в целом. Он задает некоторые параметры, общее поле деятельности всех, а не конкретных участников рынка, и не осуществляет контроль за тем, как и в какой мере участники рынка эти параметры используют в своей деятельности. Соответственно, у верхнего уровня иерархии в Y-экономике отсутствует функция санкций. Они оказываются смещенными на уровень хозяйствующего субъекта, который может как получить прибыль, так и обанкротиться в результате принимаемых им на основе общих правил экономических решений.

Развиваемый нами социологический институционализм, в основе которого лежит целостное представление об обществе, позволяет тем не менее аналитически развести и обособить его взаимосвязанные и в то же время поддающиеся раздельному анализу экономические, политические и идеологические компоненты. Специфика редиистрибутивных и рыночных иерархий может быть наглядно продемонстрирована при сопоставлении отношений редиистрибуции и обмена с симметричными им базовыми политическими институтами обществ с X- и Y-матрицами. Экономическому институту редиистрибуции в политической сфере соответствует институт властной управленческой вертикали во главе с политическим Центром, а институту рынка - политический институт самоуправления и субсидиарности.

Действующий в политической X-матрице институт властной вертикали является альтернативным действующему в политической Y-матрице институту самоуправления и субсидиарности. Как известно, принцип субсидиарности, характерный для федеративных отношений, обосновывает приоритет (при прочих равных условиях) прав более мелкой (низкой) общности по сравнению с общностью более крупной (более высокого уровня). В соответствии с ним полномочия по реализации каких-либо компетенций передаются самоуправляющимся структурами на более высокий уровень лишь в том случае, если они сами не имеют возможности для их реализации (*Федерализм*, 1997. С. 233). Соответственно, снизу вверх передаются и необходимые для реализации этих функций ресурсы.

- 124 -

При наличии же властной иерархической вертикали, напротив, органы управления низших уровней входят в систему исполнительной власти органов высшего уровня, подчиняются им и пользуются их средствами для своей деятельности. Институт властной вертикали определяет особый порядок делегирования полномочий между органами государственной власти. Такое делегирование, как правило, основывается не на соглашении между сторонами, т.е. уровнями управления, а на законе, принятом Центром - верхним уровнем управления (*Там же*. С. 69). При этом условием передачи отдельных государственных полномочий органам местного управления является их обеспечение необходимыми материальными и финансовыми ресурсами, а реализация переданных полномочий подконтрольна вышестоящему уровню политической иерархии.

Особенностью иерархической структуры власти в X-матрицах, по сравнению с субсидиарными, хотя и иерархическими структурами управления в Y-матрицах, является потенциальное наличие прямой связи каждого из уровней управления с Центром. Другими словами, возможно обращение с верхнего уровня управленческой иерархии, минуя соседний, на нижележащий. История предоставляет этому многочисленные свидетельства¹. Возможность "сквозной прошивки" иерархической вертикали управленческими сигналами служит повышению надежности такой системы управления и позволяет реагировать на меняющиеся условия хозяйственной и политической жизни страны. В субсидиарных иерархических структурах отношения между уровнями иерархии характеризуются субординацией и одновременно невмешательством уровней управления в деятельность друг друга. "Обход" уровней управления (как снизу вверх, так и сверху вниз) не предусматриваются.

Экономические институты исторически развиваются. Они модернизируют свойственные им институциональные формы в сторону большей цивилизованности этих отношений, сутью которой являются их легитимация, более свободный характер и учет интересов всех участвующих в этих процессах экономических субъектов. Познавание сущности этих отношений, чему в немалой степени может способствовать (и способствует) наука, играет в этом развитии весьма важную роль.

1. Посмотрим, как это было, например, в российской истории. Так, в петровское время практиковались обращения Коллегий в городские магистраты, минуя Главного магистрата (непосредственно являвшийся верхним звеном управления для городских магистратов (*Градовский*, 1874. С. 27). Позже правительство, когда ему это было нужно, обращалось с теми или иными поручениями или вопросами помимо губернатора, напрямую к второстепенным правителям (*Мрочек-Дроздовский*, 1876. С. 66). Такой специфический характер управленческой иерархии выражался также в существовании должности комиссаров (полномочных представителей и т.п.) на протяжении всех периодов исторического развития России.

Базовые институты редиистрибуции и обмена, доминируя в X- и Y-экономиках, взаимодействуют с необходимыми альтернативными институтами. Институциональное равновесие невозможно, если рыночная экономическая среда не содержит в себе редиистрибутивных институциональных форм, и практика хозяйственной жизни США и европейских стран это подтверждает. В свою очередь, редиистрибутивные экономики наиболее успешны, если в ткань экономической жизни, не меняя ее природы, включаются обменные отношения. Взаимно поддерживая, но не уничтожая друга, сочетающиеся в нужной пропорции редиистрибуция и обмен обеспечивают полноценное институциональное пространство в экономических системах.

6.2. Резюме

Редистрибуция и обмен - базовые институты, определяющие специфику взаимодействия хозяйствующих субъектов в X- и Y-экономиках. Обыденный взгляд на экономические отношения отмечает, кажется, одно и то же: одни отдают то, что имеют - труд, ресурсы, продукты, - для того, чтобы получить то, что им нужно, а другие это приобретают, отдавая то, что нужно их контрагентам. Но, как говорил Платон, наука - это движение от действительности видимой к действительности умопостигаемой (Платон, 1971). Экономическая теория X- и Y-экономик позволяет увидеть за этими повторяющимися действиями "невидимую руку", закон, который ими управляет. В X-экономиках таким законом, базовым институтом является редистрибуция. Она представляет собой процесс, включающий одновременно три обуславливающих друг друга фазы - "аккумуляцию-согласование-распределение". Соответственно, редистрибуция подразумевает три участвующих стороны, без которых этот процесс не может быть осуществлен - двух хозяйствующих субъектов, связанных принадлежностью к условной верховной собственности, и опосредующий их отношения Центр. Централизация управления и согласование транзакций - объективно обусловленный процесс, в основе которого лежит коммунальный характер материально-технологической среды.

В Y-экономиках базовым институтом, определяющим порядок взаимодействия участников экономической жизни, является обмен. Обмен - это встречный процесс "купли-продажи" между двумя независимыми хозяйствующими субъектами, действующими в условиях частной собственности.

По мере развития хозяйственных систем развиваются институциональные формы, в которых реализуются редистрибуция и обмен. С усложнением технологии и организации производства эти

- 126 -

формы становятся более многообразными и изощренными с тем, чтобы в должной мере обслуживать запросы практики. Одновременно они взаимодействуют друг с другом и друг друга поддерживают. Иными словами, в X-экономиках существует объективная ниша для действия комплементарных форм обмена. В Y-экономиках неотъемлемым встроенным элементом являются институциональные формы редистрибутивного типа.

Глава 7
КОНКУРЕНЦИЯ *VERSUS* КООРДИНАЦИЯ
И ПРИБЫЛЬ *VERSUS*
ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ

*Война и мир, борьба и сосуществование
- без взаимодействия этих движущих
сил нет развития жизни на земле.*

Ч. Дарвин

Анализ конкуренции и прибыли в Y-экономиках (равно и как анализ координации и пропорциональности в X-экономиках) с позиций социологического институционализма отличается от того, как эти основополагающие рыночные отношения описаны в классических учебниках по еconomics. В них при определении рыночной конкуренции, точнее, совершенной конкуренции, выделяются такие основные характеристики, как а) множество независимых продавцов и покупателей, б) относительная однородность предлагаемой продукции, в) свободный вход на рынок и выход из него (Мэнкью, 2002. С. 189-190). Конкуренция представляет собой условие достижения рыночного равновесия между спросом и предложением, а также установления цен на товары. Мотивом конкурирующих участников является прибыль. Особенностью рассмотрения конкуренции и прибыли в еconomics служит то, что они выступают факторами формирования конкретных материально-вещественных (денежных) параметров хозяйственной деятельности. Рядоположенными с ними в аналитическом ряду выступают поэтому категории спроса и предложения, издержек, цены, рыночного равновесия, эффективности и т.д.

Институциональный анализ, который мы проводим, концентрирует внимание на иных моментах. Во-первых, выявляется взаимосвязь тех или иных институтов с функционированием всей экономической подсистемы общества. Исследуемые институты представля-

ются как элементы системы. Их роль не может быть осуществлена и понята вне нее. При таком подходе подчеркивается, что невозможно "взять" один, пусть и очень "привлекательный" институт, и изучить его вне той хозяйственной системы, где он действует и в которую функционально исторически встроен. Во-вторых, нами не принимаются во внимание поведенческие характеристики и весь комплекс отношений, вытекающий из принципов методологического индивидуализма - рациональный индивид, максимизация индивидуального выигрыша и т.п. С точки зрения социологического институционализма, в социальных взаимодействиях выделяется та их сторона, которая воспроизводится независимо от особенностей поведения участвующих в этих отношениях индивидов, та их внутренняя сила, которая действует как закон, постоянно и устойчиво сохраняя свое значение и содержание. Наличие этого закона определяется и внешними материальными условиями, и местом рассматриваемого экономического института в хозяйственной жизни общества.

**7.1. Конкуренция и координация -
два основных способа взаимодействия
хозяйствующих субъектов**

Законы развития социальных общностей порой близки законам выживания сообществ животных. Такими универсальными законами являются *конкуренция* и *координация* живых существ в отношении использования ресурсов, обеспечивающих их жизнедеятельность. В результате конкуренции ресурсы достаются сильнейшим. Это способствует такому распределению жизненных благ, чтобы сообщество развивалось силами наиболее приспособляющихся к жизни особей. Координация, в свою очередь, - средство соединения усилий для противостояния внешней среде или другим угрозам. Координация умножает влияние и мощь сообществ, увеличивает объем совместно потребляемых ресурсов, что также является фактором развития сообщества. Спор о том, что первично, или что важнее из них - конкуренция или координация, - это спор о курице и яйце. В разные периоды жизнедеятельности или на разных фазах истории значение названных факторов как для отдельной особи, так и для сообщества животных в целом может меняться.

В обществах и их экономических подсистемах, участниками которых являются люди, также действуют и конкуренция, и координация. Но почему же в одних типах обществ и экономических систем доминируют одни отношения, а в других - другие? Почему для X-экономик базовым институтом является координация, а конкуренция представляет собой лишь дополнительный, комплементарный атрибут? И наоборот: почему в Y-экономиках конкуренция слу-

- 128 -

жит основным, а координация, без которой также невозможна социальная жизнь, - дополнительным инструментом? Люди, вообще говоря, везде одинаковы, как это доказывают непредвзятые антропологические теории, почему же в разных обществах их поведение следует разным экономическим законам?

Карл Маркс писал: "для того, чтобы понять логику, следуй истории". История возникновения устойчивых социальных сообществ и присущих им экономических отношений начинается с освоения окружающей среды.

Как это было вначале? В случае, когда с небольшого участка, живя на нем долгие годы, можно было получать, например, устойчивые урожаи, а продукта хватало не только для внутренних нужд, но и для обмена с другими хозяйствами, возникала заинтересованность в доступе к такому участку и закреплению его за собой. Поскольку экономика, по определению, это деятельность по привлечению и использованию ограниченных ресурсов, то число таких участков всегда не бесконечно. По крайней мере, лучших всегда меньше, и за обладание ими возникает конкуренция.

Как иллюстрация этого положения на память приходит поездка по южным районам Франции. Глядя на ее пышные холмы и цветущие долины, понимаешь, почему на этой земле так часты были войны. Шла постоянная борьба за многочисленные плодородные участки - холмы и возвышенности хороши для виноградников, а чуть дальше, в долине, можно заниматься разведением скота и производить сыр, далее можно выращивать хлеб, вдоль реки возделывать сады и огороды и т.д. Разнообразие компактных ландшафтов, которое является одним из условий формирования некоммунальной среды (см.: *Кирдина*, 2001. С. 83-84), в ходе этой поездки проявилось как на ладони.

В такой некоммунальной среде конкуренция представляет собой институт, в котором закрепляется право соперничества наиболее приспособленных получать в свое распоряжение лучшие производственные ресурсы. И дело здесь не в природе человека. Объективными основаниями появления и устойчивости конкуренции в хозяйственной жизни служат, во-первых,

возможность обособления и закрепления за конкретными субъектами в постоянное или обозримо долгое пользование части ресурсной материально-технологической среды. Во-вторых, эффективность использования ресурса должна быть достаточной для индивидуального воспроизводства владеющего им социального субъекта. Иначе нет смысла в конкурентной борьбе добиваться собственности на то или иное благо. Это означает, что конкуренция институционализируется не автоматически, но если представлены условия, содействующие ее устойчивости; если эти условия таковы, что именно подобным конкурентным способом в масштабах общества возможно и целесообразно распределять ограниченные ресурсы.

- 129 -

Выше мы говорили о том, что при анализе институтов материальные и технологические условия, определяющие их специфику, зачастую не принимаются во внимание в должной мере. Аналогично высказывается Норт, когда говорит о том, что реально встроить технологию в ту или иную, более общую экономическую теорию, никому, за исключением К. Маркса, пока не удавалось (Норт, 1997а. С. 168). До сих пор материально-технологические условия остаются по сути за рамками формального корпуса теорий, в том числе институциональных. Мы пытаемся восполнить этот пробел. Именно поэтому при анализе базовых институтов X- и Y-экономик мы постоянно обращаемся к тем материально-технологическим факторам, которые сыграли и продолжают играть определяющую, на наш взгляд, роль в характере институтов. Наша задача - прозрачно и несомненно, буквально "на пальцах", показать эту связь, которая зачастую скрыта от исследователей или не принимается ими во внимание.

Складывающиеся в условиях частной собственности обменные отношения также предполагают наличие конкуренции. Осуществление обмена, или процессов купли-продажи, означает, что участники нашли друг друга для совершения интересующей друг друга транзакции, которая обоим должна принести прибыль. Выше мы описали, как формируется институт конкуренции в ходе поиска естественных средств производства; точно также конкуренция действует при поиске средств воспроизводства уже не в их природной, но денежной или продуктовой форме, т.е. средств, произведенных человеком. Блага выступают объектом конкуренции, а обмен - средством их получения. Поскольку в условиях частной собственности блага принадлежат обособленным владельцам, доступ к ним на основе конкуренции возможен лишь через обмен, когда владельцу блага предлагается то, что его интересует. Иными словами, конкуренция, сначала проявившая себя в производственных отношениях с естественной средой, переходит в сферу хозяйственных связей по поводу произведенных на объектах частной собственности продуктов. Конкуренция становится в Y-экономике доминирующим отношением, на основе которого поддерживается и воспроизводится структура экономической системы такого рода, осуществляется распределение собственности и благ.

X-экономики - это характеристика обществ, развивающихся преимущественно в коммунальной среде. Исторически коммунальная материально-технологическая среда развивается (подробнее см. Кирдина, 2001. С. 83-84) на основе таких территориальных условий, где высоки хозяйственные риски, то есть условия ведения хозяйства недостаточно благоприятны. Это пустыни, суровый климат, резкие колебания температур, подверженность цунами и наводнениям, засухам и т.д. Другим фактором может выступить неоптималь-

ность однородности хозяйственного ландшафта государства. В одном случае могут быть слишком велики различия между частями страны (например, суровый север и богатый юг), когда нужно сообща формировать пространство выживания всего населения. В другом случае эта неоптимальность может выражаться в "излишней" однородности территории, что не позволяет организовать на ней достаточно разнородные производства. В такой коммунальной среде механизмы конкуренции за ресурсы не становятся доминирующими. Во-первых, потому что сами ресурсы не всегда могут быть обособлены на более или менее долгий срок. Во-вторых, это обособление не имеет экономического смысла, поскольку не позволяет осуществлять простое или расширенное воспроизводство тому субъекту, который владеет таким ресурсом. Напомним в этой связи уже цитировавшееся выше, в 3.3, высказывание Августа Гакстгаузена о такой черте коммунальной среды России. Еще в середине XIX в. этот автор говорил о том, что содержать поместье в северной России аналогично тому, как это делается в Европе, - невозможно. Придется лишь вкладывать в него деньги и не рассчитывать на прибыль (Гайпс, 1993. С. 47).

Отличающиеся по виду, но похожие по потенциальному социальному качеству ландшафты, порождающие коммунальную материально-технологическую среду, можно наблюдать, путешествуя по миру или изучая географические справочники. Известно: для того, чтобы видеть, - надо знать. Хотя, как это часто бывает с парадоксальными истинами, верно и обратное. Но в данном случае мы хотим обратить внимание читателей именно на роль знания в увидении то, чего раньше не замечалось. Если принять утверждение о коммунальном и некоммунальном характерах материально-технологической среды в качестве фактора становления институтов хотя бы в качестве гипотезы, то многие, надеемся, смогут вспомнить собственные впечатления на эту тему. Например, о том, как суровая или неблагоприятная среда порождает среди живущих и работающих в таких условиях людей не отношения конкуренции, но отношения координации. Эти отношения становятся базовыми, доминирующими в таких условиях, благодаря именно этим отношениям выживают и хозяйствуют социальные субъекты - от семей до поселенческих, региональных и этнических групп.

Итак, в коммунальной среде на первый план выходит не конкуренция за ресурсы, которые не под силу эффективно использовать обособленному производителю, но координация социальных групп в их освоении и вовлечении в хозяйственный оборот. Нецелесообразность установления границ частной собственности в такой среде приводит к формированию неразделенной условной верховной собственности. Условной, поскольку условны устанавливаемые внутри такой собственности границы. Конфигурация ее может меняться

(и меняется, как показывает исторический анализ), приспособляясь либо к внешним, либо к внутренним рискам. Координация порождает ре дистрибутивные отношения, подробно описанные в 6.1. В определенном смысле координация образует внутреннее содержание редистрибутивных отношений. Одна из имманентных фаз редистрибуции, в ходе которой происходит согласование ресурсов, подлежащих аккумулярованию и распределению в хозяйственном процессе, выражает ту самую координацию. Координация и редистрибуция обеспечивают воспроизводство экономической

структуры обществ с условной верховной собственностью, развивающиеся в коммунальной материально-технологической среде.

Доминирование института конкуренции в Y-экономике, как и доминирование института координации в X-экономике, поддерживается действием альтернативных институтов. В рыночных экономиках, где господствует конкуренция, многообразно проявляется институт координации. Без их взаимодействия трудно представить себе организацию социально-экономической жизни. Точно так же в X-экономике проявляются альтернативные по отношению к координации конкурентные механизмы. Их недостаток не менее пагубен для хозяйственного развития таких стран, чем слабость координации при конкурентных рынках.

7.2. Прибыль и пропорциональность - механизмы "обратной связи" в X- и Y-экономике

Наличие обратной связи в экономической системе - это ее сигнальный механизм, фиксирующий благополучие или неблагополучие, точнее, возможность устойчивого функционирования всей институциональной системы. Поэтому роль институтов, обеспечивающих обратную связь, чрезвычайно высока. Впрочем, не выше роли всех других экономических институтов, образующих X- и Y-экономику, и действующих только совместно. Тем не менее анализируемые в этом параграфе институты имеют одну отличительную особенность. Понимание их роли и принципа действия составляет, возможно, главный вклад в содержание политики, которую сознательные субъекты могут предложить для эффективности экономик, в которых им выпало жить и хозяйствовать. Сигналы, формируемые в результате действия института прибыли и пропорциональности, если сделать их максимально видимыми, различимыми, иметь специальным объектом мониторинга, в наибольшей мере помогают предвидеть и оценить состояние той экономической системы, которой они присущи в максимальной степени.

Что означает институт прибыли в Y-экономике, почему именно ему принадлежит функция обратной связи в такой экономиче-

- 132 -

ской системе? Заметим здесь, что, когда мы говорим о прибыли, то не имеем в виду ее денежное выражение, - феномен денег будет рассмотрен нами отдельно в 9.1. Речь также не идет о рассмотрении прибыли как источнике расширенного воспроизводства - в этом смысле и та, и другая экономические системы (то есть X- и Y-экономики) на основе действия присущих им институтов формируют необходимые воспроизводственные пропорции. Мы выделяем институт прибыли как постоянное отношение, которое обеспечивает выживание экономических субъектов.

Возможно, используемое нами слово "прибыль", имеющее устойчивое значение в обыденном и научном понимании, недостаточно удачно для обозначения того явления, которое мы хотим представить. В ходе решения аналогичной, как нам представляется, задачи, Маркс для обозначения такого постоянно воспроизводимого отношения ввел термин "капитал", отделив его от субстанциального содержания. Но вслед за Марксом этот термин получил излишнее идеологическое наполнение, поскольку в основе воспроизводства капитала, как полагал Маркс, лежат отношения эксплуатации наемных работников капиталистами. Тем самым и этот термин недостаточно подходит.

Мы попытаемся рассмотреть институт прибыли как нейтральное функционально необходимое отношение, обеспечивающее воспроизводство Y-

экономик. Отношение, предполагающее необходимость формирования в ходе обмена той самой прибыли¹, ради которой он совершается. Почему прибыль является необходимым его атрибутом, и почему в обществе действует специализированный институт прибыли?

На наш взгляд, институт прибыли обеспечивает наличие и воспроизводство необходимого в условиях обособленной частной собственности постоянного "страхового запаса", в котором нуждается обособленный производитель. Обособленная частная собственность и доступ к необходимым благам лишь через посредство обмена, а также институт конкуренции обуславливают наличие объективно существующего лага в производственной деятельности. Невозможность мгновенного совершения хозяйственного цикла и перерыв в переходе к следующему хозяйственному циклу означает, что для выживания основных участников экономики в эти периоды необходимо иметь тот самый излишек, который позволит пережить это время и вступить в следующий хозяйственный цикл. Институт прибыли - это институт выживания и воспроизводства основных участников хозяйственной жизни (производителей и потребителей). Как и все экономические институты, он может служить одновременно са-

1. В некоторых учебниках используется более точное, на наш взгляд, обозначение - "излишек потребителя" и "излишек производителя" (Мэнкью, 2002. С. 95-96)

мым разнообразным целям, достижение которых необходимо в экономической системе - выступать хозяйственной мотивацией, обеспечивать создание условий расширенного воспроизводства и многое другое. Но его основная функция в институциональной системе Y-экономик состоит именно в том, что институт прибыли "страхует" частных собственников, не имеющих иных способов поддержания своей функциональности в рыночной системе.

Поэтому наличие прибыли означает, что возможно воспроизводство хозяйственных отношений, т.е. формируемый в ходе действия данного института объем прибыли и институциональное закрепление приемлемых в обществе условий ее получения выступает меткой, сигналом того, что все благополучно, хозяйственный процесс не прекращается. Падение же прибыли, как и несовершенный порядок ее получения и присвоения, выступают угрожающими сигналами того, что подрываются важнейшие, в том числе и материальные основы воспроизводства рыночной Y-экономики.

X-экономики характеризуются иными, свойственными им механизмами и сигналами обратной связи. Функция институциональной структуры в X-экономике направлена не на поддержание обособленных хозяйствующих субъектов, являющихся основной движущей силой Y-экономик, а призвана обеспечивать эффективное использование условной верховной собственности. Эффективно ли действует вся эта система определяется, на наш взгляд, достижением пропорциональности внутри единого по сути хозяйства.

Действительно, имея дело с коммунальной средой, нерасчленимой и взаимосвязанной, система социальных отношений и институтов должна соответствовать характеристикам этой среды. Прорыв, перепроизводство в одном месте могут угрожать целостности всей системы. Поэтому необходимо поддержание пропорциональности функционирования ее элементов. Как в едином организме не могут не быть согласованной работа сердца, легких и других органов, так и во взаимосвязанном хозяйстве необходимы пропорции, соотношенность действия элементов друг с другом. Нарушение этих пропорций чревато гибелью системы. Поэтому в X-экономике действует институт

пропорциональности. Он сигнализирует о соблюдении требуемой согласованности действия составных элементов и их пропорций.

Использование термина "пропорциональность" для названия данного института имеет свои недостатки, как и у отмеченного выше института прибыли. Закон пропорционального и планомерного развития, разрабатываемый в свое время в политической экономии социализма, придал этому понятию нормативный и субъективистский оттенок, возможно, помимо воли разработчиков. Пропорциональность понималась порой как догма, как трактуемая политиками цель, для достижения которой все средства были хороши.

- 134 -

На наш взгляд, в такого рода экономических системах, в сущности которых пыталась разбраться и политэкономия социализма, необходимость пропорциональности - естественное следствие функционирования единой собственности в коммунальной среде. Кстати, разработчики политэкономии также неоднократно отмечали объективную обусловленность планомерности и пропорциональности при социализме "отношениями всенародной общественной социалистической собственности на средства производства" (см., например, *Кронрод*, 1966. С. 527), т.е. указывали на связь отношений собственности с наличием пропорциональности. Институт пропорциональности возникает стихийно, как условие и одновременно элемент функционирования всей системы институтов X-экономик. Он выражает себя в разнообразных институциональных формах, практиках, писаных и неписаных правилах поведения. При возникновении X-экономик институт пропорциональности тотчас проявил себя в первичном порядке сбора дани верховной власти с входящих в состав древнего государства единиц для выполнения общих функций защиты, в "нормативах" исполнения службы: всеми социальными слоями. В экономической истории России его выражением служили система кормлений воевод, возникновение росписей государственных доходов и расходов, стихийно возникавшие уравнивательные переделы общинных земель, формирование системы государственного планирования в советское время и т.д. Практика показывает, что, если в ходе политических или военных событий давление социальных сил препятствует проявлению естественного института пропорциональности, то обнаруживают себя кризисы, сбои, катастрофы самого разного плана. Они сигнализируют о том, что в обществе, точнее, в хозяйственной жизни, недостаточно соблюдаются объективно требуемые условия согласованного пропорционального использования коммунальной материально-технологической среды.

Рассмотренные институты прибыли и пропорциональности, будучи сигнальными механизмами в соответствующих экономиках, одновременно являются наиболее значимыми институтами, обеспечивающими развитие, динамику этой структуры (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в параграфе 9.2). Действительно, поскольку экономика существует только в динамике, то сигнальная система характеризует не только состояние структуры, но и возможности осуществления этой динамики. Тем более, если мы понимаем динамику как осуществление саморазвития структуры (вслед за О. Контом, утверждавшим, что "прогресс есть развитие порядка"). Поэтому так важно внимание к сигналам, формируемым на основе институтов прибыли и пропорциональности, в соответствующих типах экономик.

Институтам прибыли и пропорциональности (подробнее см. параграф 9.1) также свойствен взаимодополнительный характер, как и всем парам институтов, рассмотренных выше.

7.3. Резюме

Системный характер институциональной структуры означает, что все базовые институты, формирующие X- и Y-экономики, являются равнозначимыми с точки зрения их существования. В то же время каждый из них имеет свои функции в этой системе. Значение институтов координации и конкуренции состоит в том, чтобы поддерживать функционирование экономической структуры, определять и воспроизводить правила взаимодействия хозяйствующих субъектов. В свою очередь, роль институтов пропорциональности и прибыли аналогична механизмам обратной связи - они формируют сигналы, на основе которых можно судить об успешности функционирования экономики. Эти институты являются наиболее важными с точки зрения оценки перспектив динамики экономической системы. Одновременно понимание их действия и "расшифровка" посылаемых в экономическую жизнь сигналов являются основным материалом для той экономической политики, которая может содействовать прогрессивному и менее проблемному развитию X- и Y-экономик.

Глава 8

НАЕМНЫЙ И СЛУЖЕБНЫЙ ТРУД

Мы боремся за чистоту трудовой теории в России. Но сначала надо эту теорию создать.

С.С. Утинова

Труд часто понимают как один из факторов экономической деятельности (наряду с землей и капиталом). Порядок его регулирования, как и всех других факторов производства, осуществляется всей системой экономических институтов, присущих той или иной хозяйственной системе. Мы уже цитировали Карла Поланьи, указывавшего, например, что в редистрибутивных экономиках "воссоединение трудовых процессов" происходит посредством редистрибуции (Polanyi, 1977. P. 40) - главного хозяйственного отношения X-экономик. Аналогичным образом труд исследуется и в экономической концепции К. Маркса. Для анализа трудовых отношений он использует те же категории, что и для других хозяйственных связей, - наемный труд Маркс рассматривает как куплю-продажу рабочей силы, определяет стоимость рабочей силы аналогично стоимости

- 136 -

других товаров, рассматривает ее в процессе кругооборота капитала наряду с другими факторами производства и т.п.

На наш взгляд, труд является особым, вернее, самым главным фактором производства. Трудовые отношения имеют свою специфику, что выделяет их из множества отношений, формирующих общественную экономическую структуру. Поэтому во всех экономических учебниках всегда присутствует раздел по труду, где вопросы трудовой мотивации, заработной платы, занятости и безработицы являются объектом специального анализа. В нашей теоретической схеме мы также выделили базовые институты принуждения к труду, характерные для X- и Y-экономик. Понимая, что в основании регулирования трудовой деятельности в масштабах общества в конечном счете лежат определенные институциональные матрицы, мы полагаем небезыңтересным показать конкретные различия в проявлении института служебного труда (в X-экономике) и наемного труда (в Y-экономике). Это также может стать иллюстрацией того, как социологические и экономические теории, несмотря на их общий социетальный характер, могут послужить инструментом для изучения и прогнозирования динамики трудовых отношений, т.е. конкретной сферы хозяйства. А, возможно, и содействовать становлению новой теории трудовых отношений.

8.1. Наемный труд

Известно, что "наемный труд, в котором уже содержался в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством" (Энгельс, 1977. С. 275). Данный тезис подчеркивает принадлежность института наемного труда системе рыночных Y-экономик. Более того, он указывает на органическую встроенность этого института в соответствующий "способ производства".

Мы не будем пересказывать здесь обширную литературу, посвященную анализу наемного труда. Отметим три характеризующие его черты, по которым в данной главе проведем сопоставительный анализ институтов наемного и служебного труда.

Первая особенность - доминирующий механизм регулирования трудовых отношений. Это, как уже отмечалось, купля-продажа рабочей силы, или отношения обмена на горизонтальной основе между участниками сделки.

Вторая особенность - модель занятости. Она предусматривает неполную занятость, что обеспечивает действие института конкуренции на рынке труда. Маркс, а вслед за ним и Кейнс - наиболее известные экономисты, которые теоретически обосновали неизбеж-

- 137 -

ность безработицы в обменных экономиках. Маркс показал это применительно к капиталистической фазе, а Кейнс обобщил этот тезис для всех рыночных экономик: частичная, а не полная занятость - общий случай для таких экономик, и только при вынужденной безработице может быть достигнуто рыночное равновесие (Кейнс, 1993. С. 287). В развитие этих исследований современные экономисты ввели понятие "естественный уровень безработицы", отклонения от него называют циклической безработицей. В американской экономике его значение составляет примерно 6%, что приблизительно отражает ее уровень в 1970-1990-е годы (Мэнкью, 2002. С. 348).

Третья известная особенность действия института наемного труда, в отношении которой мы предполагаем провести дальнейшее сравнение - это характер вознаграждения за труд в виде заработной платы. Заработная плата, или оплата труда, являющаяся результатом соглашения между работником и работодателем, является основной формой трудового вознаграждения.

8.2. Служебный труд

Институт служебного труда, как и другие институты X-экономик, гораздо менее проработан в экономической литературе. Поэтому мы дадим чуть более развернутое описание его специфики. Для характеристики атрибутов служебного труда будем использовать феномены из прошлого и настоящего российской действительности.

Итак, о сущности трудовых отношений в редистрибутивных экономиках впервые написал Карл Поланьи. Основным механизмом, регулирующим эти трудовые отношения, Поланьи, как мы уже отмечали, обозначил *редистрибуцию*, посредством которой осуществляется воссоединение распределенного, разделенного труда. О.Э. Бессонова, предложившая для нерыночных экономик термин "служебный труд" (Бессонова, 1994. С. 43), в качестве его характеристик выделяет *обязательный характер, ведомственную организацию, иерархию и номенклатуру*, которые ярко описывает на примере истории России и СССР¹.

Чтобы полнее представить атрибутику института служебного труда, обратимся к самому значению слова "служить". "Служить" - означает одновременно как *быть полезным, орудием для цели, надобным*, так и *состоять на службе*, т.е. *занимать место с известными обязанностями, быть при месте*. "Где ни жить, не миновать"

1. В последующих своих работах 1997-1999 гг. О.Э. Бессонова отказалась от разработки категории служебного труда и выделения данного института как специфического элемента хозяйственной системы раздаточного типа в России.

служить", - пишет В.Л. Даль в своем словаре (*Даль*, 1991. Т. 4. С. 224). По этим позициям он противостоит институту наемного труда ("нанимать - брать из платы для временного употребления" (*Даль*, 1991. Т. 2. С. 444), характерному для рыночных Y-экономик.

Специфика трудовых отношений в странах с X-экономикami отмечается и теми специалистами, которые придерживаются рыночной парадигмы в экономическом анализе. Это выражается в том, как западные экономисты определяют модель трудовых отношений в Японии - стране с X-матрицей. Они называют их "пожизненный найм", что курьезно с точки зрения самого понятия найма как временного приема на работу, составляющего суть рыночных отношений с присущей им мобильностью рабочей силы. Пример введенного западными учеными (как неточный перевод с японского) понятия "пожизненный найм" показывает ограничения используемой ими парадигмы, не позволяющей выйти за рамки привычных аналитических схем. В этих случаях научный анализ экономистов оказывается бессильным, и поэтому используются отсылки к "японскому феномену", "уникальному национальному менталитету" и т.п.

В данном параграфе мы обозначим лишь три исторически сложившиеся и сохраняющие свое значение атрибута служебного труда X-экономик, отличающих его от найма рабочей силы в условиях рынка труда.

Первым специфическим моментом трудовых отношений в условиях действия института служебного труда, в отличие от труда наемного, является *механизм регулирования трудовых отношений*. В Y-экономиках регулирование трудовых отношений осуществляется преимущественно в процессе обмена (купли-продажи) в ходе взаимодействия работодателей и работников через соответствующих агентов, важнейшими из которых являются профсоюзы, созданные рабочими для консолидированного отстаивания своих интересов. В X-экономиках действует преимущественно *централизованный механизм регулирования* трудовых отношений, часто понимаемый как "регулирование сверху". Какие бы важнейшие элементы трудовых отношений мы ни взяли, они регламентируются или иницируются не "снизу", со стороны работников или предприятий, а со стороны верховной власти, правительства. Это касается и первых трудовых нормативов для выполнения тех или иных работ, или "уроков", которые в своей книге 1724 г. "О скудости и богатстве", адресованной царю Петру I, предлагал учинить Иван Посошков (*Книга о скудости и богатстве И. Т. Посошкова*, 1937. С. 283), наш первый российский экономист. Та же ситуация характеризует первые российские опыты создания страховых учреждений в виде больничных касс: Высочайше утвержденные законы 1903 и 1912 гг. предписывали организовать их на фабрично-заводских, горных, горнозаводских, железнодорожных, судоходных и трамвайных предприятиях,

независимо от форм собственности. Необходимость и готовность предприятий к открытию в них больничных касс определялась специально созданными для этих дел "губернскими по делам страхования рабочих присутствиями", которые и вели всю необходимую работу - от объяснительных чтений до регистрации уставов. Поэтому пресса тех лет (например, газета "Металлист за 15 июня 1913 г.) писала, что "Страховой закон создает организацию больничных касс принудительно" (*Ашмарина*, 2002. С. 36). В советское время централизованный механизм в виде государственного плана по труду и социальным вопросам,

"разверстанного" по территориям и предприятиям, получил наиболее полное свое воплощение.

Вторым важным атрибутом служебного труда, отличающим его от института наемного труда, является модель занятости. На протяжении всей российской истории отчетливо проявляется тенденция к обеспечению всеобщего участия трудоспособного населения в труде. Это означает стремление к модели *полной занятости*, к отсутствию безработицы, естественно существующей на рынке труда. Если рыночные экономики предполагают наличие "резервной армии труда" (К. Маркс) за пределами предприятий, чтобы поддерживать конкуренцию на рынке труда, то в редистрибутивных X-экономиках резервы рабочей силы находятся "внутри" хозяйственной системы, формируя ее постоянный мобилизационный ресурс, который может быть направлен на достижение необходимой пропорциональности или возмещение возникшего дефицита.

Внешним выражением стремления к полной занятости служили постоянные меры борьбы с беглым населением в княжеской Руси и прикрепление крестьян к земле (крепостное право), а городского населения - к местам проживания. В этом же ряду находятся введение паспортной системы и прописки в царское время, необходимость службы для всех слоев населения, включая дворян и помещиков, борьба с тунеядством в СССР и т.п. Даже исполнение выборных должностей в России, например, дворянского предводителя, называлось "службой по выбору" и представляло собой одну из повинностей местного населения в пользу административной власти (Кирдина, 2000. С. 216). Из среды выбираемых во все времена рекрутировались затем административные чиновники, для которых "служба по выбору" была формой предварительного отбора для работы в государственных и правительственных учреждениях.

Программы достижения полной занятости принимались на всех партийных съездах советского времени, начиная с 8-го съезда РКП(б) 1919 г, где уже предусматривалось "правильное распределение и перераспределение имеющейся в государстве рабочей силы между различными рабочими местами, отраслями, сферами, регионами" (Даниленко, 1994. С. 14). Получение каждым гражданином РСФСР гарантированной работы с оплатой труда, что было услови-

- 140 -

ем полной занятости населения, являлось основным правом граждан, и это было записано в ст. 122 Конституции РСФСР 1937 г. (*Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики*, 1937. С. 19). То же и на одном из последних съездов советской эпохи, 27-м съезде КПСС. Здесь была принята программа, предусматривающая комплекс социальных мер, обеспечивающих полную и эффективную занятость (*Материалы XXVII съезда КПСС*, 1986. С. 15). Анализируя модели занятости, принимаемые в СССР в качестве основных в разные периоды его развития, Т.Г. Бахматова отмечает особое внимание к сохранению полной занятости (Бахматова, 2002. С. 10).

Наконец, *третья особенность* - служебный и наемный труд всегда отличались *характером и структурой вознаграждения работников*.

В условиях рынка работники являются собственниками своей рабочей силы, что позволяет им, как писал еще К. Маркс, осуществлять ее продажу, а частным собственникам средств производства - ее куплю. В этом процессе купли-продажи рабочей силы работник получает вознаграждение с прибылью в виде заработной платы, за счет которой он выходит на другие рынки для приобретения необходимых жизненных средств - на рынок жилья, медицинских

услуг, товаров и т.д. Вознаграждение в рыночных экономиках имеет преимущественно денежный характер, а величина его определяется уровнем расценок за работы (ставками), которые способен выполнять работник данной квалификации. Как правило, ставки фиксированы и исчисляются в расчете на час, неделю, месяц или год для разных видов труда, или же на объем конкретной работы, который предстоит выполнить.

В условиях редистрибутивной X-экономики собственность, в том числе и в отношении рабочей силы, имеет не частный, а общий (верховный условный) характер. Институт служебного труда действует в социальной системе, при которой на протяжении всей истории доминируют формы условной верховной общей собственности, накладывающие свой отпечаток и на специфику трудовых институтов. Материальным выражением этого служит, например, то, что само развитие, обучение работников осуществляется не столько за счет личных средств, сколько за счет средств, полученных в процессе редистрибуции. Соответственно, существует и солидарная общественная ответственность за социальное воспроизводство работников. Формами выражения этой ответственности служат целевые компоненты трудового вознаграждения, включающие в себя, помимо ставок заработной платы, оплату питания, проживания, медицинского обслуживания, образования и т.д. Все эти дополнительные компоненты предоставляются либо в денежной форме, либо в натуральной. Такая структура трудового вознаграждения является доми-

- 141 -

нирующей в России. Она действовала и на государственных (казенных, общественных, социалистических) предприятиях, и на "приватизированных" фабриках и заводах. Например, вознаграждения материального характера в текстильном товариществе Н.Н. Коншина в конце XIX в. могли включать в себя харчевое снабжение, обеспечение мест в казармах при мануфактурах (Валетов, 2002. С. 13). Аналогичное положение наблюдается на предприятиях в первые годы после революции - для них были характерны предоставление продуктового пайка, комнат в общежитиях и коммунальных квартирах, обеспечение очками и протезирование зубов, путевки на обучение на рабфаке, поездки детей рабочих на летние загородные дачи и т.д. (Сафонова, Бородкин, 2002. С. 55-87). В советское время натуральное вознаграждение включало в себя выделение земельных участков для производства сельхозпродукции, как для сельского, так и для городского населения, получение образовательных, медицинских и т.п. услуг через общественные фонды потребления, получение жилья согласно жилищной очереди на предприятии. Дополнительные денежные вознаграждения еще с дореволюционных времен известны как "харчевые" (или "доплаты на питание" в советское время), "квартирные", "подъемные" и проч.

Таким образом, формой трудового вознаграждения в рамках действия института служебного труда являются совмещенные с рабочим местом возможности получения (приобретения) жизненных благ - от продуктов до загородных участков (дач) и получения жилья. Это - и "фабричная лавка, которая отпускает харчи по удешевленным ценам" в 1917 г., (Сафонова, Бородкин, 2002. С. 58), и заводские магазины, и "столы заказов", и закрытые распределители советской эпохи, а также фабричные или казенные квартиры дореволюционной России или жилищные очереди советского времени.

Трудовое вознаграждение в условиях института служебного труда имеет более сложную структуру и носит смешанный денежно-материальный характер. Поэтому так сложны сравнительные исследования уровня реальных доходов разных групп работников внутри страны. Наибольшие же трудности возникают при проведении межстрановых исследований при сопоставлении уровня

доходов россиян с населением стран рыночных экономик. Недостаточно описанная в научной литературе, но хорошо известная на практике, структура трудового вознаграждения и социальной ответственности в российской экономике объясняет непонятный многим западным исследователям феномен времен "перестройки" 1980-1990 гг., когда работники не увольнялись с предприятий, на которых им месяцами не выплачивали заработную плату. В тени оставалась информация о том, что работники продолжали пользоваться объектами социальной инфраструктуры - от ведомственного жилья до детских садов, получали натуральные выдачи, могли питаться в заводских столовых и т.д.

- 142 -

Три обозначенных атрибута института служебного труда не исчерпывают всех его особенностей, которые требуют дальнейшего изучения. На данном этапе - это скорее иллюстрация того, что эти особенности есть, и обусловлены они не временными факторами, отсутствием политической воли или спецификой национального менталитета. Служебный труд с присущими ему чертами отражает своеобразие социетального устройства российского общества, в котором на протяжении всей его истории доминируют институциональная X-матрица и комплекс соответствующих институтов X-экономики. Они определяют, в конечном счете, путь эволюции российского хозяйства и возможные пределы его институциональных преобразований.

В каких формах представлены сегодня, после 20 лет реформирования, данные атрибуты служебного труда в российской модели трудовых отношений? Видимо, нет необходимости специально доказывать сохранение преимущественно централизованного механизма регулирования трудовых отношений - первого из проанализированных атрибутов. Его элементами являются, во-первых, утверждение на федеральном уровне единых минимальных ставок заработной платы и системы тарифных окладов. Во-вторых, центральная власть, прежде всего, ее федеральные и региональные органы, продолжают служить главными контролерами и арбитрами в трудовых спорах, затрагивающих основные массы работающего населения. Более того, возрастает артикуляция необходимости усиления централизованного начала в этих вопросах. В-третьих, согласно новому Трудовому кодексу, государственные (властные) структуры выступают участниками, третьей стороной и главными гарантами исполнения договоренностей между работодателями и профсоюзами по всем важнейшим вопросам при подписании отраслевых соглашений.

В то же время централизованный механизм регулирования дополняется новыми элементами, заимствованными из практики рыночных экономик, в которых доминирует институт наемного труда. Основное направление модернизации состоит в расширении рамок договорных отношений, во внедрении более гибких, а не только нормативных принципов регулирования, в усилении правовой регламентации действий и ответственности участников договорного процесса.

Восстановление механизма регулирования трудовых отношений в обновленных, модернизированных формах демонстрируют адаптированные к российским условиям схемы так называемого "социального партнерства". Наиболее эффективно они действуют в крупнейших "приватизированных" вертикально-интегрированных компаниях, таких, как Лукойл, Юкос, Газпром, Северсталь, Магнитогорский металлургический комбинат и др. (Рупец, 2003).
Созданные

на базе "советской модели" регулирования трудовых отношений, они сумели использовать ряд ключевых терминов, а частично - и подходов классической западной концепции "социального партнерства". Это делает их внешне весьма близкими к сложившимся в рыночных экономиках системам разрешения трудовых споров. В то же время в этих схемах воспроизводятся характерные черты и атрибуты института служебного труда, что делает их прямыми преемницами доперестроечной эпохи, хотя и более развитыми, цивилизованными, современными.

Сохраняется и второй атрибут служебного труда - стремление к полной занятости работников. Ст. 37, п. 3 в новой российской Конституции провозглашает право каждого на труд с вознаграждением не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (*Конституция Российской Федерации*, 1997. Ч. 12). И хотя работа уже не является гарантированной, как ранее, в этой же статье предусматривается право на защиту от безработицы. Сохранение доминирования модели полной занятости латентно выражает себя в том, что место труда обеспечивает для существенной части российского населения доступ к социальным услугам - медицинским, детским дошкольным учреждениям, пенсионному обеспечению, санаторному отдыху и т.д. Поэтому даже фактически неработающие трудоспособные граждане предпочитают "числиться" на том или ином рабочем месте. Это справедливо в отношении всех социальных слоев, в том числе и формирующих верх доходной пирамиды, - практически все "финансовые олигархи" любых масштабов стремятся сохранить трудовые отношения с предприятиями, акциями которых они владеют, понимая, что место в структуре предприятия, т.е. занятость, является самой надежной гарантией получения доходов.

В отличие от прошлого, в стране официально признана возможность безработицы. Но сами организации, которые регистрируют безработных и занимаются с ними, называются "службами занятости", поскольку их основная задача - не распределение пособий, а нахождение вакантных рабочих мест для приложения труда незанятого населения. Фактически они являются преемниками Бюро по трудоустройству - важнейшего элемента структуры управления трудовыми ресурсами для обеспечения полной занятости населения в советское время.

Обновление модели полной занятости происходит в основном за счет роста экономических и правовых методов регулирования этого процесса, в то время как в советский и досоветский периоды значительное место отводилось принудительным механизмам.

Третий атрибут служебного труда - денежно-материальная структура трудового вознаграждения и ее многокомпонентный характер - также сохраняет свое значение. Если в начале перестройки-

ки многие предприятия и организации, прежде всего частные, начали практиковать вознаграждение по западному образцу в виде фиксированных ставок за время и объем работы, то за 20 лет ситуация изменилась. Сегодня и в государственных, и в акционерных, и в коммерческих структурах восстанавливается сложная структура выплат, включающая в себя, помимо ставок оплаты труда, премий и доплат, также компенсационные и социальные пакеты разного рода, доплаты на питание, медицинское и социальное страхование, отдых и т.д. Такие выплаты носят как корпоративный, так и

индивидуальный характер. Они также дополняются прямым распределением материальных благ и услуг. Даже такой лидер "частного бизнеса" в российской экономике, как Лукойл, "принимает инициативные действия" в деле дополнительного обеспечения своих работников жильем, услугами по оздоровлению, спорту, отдыху и т.п. (*Социальный Кодекс ОАО "Лукойл"*, 2002), не полагаясь на высокие зарплаты и самостоятельный выход работников на соответствующие рынки.

В конечном счете, сохранение атрибутов служебного труда носит естественный характер и является следствием экономии трудовых и материальных ресурсов общества и его хозяйственных структур в существующих в нашей стране условиях. Организационные преобразования и политическая риторика не изменили макрохарактеристик коммунально-материально-технологической среды, вызывающей к жизни базовые экономические институты и содействующей их воспроизводству. Именно поэтому в современной России сохраняются основные атрибуты присущего редистрибутивным X-экономикам института служебного труда, формирующего модели занятости и трудовых отношений. В то же время существенно обновляются формы, в которых воплощаются эти атрибуты. Модели трудовых отношений модернизируются за счет дополнения альтернативными элементами, характерными для Y- экономик, прежде всего за счет атрибутов присущего им института наемного труда.

Исходя из специфики институционального устройства X-экономик, можно следующим образом охарактеризовать нынешнее состояние трансформации трудовых отношений в современной России и перспективы их модернизации. Нынешний период трансформации российского общества в целом отличается поиском и складыванием *нового баланса базовых и комплементарных институциональных форм* для всех типов социальных отношений, включая и трудовые. Накануне перестройки в стране тотально доминировали устаревшие формы, соответствующие институтам X-экономики, в то время как необходимые для институционального равновесия комплементарные институты воплощались преимущественно в теневых, нелегальных формах. Поэтому на первом этапе реформ 1980-1990-х годов

- 145 -

упор был сделан на широкое легальное дополнение искаженной в советский период институциональной структуры элементами, характерными для государств с Y-экономикой. Это выражалось в широком освоении опыта западных стран, накопленного в сфере трудовых отношений, расширении контактов с международными организациями, переносе на российскую почву разнообразных трудовых моделей и практик. На втором этапе, с конца 1990-х годов, внимание все более направляется не столько на адаптацию заимствуемых решений, сколько на модернизацию и развитие форм, отражающих специфику социетальной природы нашего государства, выражаемой доминированием базовых институтов X-экономики. Можно наблюдать, как заимствованные организационные формы, методы и способы управления, ценности, нормы и правила в России модифицируются по ходу своего внедрения и занимают подчиненное положение, что соответствует роли комплементарных институтов в институциональной макроструктуре общества. Так, новый Трудовой кодекс представляет собой компромисс, который обеспечивает обновление атрибутов служебного труда и позволяет преодолеть основные пороки предыдущей административно-командной модели централизованного руководства. Обобщение практики модификации элементов рыночной экономики в российской институциональной среде нашло отражение

в концепции изоморфного рынка труда в России, предложенной известным специалистом в области трудовых отношений и занятости Светланой Сакибжановной Утиновой (Утинова, 2003). На основе анализа богатого эмпирического материала она выдвигает гипотезу о нерыночном пути развития трудовых отношений в России.

Прогноз состоит в том, что модернизированные трудовые отношения сохранят свои свойства, обусловленные их "встроенностью" в институциональный комплекс X-экономики России. В то же время будут продолжены поиск и определение эффективных ниш для встраивания комплементарных для нашей страны институтов рыночной Y-экономики, в том числе и наемного труда. Уже сейчас широко практикуется система конкурсов при приеме на работу, развивается система социального партнерства. Отмечено, что распространяются формы организации и оплаты труда, где связь между трудовым вкладом, результатами и вознаграждением гораздо более очевидна и для работодателей, и для работников. Поэтому специалистами в области труда отмечается существенное обновление сферы трудовых отношений в России. На этой основе ожидается достижение общественного консенсуса по важнейшим проблемам трудовых отношений, что будет выражаться в расширении "правового поля", т.е. более полной правовой артикуляции, и закреплении свойственных "жизни и идее" нашего общества цивилизованных форм трудового поведения и регулирования труда.

- 146 -

8.3. Резюме

Понимание специфики институционального устройства экономической системы позволяет, на наш взгляд, дополнить картину анализа трудовых отношений, выявить их особенности, трудноуловимые с помощью традиционного инструментария исследований труда и занятости. Представленные иллюстрации действия института служебного труда в X-экономике и наемного труда в Y-экономике дают основания утверждать, что трудовое поведение зависит не только, а, возможно, и не столько от характеристик индивидов, особенностей национальной культуры и т.д. Люди всегда рациональны и выбирают, как правило, наиболее экономичные траектории выживания и развития в тех условиях, которые им даны. Грамотное сочетание базовых и комплементарных институтов при проведении трудовой политики, базирующееся на положениях фундаментальной теории, может дать здесь хороший результат. Гораздо лучший, чем следование абстрактным принципам и рекомендациям, не учитывающим институциональную специфику X- и Y-экономик.

Глава 9
Х- И Y-ЭКОНОМИКИ
КАК САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ
СИСТЕМЫ

*Не значит ли это, что наука об
обществе есть всего лишь отрасль
естествознания?*

Аббат Мабли

"Символом веры" концепции институциональных матриц и, соответственно, ее раздела об Х- и Y-экономиках, является постулат об объективном характере складывающихся институтов (подробнее см. 3.1). Объективно - это не значит, что институты складываются без участия людей. Объективность подразумевает, что возникновение институтов, формирующихся в ходе человеческой деятельности во внешнем окружении, имеет естественно-исторический характер. Такой подход предполагает, что общества и экономики - столь продолжительно существующие, - являются самоорганизующимися системами. Механизмы самоорганизации находятся в формирующих общества (экономики) структурах, ибо поддержание структуры и

- 147 -

есть самоорганизация. Другими словами, сами институциональные структуры, т.е. системы экономических институтов, которые мы предъявляем в этой книге, выступают в качестве механизмов самоорганизации и интеграции хозяйственных систем. Подробному рассмотрению этого тезиса посвящается девятая глава.

9.1. Комплементарность экономических институтов

Х- и Y-экономики - теоретические абстракции, отражающие реальность и позволяющие выделить сущностные свойства разнотипных экономических систем. Но эти абстракции не существуют на практике "как они есть сами по себе". Не встречается экономических систем, в которых бы действовали только институты Х-экономик, как и нет только Y-экономик с присущими им институтами. Как отмечал по аналогичному поводу Парето, "обе крайности неосуществимы, поскольку устранить полностью частную собственность нельзя, так же как невозможно обеспечить ее существование без ограничений" (Цит. по кн.: Зотов, 2001). В действительности не существует "чистых" экономических систем. Экономики, как они фактически реализованы в народном хозяйстве различных стран, содержат элементы обеих (идеальных) экономических систем, т.е. реально существующие экономики имеют смешанные формы. И в то же время всегда проявляется преобладание элементов той или иной матричной экономической структуры.

В экономической практике конкретных обществ присутствуют самые разные формы экономической жизни, действуют альтернативные экономические институты и системы организаций. Сосуществуют государственное регулирование и биржи, корпорации и государственные предприятия, семейные фирмы и личные подсобные хозяйства, кооперативы и т.д. Иными словами, в любой реальной экономике функционируют институты и рынка, и редиистрибуции, и каждый из них, соответственно, означает качественно различные социальные механизмы размещения и использования

хозяйственных ресурсов. "Экономическая практика обнаруживает, что устойчивость любой системы достигается путем дополнения разных типов отношений в определенной логике. Опыт показывает, что в мире не существует двух одинаковых экономических систем, поскольку их многообразие зависит от доминирования одного из двух типов отношений и способов сочетания рыночно-раздаточных элементов" (Бессонова, 1994. С. 47). При этом общество осуществляет между ними не бинарный выбор по принципу "либо-либо", но "выбор между разными комбинациями обоих" и разными сочетаниями того или иного способа размещения ресурсов (Вебер, 1997). В этом смысле все существующие экономические системы представляют собой, по

- 148 -

сути, смешанные экономики, в которых функционируют X- и Y- экономические институты и институциональные формы. Их эффективность определяется не столько силой одного из полюсов, сколько способностью общества постоянно искать меру компетенции между ними, что всегда является открытой проблемой.

Комбинация и поиск оптимального соотношения рыночных и редиистрибутивных форм осуществляются в каждом обществе на протяжении всей истории в их конкурентной борьбе и сосуществовании друг с другом. И только время каждый раз подтверждает или опровергает целесообразность и экономическую эффективность приватизации или национализации той или иной отрасли хозяйства, создания бирж или введения государственного регулирования финансовых и материальных потоков и т.п. Рыночные и редиистрибутивные институты находятся в противоречивом единстве, обеспечивая устойчивость экономической системы в целом. В то же время, несмотря на комбинацию в экономике институтов и институциональных форм и того и другого рода, сущность и основное содержание институциональной структуры хозяйства определяются теми экономическими отношениями, которые носят доминирующий характер. Именно базовые экономические институты задают в конечном счете общие рамки и ограничения для действия институтов комплементарных, организуют тип своеобразного "институционального формата" каждого конкретного общества.

Свойство комплементарности экономических институтов означает, что существуют пары дополняющих друг друга институтов, выработанных хозяйственной практикой для выполнения одной и той же функции. В условиях определенной среды, например, коммунальной, один из институтов этой пары имеет доминирующее значение, в то время как другой - дополнительное, комплементарное. При коммунальной среде доминирующую роль играют институты X-экономики. В иных условиях внешней среды - некоммунальной, - роли институтов меняются. Те, которые в коммунальной среде доминировали, начинают быть дополнительными, а на первый план выходят институты Y-экономики, более соответствующие характеру некоммунальной материально-технологической среды.

При этом может возникнуть вопрос: имеем ли мы дело каждый раз с парой поляризованных институтов или с двумя сторонами одного института? Может быть, они находятся в состоянии амбивалентности, т.е. непрерывно переходят один в другой, и не могут быть поняты друг без друга? Такие вопросы в отношении институтов "диалогического" и "монологического" управления ставит, например, А.С. Ахиезер (Ахиезер, 2004). Мы полагаем, что речь идет не о перетекании одного института в другой, но о сосуществующих кластерах альтернативных, но дополняющих друг друга институтов.

Дифференцированный характер базовых и комплементарных институтов определяет интеграцию экономических систем, которую условно можно назвать интеграцией второго рода. Потому что интеграцию первого рода представляют собой системы базовых институтов X- и Y-экономик, в которых все формирующие соответствующий тип экономической системы институты взаимно согласованы между собой, продолжая и поддерживая друг друга, как это описано в предыдущих четырех главах. Интеграция первого рода основана на сходстве, подобии, автоморфизме, когда каждый X- (Y)-институт является элементом, подобным всему множеству X- (Y)- ЭКОНОМИКИ. Интеграция второго рода основана на дифференциации, взаимодополнительности, и она обусловлена сочетанием базовых и комплементарных X- и Y-институтов в хозяйственной жизни. Интеграция второго рода, основанная на комплементарности экономических X- и Y-институтов, обуславливает неизбежность "диалога" между ними, что, возможно, представляет собой одну из важнейших предпосылок обновления институциональной среды. Поскольку именно в диалоге неизбежно возникают инновации, как тонко замечает в уже упомянутой работе, посвященной социокультурному анализу институтов управления, А.С. Ахиезер (*Ахиезер, 2004*).

Как реализуются сосуществование и взаимная поддержка базовых и комплементарных институтов? Так, в Y-экономике институт публичной, или государственной, собственности (являющейся аналогом условной верховной собственности в X-экономике) имеет комплементарный характер. Государственная собственность и государственное регулирование устанавливаются в тех случаях, когда рынок оказывается не в состоянии обеспечить эффективное использование ресурсов. Как правило, такие "провалы" рынка (*market failures*) возникают при монополии, несовершенной (асимметричной) информации, наличии общественных благ или при наличии эффектов, внешних для участников сделок (*Основы экономической теории, 1996. С. 128*). В такой системе основная цель комплементарных институтов - содействовать более эффективному действию институтов рынка, составляющих ядро Y-экономик. Например, известно, что стихийный характер институтов конкуренции и прибыли ведет к перепроизводству и кризису в экономической системе, а потому практика западных стран все более дополняется корректирующими их действие институтами координации и пропорциональности, заимствованными из X-экономик (подробнее об этом в следующем параграфе).

Теоретически необходимость вмешательства государства в экономику была обоснована в трудах Кейнса уже в 1930-е годы (*Keynes, 1936, 1972*). Целесообразность дополнения западных практик элементами альтернативных институтов (в виде создания механизмов поддержки частного предпринимательства, государственного регу-

лирования экономической деятельности и т.п.) уже около полувека доказывается в трудах других известных ученых - Дж. Гэлбрейта и Л. Эрхарда (*Гэлбрейт, 1969; Эрхард, 1991*).

Аналогичным образом обстоит дело с действием рыночных Y-институтов в редиистрибутивных X-экономике. На протяжении всей истории последних - при господстве в большинстве отраслей общественной, государственной собственности - в них постоянно действуют, в явной или теневой форме, частно-рыночные механизмы, элементы торговых отношений и т.д. Их

функциями является обеспечение воспроизводства в тех сферах экономической жизни, где формы верховной условной собственности оказываются недостаточно эффективными. Такое понимание постепенно овладевает умами экономистов, и не только российских. Показательны, например, взгляды Гроссмана - одного из авторов сформированной советологами в конце 1950-х гг. модели командной экономики - на советскую систему как на единый хозяйственный комплекс с пирамидальной командной структурой. Затем он и его коллеги предложили такую трактовку командной экономики, в которой план и рынок выступают как логические и комплементарные части советской системы. В ней использование, например, "ценовых инструментов не только носит ограниченный и избирательный характер, но и служит главным образом дополнением к существующей структуре административного контроля над использованием ресурсов" (Grossman, 1997. P. 166).

Особенно ярко дополняющая функция комплементарных институтов проявляется в периоды кризисов или стагнации экономических систем. Так, во времена кризисов в США и Западной Европе большое распространение получают общественные работы, государственная поддержка ряда отраслей и предприятий. В масштабах всего общества осуществляется регулирование политики занятости и заработной платы. Идеи государственного контроля подсказали правительствам этих стран выход из Великой депрессии, а марксизм заставил обратить внимание на проблему заработной платы и эксплуатации.

Соответственно, в условиях экономического спада в странах с X-экономикой расширяются сферы действия частного предпринимательства, происходит изменение пропорций частной и общественной форм собственности и т.д. В ряде отраслей перестает действовать институт служебного труда, означающий обязательность и общественные гарантии занятости. Вместо него в большей мере используется институт найма рабочей силы, когда трудовые отношения регулируются в рамках конкретных частных организаций. Иллюстрацией этого положения служат современные экономические реформы в России, Китае, Латинской Америке. В этот период для них характерен рост негосударственного сектора экономики,

- 151 -

связан ли он в основном с приватизацией государственных предприятий, как в России и Латинской Америке, или происходит преимущественно за счет более быстрого развития индивидуального и частного укладов, как в Китае (Портяков, 1998а. С. 4).

Действие комплементарных экономических институтов, обеспечивающих устойчивость системы в целом и поддерживающих необходимую для успешного развития "институциональную конкуренцию", имеет тем не менее ограниченный характер. Более того, даже в кризисные периоды их действие опосредуется базовыми экономическими институтами, присущими исходным институциональным матрицам. Как бы глубоко ни проникало государственное вмешательство в Y-экономику, оно не изменяет ее природы. В конечном счете, государство действует как субъект рынка и гарант частной собственности. В X-экономике, наоборот, даже при сокращении числа объектов, регулируемых институтом верховной условной собственности, высшая власть оказывает определяющее воздействие на ход экономического развития и продолжает оставаться основным участником и актором хозяйственного процесса.

Действия комплементарных институтов и соответствующих им институциональных форм ограничиваются рамками базовых институтов и не проявляют своей природы в полной мере. Поэтому точнее было бы говорить о

квазиредистрибутивных отношениях в рыночных экономиках и квазирыночных отношениях в редистрибутивных экономических системах.

Какова, например, природа государственной собственности в разных типах обществ? В редистрибутивной экономике она является ведущей и изначально имеет общественную природу, формируется за счет коллективных, зачастую не разложимых на отдельные составляющие источников, а поэтому естественно подлежит централизованному управлению и согласованному использованию. В условиях рынка государственная собственность имеет иное содержание, так как образуется в основном за счет средств бюджета, формируемого, в свою очередь, налогами на частные виды доходов. В таких экономических системах государственная собственность является, прежде всего, одним из главных каналов перераспределения национального дохода и инструментом регулирования экономики в интересах преобладающих в ее составе частных хозяйственных субъектов. Удельный вес государственной собственности составляет от 25%, как в Англии, до трети акционерного капитала промышленности и транспортных компаний, как во Франции (*Политическая экономия*, 1979. С. 59). Институциональное содержание государственной собственности при рынке существенно опосредовано доминирующими институтами обмена, конкуренции, прибыли и др., поэтому она имеет не редистрибутивный, но квазиредистрибутивный характер.

- 152 -

Аналогично обстоит дело с частными формами в редистрибутивных X-экономиках. Периоды развития рыночных отношений, например, в России, - возьмем ли мы начало XX в. или нынешние реформы, - показывают специфику действия форм частной собственности. Она состоит в том, что всегда сохраняются каналы определяющего воздействия органов верховной государственной власти (в явной или неявной формах) на их деятельность. В качестве примера можно привести заявление А. Чубайса, - "главного приватизатора России", а ныне - руководителя РАО ЕЭС (Российского акционерного общества "Единые энергетические системы"), - об определяющей роли государства в деятельности этой частной по форме компании. "Так или иначе, но именно государство определяет правила деятельности и реструктуризации РАО ЕЭС. Как будет решено на федеральном уровне, такие планы и будут реализованы. Конечно, все будет сделано в соответствии с правилами и соответствующим регламентом, но, по сути, позиция государственных органов является здесь определяющей" (*Чубайс*, 2001). Таким образом, частные компании выступают как квазирыночные формы, поскольку их институциональное содержание опосредовано институтами редистрибуции, имеющими определяющий характер.

Непонимание доминирующей роли верховной условной собственности над частными формами в X-экономиках имеет ряд негативных теоретико-методологических и практических следствий. Практическим результатом является то, что непонятая на уровне общественного сознания и законодательной практики, эта связь может принимать уродливые, теневые, нелегальные формы, что приводит к нерациональному распределению социальных и экономических выгод между участниками экономической деятельности. Иллюстрацией служит известная ситуация рыночных реформ ельцинского периода первой половины 1990-х годов, когда взаимодействие между так называемыми олигархами и высшими органами государственной власти России было весьма интенсивно, но имело скрытый для общества характер. Непонимание объективных оснований этого процесса спровоцировало многих ученых-теоретиков, вслед за журналистами и

политтехнологами, сфокусироваться на личностной и этической оценках этого феномена, увидеть здесь лишь борьбу индивидуальных интересов, коррупционные явления и т.п. Глубинные, институциональные основания "любви и ненависти" между бизнесом и властью, до сих пор остаются вне исследовательского поля современных экономистов. На наш взгляд, этот драматический период истории современных российских реформ показал невозможность деятельности частных (квазичастных) форм вне рамок института верховной условной собственности, которые задают им ограничения и условия деятельности. Как бы не стремились "новые русские" всех периодов реформ "откупиться" от этих рамок,

- 153 -

или инвестировать все больше средств для их преодоления, этого пока еще никогда - если иметь в виду достаточно длительную перспективу, - и никому не удавалось.

Каждый институт в экономической системе действует в окружении других институтов, дополняющих друг друга и взаимосвязанных друг с другом. Институты "состыкованы" между собой таким образом, чтобы обеспечивать функционирование экономической системы в целом. Если недостаточно эффективно действует один из них, за которым объективно закреплен блок соответствующих функций, то происходят изменения в других для того, чтобы сохранились целостность механизма и принцип дополняемости институтов. В противном случае экономика может оказаться в тисках стагнации. Как отмечает старший вице-президент Всемирного банка Дж. Стиглиц, "слабая институциональная среда способствует усилению произвола... Страны с низким уровнем дохода часто характеризуются слабыми рынками и государственными институтами" (Стиглиц, 1998. С. 30). Если не созданы условия - или возникают препятствия - легального проявления необходимого общественного института в X- или Y-экономике, он "пробьет себе дорогу" путем нелегальных форм, но это не самый рациональный путь. Использование знаний о свойстве комплементарности экономических институтов позволит, на наш взгляд, разумнее задействовать институциональные механизмы для позитивного развития экономических систем и того, и другого рода.

9.2. Кризис перепроизводства и кризис недопроизводства - механизмы и способы преодоления

Впервые мы задумались о кризисах производства и недопроизводства в разных экономиках в 1987 г., когда вместе с коллегами впервые выехали на международную школу молодых социологов в Хельсинки (Финляндия), организованную International Rural Sociology Association (IRSA). Не забыть удивления от явно проявившегося несходства и разнонаправленности обсуждаемых аграрных проблем стран, которые мы тогда делили на капиталистические и социалистические. Американские и западноевропейские социологи рассказывали о трудностях регулирования и сдерживания объемов сельскохозяйственной продукции на внутренних рынках, о мерах, предпринимаемых Европейским Сообществом по ограничению производства группами фермерских хозяйств, специальных дотациях и т.п. Мы же, советские исследователи (и представители тогда еще социалистических европейских стран), в качестве основной проблемы рассматривали дефицит сельхозпродукции, главное внимание уделяли причинам этого и созданию условий для стимулиро-

вания роста аграрного производства. Тогда это различие экономических проблем казалось необъяснимым. Сегодня, после многолетней работы по исследованию специфики институциональных матриц, можно, в дополнение ко многим, предложить еще одно объяснение этих проблем.

Кризисы перепроизводства, свойственные Y-экономикам, обуславливаются совокупным действием всех присущих им институтов - частной собственности, конкуренции, обмена и прибыли, и этот механизм многократно описан в экономической теории. В то же время можно, на наш взгляд, говорить об институте, который является "движущей силой" этого кризиса, - институте прибыли, стремлении обособленных производителей увеличивать производство в своих частных интересах. Другими словами, этот институт, являясь основным сигналом обратной связи и стимулирования производителей, в своей тотальности не сопровождаемый комплементарным ему институтом (пропорциональности), перестает выполнять эту функцию. Вернее, в конечном счете, он ее выполняет, но общественные издержки при этом становятся довольно высокими (общий кризис, банкротства, избыток ненужных продуктов и т.д.).

В свою очередь, институт пропорциональности, свойственный X-экономикам, действуя стихийно, не только обеспечивает сбалансированность национального хозяйства, но и может приводить ко все более низким показателям производства, поскольку неизбежные согласования чреватые формированием общих пропорций на основе минимального значения ресурсов по всей цепочке производителей. В итоге спонтанное действие института пропорциональности провоцирует недопроизводство необходимых благ в национальном масштабе, или известные России во все времена кризисы недопроизводства. Поэтому пропорциональность необходимо дополнять действием института прибыли, что периодически и осуществляется, часто с опозданием, в российской истории.

Можно привести не менее 20 описаний того, каким образом действие института пропорциональности в присущих ему институциональных формах - правовых, неформальных, в виде социальных практик, норм и т.д., в совокупности с другими X-институтами может провоцировать возникновение кризиса недопроизводства в ре-дистрибутивных экономиках.

1. Планирование на основе согласования и соотнесения объемов производства и потребностей всех участников хозяйственного процесса приводит к равнению на хозяйственную единицу с наименьшими "пропускными способностями", к необходимому соотнесению с возможностями "слабого звена", которое и определяет предельный критический параметр по всей цепочке хозяйственных связей.

2. Поскольку в условиях работы по смете - как это характерно для предприятий, преобладающих в рамках X-экономики (в совре-

менной России это государственные унитарные предприятия, казенные предприятия, государственные организации и т.д.), - окончание работы означает прекращение ее финансирования, то становится выгодным работу не заканчивать, оставляя недоделки, требующие дополнительного финансирования. В связи с этим занижаются объемы окончательно выполненных работ.

3. Процесс согласования - необходимая фаза института ре дистрибуции приводит к запаздыванию получения необходимых запрашиваемых ресурсов, а

значит, к разрыву, лагу между настоятельной потребностью в ресурсах и их фактическим наличием. Поэтому сроки исполнения работы затягиваются, объем производства и услуг растет недостаточно.

4. Гарантированное финансирование в условиях фиксированных производственных связей сдерживает инициативу поиска новых заказчиков работы и дополнительного производства с тем, чтобы их заинтересовать.

5. Функционирование необходимого института координации, проявляющего себя в кооперации производства, работе в командах и коллективах, не нуждается в "выскачках" с новаторскими предложениями и более высоким уровнем производительности труда (особенно в условиях отсутствия конкуренции между коллективами).

6. Согласования могут приводить к усреднению параметров деятельности. При необходимости согласования сроков и объемов работ наиболее успешные могут представлять собой определенную угрозу для остальных, поскольку вынуждают "тянуться" за ними. Поэтому вероятно, что успешных их окружение будет так или иначе тормозить. В результате общий уровень производительности падает или, по крайней мере, растет не достаточно быстро.

7. Поскольку издержки согласования могут быть высокими, то из возможных комбинаций учета интересов всех участников, связей и кооперации выбираются наиболее простые. Это может не соответствовать реальной сложности производственной структуры, приводить к недоиспользованию ее потенциальных возможностей и, соответственно, недопроизводству продукции и услуг.

8. В редиистрибутивном цикле "аккумуляция-согласование-распределение" критерии для оценки новых продуктов и услуг затруднены, поскольку происходит сравнение с прежними результатами. Недостаточны стимулы к разработкам нового, и поэтому модернизация производства и внедрение достижений научно-технического прогресса в X-экономиках всегда "идут туго". Используются повторяющиеся производственные способы, что приводит, в конце концов, к уменьшению объемов производства.

9. В условиях единой распределенной собственности на ресурсы производства нет такой угрозы выживанию отдельного участника хозяйственного процесса ("не дадут пропасть"), как в условиях част-

- 156 -

ной собственности. Отсутствие текущей мотивации к выживанию не способствует росту активности хозяйственных акторов и производительности труда.

10. Институт координации также содержит в себе предпосылку "равнения на слабого", что приводит и к минимизации общих усилий участников хозяйственной деятельности. Зачем всей команде бежать быстро, если слабейший придет к финишу последним, и вся команда все равно проигрывает?

11. Потребность в согласованиях - дополнительном звене хозяйственной деятельности - отвлекает на эти цели часть общественных ресурсов (трудовых, временных, материальных), что ведет к уменьшению объема ресурсов, используемых непосредственно в производстве. Отсюда возможно снижение общей эффективности.

12. Сравнительно высокий социальный статус лиц, занимающихся процессами согласования (чиновников - прежде всего), привлекает в эту сферу наиболее способных людей, что приводит к их оттоку из непосредственного производства и предпринимательской сферы.

13. Разрыв в прямой цепочке сбор-распределение (прерываемой процессом согласования, осуществляемого в обособленном Центре), а также отмеченный выше разрыв в сроках между заявкой на необходимые ресурсы и получением средств для ее исполнения приводят к тому, что распределяется меньше, чем собирается. Эта разница остается в Центре, идет на его расходы, что постепенно подрывает базу производства. Действие этого перераспределительного ("снизу-наверх") финансового механизма накануне перестройки подробно описано нами (*Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России*, 1996. С. 85-96).

14. Необходимость согласования ограничивает также гибкость и реактивность в проведении необходимых хозяйственных маневров, что приводит к временному "омертвлению" материальных ресурсов и недостаточной эффективности их использования.

15. Дополнительно проделанные - по отношению к обеспеченным ресурсами - работы поощряются с запаздыванием (поскольку требуется согласование по необходимому дополнительному перераспределению средств), что не создает эффективных мотивационных механизмов для участников хозяйственной деятельности.

16. Сильные взаимосвязи, сцепленность элементов в редистрибутивной экономической системе, примером чему являются известные российской практике нормативы обеспеченности ресурсами в зависимости от численности занятых, - сдерживают стремление избавляться от отживших звеньев. Они живут так долго, как их поддерживает система, и избавление от них часто возможно лишь в ходе ее кризиса.

17. "Принцип очереди", в которой все равны, что обусловливается коммунальным характером среды и значимостью всех элемен-

- 157 -

тов для выживания системы, затрудняет формирование лидера, нивелирует индивидуальную результативность и не способствует возрастанию общей эффективности.

18. Солидарная ответственность в общей системе хозяйственных связей имеет своей обратной стороной многократно описанную "коллективную безответственность", что приводит к отсутствию четкой связи между затратами и результатами. Следствием этого является снижение мотивации к экономии ресурсов, повышение материалоемкости, снижение эффективности производства продукции и услуг.

19. Выравнивание условий деятельности с целью облегчения процесса согласования упраздняет "социальное сравнение" - отмеченный еще Марксом двигатель индивидуальной активности и производительности, что в тенденции ведет к снижению роста производства.

20. Необходимость выживания всех, поддерживающих (или причастных) функционирование коммунальной среды, ведет к перераспределению ресурсов в общих интересах, в том числе от эффективных - к неэффективным, тем самым ограничивая лучших в дополнительных источниках развития. Отсюда - недостаточный рост производства.

В X- и Y-экономиках механизм кризисов находится в самой системе образующих их институтов. В наибольшей мере он является следствием действия (недостаточно распознаваемого) институтов, обеспечивающих механизм обратных связей. Причины кризисов часто имеют внешний характер (войны, открытие или исчерпание источников сырья и т.д.), но то, что эти причины "срабатывают", связано с наличием внутренних предпосылок, вытекающих из особенностей институционального устройства X- и Y-экономик.

Здесь можно привести медицинскую аналогию с раковым заболеванием. В его основе лежит естественный механизм деления клеток, обеспечивающий развитие живых организмов. Рак же представляет собой неконтролируемое, "сверх меры" развитие клеток, что приводит к угрозе жизни. Борьба с ним - введение этого процесса клеточного деления в нормальное русло. Борьба с кризисами в экономических системах - это также возвращение к норме, т.е. к институциональному равновесию. Поэтому механизм преодоления кризисов включает в себя компенсирующее влияние комплементарных институтов, сознательное дополнение ими институциональной структуры, складывающейся стихийно. Для X-экономик - это внедрение института прибыли и других альтернативных институтов, которые включают механизмы противостояния стихии падения производства. Для Y-экономик - развитие института пропорциональности и других институтов в виде программ государственной поддержки, создания условий прозрачности информации для всех участников рынка и т.д.

- 158 -

9.3. Цикличность развития и институциональный баланс

Институциональные матрицы, лежащие в основе общественных структур, обеспечивают их существование и развитие. Представление об институциональных матрицах отражает известную философскую позицию, согласно которой принятое и существующее в природе - в том числе и социальной - целесообразно. Такое представление соответствует сформулированному Богдановым в его работе "Тектология" принципу отбора социальных комплексов: "В обществе, в отдельном его классе, во всяком коллективе из числа вновь возникающих человеческих группировок, отношений, идей удерживаются и сохраняются те, которые соответствуют постоянным и общим условиям его жизни, распадаются и исчезают, те, которые в противоречии с ним" (Цит. по: Франчук, 2001. С. 106). Институциональные матрицы с комплексом присущих им базовых институтов X- и Y-экономик обеспечивают целостность естественно существующих социальных и хозяйственных систем. В то же время, как и все естественные системы, общества, а также X- и Y-экономики развиваются циклично. "Вдохи" и "выдохи" экономических систем, или их подъемы и кризисы, имеют, таким образом, неизбежный и каждый раз исторически преходящий характер. Мы не можем их отменить, но можем попытаться понять, что способствует естественному и безболезненному проявлению этих процессов, а что их осложняет, увеличивая социальные издержки и снижая эффективность общественного экономического развития.

Принимая заданность характера эволюции экономической системы, определяемую типом институциональной матрицы и характером базовых институтов X- или Y-экономик, мы одновременно фиксируем, что внутри этого эволюционного процесса имеет место циклическая повторяемость изменений, в отношении которых можно выявить некоторые закономерности. На данный эффект обращал внимание Ю.Н. Давыдов в своем анализе взглядов Н.Д. Кондратьева на процессы социальных изменений. Он пишет, что Н.Д. Кондратьев различает два типа социально-экономических изменений: эволюционные, характеризующиеся необратимостью (соответственно, неповторимостью) и циклически-волнообразные (обратимые и, стало быть, повторимые). Связь между выделением им изменений второго типа в особую группу, акцентирующим их совершенно особый статус, и общей концепцией автора теории "длинных волн" экономической конъюнктуры, очевидна. Менее

очевидна теоретическая значимость кондратьевского стремления акцентировать необратимость (и, соответственно, неповторимость) как атрибут более фундаментальных изменений, получающих значимость эволюционных именно в связи с этой своей особенностью. А это придает эволюции дополнительный смысл, связывая его не только с идеей непрерыв-

- 159 -

ности, но и с принципом их однонаправленности, - в противоположность циклически-волновым изменениям, постоянно меняющим свое направление (*Давыдов, 1998*). Применительно к нашему случаю это означает, что циклические, меняющие свое направление изменения экономической системы не отменяют ее движения по эволюционному, определенному типом институциональной матрицы и характером базовых институтов пути. Вслед за *Давыдовым* мы можем сказать, что "Нам важно констатировать факт логически неизбежного "...соприсутствия" на единой "генеральной линии" эволюции двух взаимоисключающих перспектив, каждая из которых представляется необратимо однонаправленной" (*Давыдов, 1998. С. 57*).

Институциональное развитие, таким образом, мы понимаем как последовательно сменяющие друг друга фазы саморегуляции, приводящие через временные хаосы и кризисы к возобновлению процесса саморазвития. Если в ходе такого развития создание, внедрение и аккультурации новых необходимых институциональных форм опережают процесс разрушения старых, тогда можно говорить о прогрессивном развитии. Если интенсивность второго процесса выше - то наблюдается временный регресс.

Естественность процесса формирования, прорастания новых институциональных форм и отбрасывания отживших опосредуется человеческой деятельностью. Ее смысл часто заключается в том, чтобы цикличность развития оказалась не столь резкой и болезненной, какой она может быть, осуществляясь стихийно. Еще *М.В. Ломоносов* в отношении истории (в частности, российской) отмечал, что "за каждым несчастьем следует благополучие больше прежнего, а за каждым упадком - высшее восстановление" (*Надточий, 1998. С. 143*). Понимая и принимая это как историческую неизбежность, социально-экономическая практика тем не менее вырабатывает способы сделать этот процесс более полезным и менее разрушительным.

Сглаживание цикличности экономического развития достигается различными способами. Мы обратим внимание на весьма распространенный способ, особенно отчетливо проявляющийся во времена кризисов, а именно - преодоление цикличности посредством институционального обмена. Рецепции в виде заимствования и усвоения социальных институтов иных обществ и предшествующих периодов - известный механизм социальной эволюции, описываемый многими авторами (см., например, *Фигатнер, Перепелкин, 1996; Франчук, 2001* и др.). Характер институциональных обменов во взаимосвязи с циклическим развитием экономики России рассмотрен в монографии *О.Э. Бессоновой* "Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России" (*Бессонова, 1999*). *А. Олейник* исследует процесс современных российских реформ как сознатель-

- 160 -

ного формирования новой институциональной системы на основе заимствования институциональных образцов (*Олейник, 1997*).

В дополнение к выводам этих и других авторов, мы подчеркнем, что целью заимствования институтов, помимо уже отмеченных моментов, является стихийно проявляющее себя стремление формирования в экономической системе институционального баланса. Институциональный баланс представляет собой исторически находимую пропорцию, приемлемое соотношение базовых и комплементарных институтов. При его достижении разрушительное - в пределе - действие базовых институтов сдерживается, демпфируется, сглаживается действием институтов комплементарных, поскольку они представляют собой социальные отношения, сформированные для реализации одной и той же экономической (социальной) функции.

Институциональный обмен неизбежно сопровождается явлением институционального изоморфизма. Теории институционального изоморфизма первоначально разрабатывались в социологии организаций (*DiMaggio, Powell, 1983*), и описывают три конкретных механизма, посредством которых реализуются процессы институционального изоморфизма. Во-первых, миметические, т.е. посредством "подражательного поведения" фирм или организаций. Во-вторых, нормативные, когда идет процесс обучения "по одинаковым учебникам", и, в-третьих, принудительный, когда государственные и надгосударственные организации и агентства осуществляют контроль деятельности организаций "первого порядка" с помощью единообразных и кодифицированных норм, правил, процедур. В настоящее время явление институционального изоморфизма рассматривается на уровне взаимодействий обществ между собой в рамках "глобального общества" (*Девятко, 2001*) и в теориях международных отношений (*Никитченко, 1996*).

В экономической науке концепция институционального изоморфизма развита Дж. Кэмпбеллом (*Campbell, 1993*), который объясняет разнообразные механизмы заимствования институтов или развития сходных форм воздействием одинаковой внешней среды. Он выделяет принудительный изоморфизм, когда новые формы насильственно навязываются побежденной, например в ходе войны, стране. (Приводится навязывание Японии после второй мировой войны норм американской политической и правовой системы.) Кэмпбеллом выделяется также подражательный изоморфизм, когда заимствуются и внедряются выбранные за образец формальные нормы из другого общества. Наконец, он отмечает конвергентный изоморфизм, т.е. одинаковые "ответы" на одинаковые "вызовы".

И для социологов, и для экономистов в понимании институционального изоморфизма присутствует важный момент. Он заключа-

- 161 -

ется в том, что заимствование институтов, т.е. "пересаживание" их из одной среды в другую, - неважно, как это делается, - предполагает их приспособление, адаптацию к условиям той системы, в которой им предполагается действовать. Мы уже отмечали, что в условиях доминирования институтов X- или Y-экономик действие альтернативных институтов имеет опосредованный характер. Понятие институционального изоморфизма позволяет уточнить это положение. Комплементарные институты, действующие в условиях иной экономической системы, изоморфны. Соответственно, характер их проявления, как и свойства, несмотря на внешнюю похожесть, иные. Первая вышедшая в России на эту тему монография С.С. Утиновой "Изоморфный рынок труда в России" показывает это на примере того, как проявляет себя рыночный Y-институт наемного труда в условиях современной России.

Поиск институционального баланса, сопровождающий попытки преодоления кризисов экономического развития, является непростым делом. Внедрение альтернативных институтов "сверх меры" может приводить к обратному эффекту: попытки дополнить институциональную среду комплементарными институтами не усиливают, а ослабляют социальную структуру. В этом отношении показателен опыт России. Исследовательница из Франции Бане на основе исторического анализа показала, что глубокие российские реформы в XIX и XX вв. тесно связаны с изменениями в международной системе и заимствованием ряда зарубежных образцов и норм в российскую практику. Сравнительный исторический анализ реформ Александра II и М. Горбачева, а также реформ предшествующих периодов привел ее к выводу, что "реформы ведут к более слабой, но более либеральной России" (Bunce, 1993. P. 129).

Естественно-исторический характер экономических систем выражается в том, что рано или поздно, тем или иным образом (порой - через революции), но непременно включаются внутренние механизмы, тормозящие прием таких ненужных, ослабляющих страну инноваций. "Сверх-внедрение" альтернативных форм приводит к эффекту экзостинга (exhausting effect), т.е. дальнейшего ограничения внедрения в систему этих форм.

9.4. Резюме

Свойственное X- и Y-экономикам циклическое развитие имеет, помимо известных материальных предпосылок, также институциональные механизмы. Таким механизмом является нарушение оптимального баланса базовых и комплементарных экономических институтов. Доминирование базовых институтов без доста-

- 162 -

точной роли институтов комплементарных ограничивает возможности развития хозяйственных систем. Поэтому тотальное доминирование X-институтов в X-экономике или, наоборот, Y-институтов в Y-экономике, приводит к экономическим кризисам. В свою очередь, навязывание экономике тем или иным образом чрезмерного количества комплементарных институтов, сопровождающее обычно фазу борьбы с кризисом, институтов, противоречащих типу институциональной матрицы и характеру экономической системы, также, в конце концов, ослабляет общественную систему. Тогда начинает действовать эффект экзостинга, т.е. экономика перестает воспринимать чрезмерные инновации. Преодоление неприятных последствий цикличности, естественно сопровождающей процесс развития хозяйственных систем, возможно благодаря пониманию закономерностей институционального развития. Одной из таких закономерностей является взаимосвязь устойчивого экономического развития и оптимального баланса базовых и комплементарных институтов для X- и Y-экономик. Такого баланса, который соответствует всему комплексу культурных, цивилизационных, социальных условий.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО РАЗДЕЛУ II В ЦЕЛОМ

Почему X-экономика не изучалась столь подробно, как Y-экономика? Мы полагаем, что это следствие европоцентристского характера современной социальной науки, а также индивидуалистической ориентации гуманитарного знания западных стран, свойственного ему методологического индивидуализма, рассматриваемого как фундамент социальной и экономической науки.

Обусловленный этими принципами слабо выраженный холистский подход не позволяет ученым Европы и США, по их собственному признанию, увидеть целое, которое включает в себя экономики другого типа, также динамично развивающиеся. Европоцентризм выражается в том, что социальная наука сосредоточивается на истории и культуре Европы; для нее характерна тенденция не замечать или пре-уменьшать вклады других культур (Элман, 2001. С. 3). Хотя разработчики новой теории мировой системы (the world system) Франк и Гиллс (Frank, Gills, 2000) полагают, что начало мировой системе было положено не в Европе в XV в., а в Западной Азии более 5000 лет назад. Уже в то время оформились два типа экономических систем, и поныне сохраняющих свои типические особенности-Х-экономика Египта и Y-экономика Месопотамии (подробнее см-Кирдина, 2001. С. 85-93).

- 163 -

Экономическое развитие планеты характеризуется постоянной сменой полюсов экономического развития. Сейчас на мировой арене доминируют государства с Y-экономикой, а вплоть до 1820 г. Китай, Индия и Япония т.е. страны с X-экономикой, производили большую часть мирового валового продукта (Maddison, 1998. P. 40). Прогноз на ближайшие десятилетия вновь предсказывает перемещение полюса экономического развития в страны этого региона. Поэтому изучение законов функционирования и того, и другого типов экономик не только интересно, но важно в практическом плане. Конечно, изучение X-экономик более актуально для нас, живущих в такого рода хозяйственной системе. Оно нам и более посильно, поскольку составляет часть нашего бытия. Поэтому в изложении базовых институтов X- и Y-экономик мы непропорционально много -

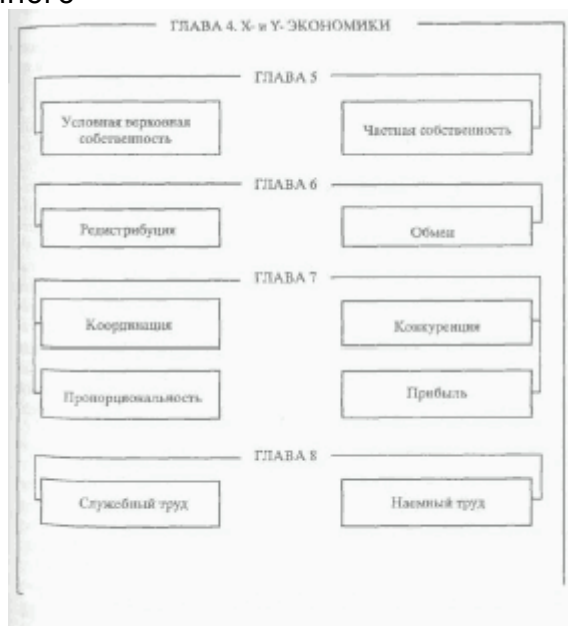

Рис. 8. Блок-схема Раздела II.

- 164 -

по отношению к другим иллюстрациям - отвели места материала по экономической истории и практике России.

Анализ становления и развития институтов в неинституциональной теории продуктивно использует категорию трансакционных издержек. Из множества

форм и способов социальных связей закрепляются, получают устойчивое значение те, которые позволяют экономить транзакционные издержки участников процесса. Экономичность определяется на основе многократного повторения и сравнения различных процедур, что рано или поздно приводит к закреплению в общественном и политическом сознании представления об эффективности одних порядков в сравнении с другими. Научное осмысление этого опыта в виде концепции X- и Y-экономик (рис. 8) может быть весьма целесообразно, поскольку позволяет направить и ускорить процесс отбора институциональных форм, осуществляемого в обществах, как правило, стихийно.

Концепция X- и Y-экономик может пролить свет и на некоторые далекие, казалось бы, вещи. Мы, например, заметили, что одни и те же констатации в условиях разных экономик могут приобретать очень разное содержание. Например, что такое государство в X- и Y-экономиках? Не вдаваясь в глубокие теоретические дискуссии, приведем два отдельных мнения. Людовик XIV утверждал, что "государство - это я", придавая ему частнособственнический, как бы мы сейчас сказали, характер. А В.И. Ленин предложил такое понимание: "государство - это мы"¹, акцентируя внимание на коллективной стороне дела, что соответствует типу условной верховной собственности в коммунальной материальной среде. Разве не позволяет специфика двух экономических систем объяснить нам такое противоположное толкование государства у двух разных государственных деятелей? Конечно, мы не претендуем на универсальность представленной концепции. Анализ экономической действительности, такой сложной и динамичной, требует множества исследовательских схем для "схватывания" этой сложности. Дай Бог, если с помощью теоретического представления об X- и Y-экономиках мы получим хотя бы крупицу нового знания, приближающего - или удаляющего? - нас от познания истины.

1. Мы позаимствовали это забавное противопоставление высказываний двух исторических личностей на сайте: <http://slava.fateback.com/>.

Раздел III**ПРИЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ
X- И Y-ЭКОНОМИК**

Самое трудное - достичь простоты. Не кристальной простоты идиотизма, а той, которая постигла сложность и переросла ее.

Неизвестный автор

Теории и концепции красивы и интересны не только сами по себе, как новые объяснительные схемы функционирования той сферы реальности, по поводу которой они построены. Не менее важна их методологическая, инструментальная функция, заманчиво их приложение к смежным вопросам, к практике, к неразрешенным другими теориями моментам. При этом теория, на наш взгляд, инструментальна, если она позволяет упростить рассмотрение, ясно и очевидно представить то, что без применения теории неясно и непонятно. Вернемся к нашей аналогии роли теоретического инструмента как нового средства познания, наряду с техническими, например, с микроскопом. Наводя микроскоп на предмет, мы увидим то, что без микроскопа не видно. Также и хорошие теоретические схемы - "приложив" их к реальности, увидишь то, что не замечал "теоретически невооруженным" глазом.

В этом разделе мы представим три способа приложения концепции X- и Y-экономик, позволившие, на наш взгляд, получить неожиданные результаты, обнаружить те связи, которые до этого не были явно обозначены. В Главе 10 институциональная концепция X- и Y-экономик используется для демонстрации различия денежных (финансовых) феноменов в разных типах экономических систем. В Главе 11 наша теоретическая схема применяется в качестве инструмента социально-экономической диагностики и перспектив развития конкретного объекта, что было задачей прикладного управленческого консультирования. В Главе 12 концепция институциональных матриц и ее раздел об X- и Y-экономике использованы в качестве способа систематизации истории экономических исследований, накопленных в российской школе экономической мысли, и построения на этой основе новой историографии экономических теорий.

Глава 10**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕНЬГИ, ИНВЕСТИЦИИ
И НАЛОГИ**

*Срезаем шелуху фактов
методологической бритвой.*

А. Кара-Мурза

Многим профессиональным экономистам, изучающим "узкие" темы с помощью архивных источников, специализированных исследований, особо подобранной статистики, может показаться довольно странным, что некто, не занимавшийся ранее исследованиями в данном направлении, теперь пытается заявить об открытии здесь закона или увидеть новое в том, что специалистам-профессионалам этой области достаточно хорошо известно. Такого рода вопросы часто возникают на стыке отраслевых и общеэкономических исследований, исторических и метаисторических работ. Вот как на этот вопрос отвечают, например, историки: "совершенно очевидно, что для понимания исторических процессов необходимы как специалисты, способные к освещению частных исторических эпизодов на основе первичных источников, так и специалисты (генералисты), способные к обобщению в более широких перспективах тех фактов, которые были открыты ранее другими специалистами" (Эллман, 2001. С. 7). На наш взгляд, такая перспектива справедлива и в отношении социально-экономических исследований. Общие концептуальные схемы, построенные на обобщении (генерализации) многих фактов и долгосрочных исторических периодов, могут быть "возвращены" или приложимы к конкретным сферам для иной фокусировки исследовательского внимания. Они могут предлагать рассмотрение уже известных экономических феноменов в новых, возможно, непривычных и неожиданных, а потому некомфортных для специалистов, ракурсах. Поэтому мы заранее приносим свои извинения уважаемым коллегам, специализирующимся на изучении финансов, налогов и инвестиций, как и специалистам в области изучения истории экономической мысли, свое "вмешательство" в сферу их традиционных интересов.

- 167 -

10.1. Природа денег и инвестиций в X-экономиках

Из учебников по экономике известно, что еще в XVIII в. великий философ Дэвид Юм, занимаясь изучением взаимосвязи изменений в денежно-кредитной системе с динамикой макроэкономических показателей, выдвинул предположение о том, что все экономические характеристики следует разделить на две группы. Первую группу составляют номинальные переменные, т.е. величины, измеряемые в денежных единицах, а вторую - реальные переменные - величины, измеряемые в физических единицах. Такое разделение называют классической дихотомией (Мэнкью, 2002. С. 381). Этот подход обосновывает независимость реальных переменных от изменений в денежно-кредитной системе, что носит название нейтральности денег. Хотя этот тезис считается не всегда подходящим для анализа поведения экономики в краткосрочном периоде, для описания экономики в долгосрочном периоде большинство экономистов используют положения, введенные Д. Юмом (Там же. С. 382).

Вне контекста хозяйственной системы деньги и соответствующие им категории (финансы, инвестиции и др.) не существуют. Поэтому, на наш взгляд, экономическая наука, - мы не имеем в виду другие отрасли знания - философию, психологию, социологию и т.д., - не может выработать специальный понятийный аппарат для описания сущности денег "самих по себе". Тем не менее для денег, как ни для какой другой экономической категории, характерна фетишизация, т.е. абсолютизация внешнего, наблюдаемого; и поэтому попытки построения теории денег вне рассмотрения их роли в системе хозяйственных отношений предпринимаются с завидным постоянством¹. Наш вывод о невозможности построения единой теории денег

для экономик "всех времен и народов" может быть подтвержден результатами западной компаративистики. Одним из итогов исследований в этой области становится понимание того, что классические категории абстрактной "субстанциальной" экономической теории - цена, деньги, издержки, - примененные к анализу конкретных исторических ситуаций или анализу разных систем, обретают не тождественный смысл (Loucks, Hoot, 1948).

Можно видеть, таким образом, что деньги не образуют самостоятельный феномен экономической системы. Это термин, который служит для номинального описания, фиксирования, обслуживания реальных экономических процессов. Такое понимание денег приближает нас к тому, чтобы рассмотреть их природу с точки зрения институционального подхода, развиваемого в этой работе. На наш

1. Известный нам недавний пример попытки построения политэкономической концепции денег вне их связи с производственными и хозяйственными процессами - монография Д. Гогохия "Назначение денег" (Гогохия, 2003).

- 168 -

взгляд, деньги можно представить как одну из форм бытия определенных хозяйственных отношений. Развитие общества по мере возрастания его сложности ведет, как известно, к распространению все более отчужденных форм связей между людьми, участниками социальной деятельности. Деньги по сути - это формализация неформальных ранее обязательств участников экономической деятельности по отношению друг к другу, представление этих обязательств в такой форме, которая может передана другим участникам, "понята" ими и принята к исполнению. Посредством денег выражается признание общественного характера и востребованности затраченного труда. Поэтому можно заключить, что деньги представляют собой исторически выработанную форму институционализации доверия в экономической системе, без которого нет устойчивых отношений. Показателем этой их особенности служит отмечаемая как в обыденной жизни, так и в экономической литературе следующая закономерность: "Когда возникает угроза падения стоимости денежных накоплений, у товаропроизводителей появляются стимулы накапливать не деньги, а товары" (Гогохия, 2003. С. 145). То же справедливо и для и потребителей благ: вне процесса оборота благ, который обслуживают или могут обслуживать деньги, они никому не интересны. Поэтому основной тезис, который мы формулируем в настоящей работе, состоит в следующем: деньги (финансы) - не самостоятельный феномен, а отражение всего строя экономической жизни. Их анализ без учета особенностей институционального устройства X- и Y-экономик невозможен.

Мы попытаемся показать особенности функционирования денег в разных типах экономик на основании сопоставления действующих в них инвестиционных механизмов. В условиях расширенного воспроизводства деньги (финансовые инструменты), как правило, отождествляют с инвестициями. В настоящее время проблема инвестирования является одной из наиболее обсуждаемых в российской хозяйственной практике и, соответственно, отечественной науке. Естественно, что рост экономики невозможен без авансирования на эти цели финансовых ресурсов, т.е. предоставляемых до получения результатов. Но деньги сами по себе не приводят к экономическому росту. Кредитование, или направление финансовых (денежных) ресурсов, эффективно, когда оно направлено на конкретные реализуемые проекты². Наша задача - рассмотреть инсти-

2. В экономической литературе чаще рассматриваются материальные предпосылки процессов инвестирования. Например, В.И. Маевский, работающий в области эволюционной экономики, связывает рост кредитования с фазой вхождения новой макрогенерации в экономическое пространство страны. Основное внимание он уделяет анализу признаков зарождения новых макрогенераций, соотносению снижения рентабельности старых и ожидаемой высокой рентабельности новых (Маевский, 1997. С. 61).

- 169 -

туциональные механизмы такого кредитования, складывающиеся в X- и Y-экономиках.

Для этого мы предлагаем сопоставить взгляды на природу и сущность денег, а также реализуемых инвестиционных механизмов двух авторов, специально занимавшихся анализом денежного обращения в разных типах экономик. На наш взгляд, это сопоставление подтверждает тезис о необходимости рассмотрения денег в контексте тех экономических систем, в которых они действуют. В данном случае сопоставляются взгляды русского экономиста XIX в. Сергея Федоровича Шарапова, пытавшегося непредвзято анализировать российское денежное обращение и выявившего, на наш взгляд, существенные его особенности, характерные для X-экономик. С другой стороны, излагается подход гораздо более известного и признанного австрийского экономиста Йозефа Алоиса Шумпетера, давшего анализ механизмов инвестиций в рыночных Y-экономиках. Для наглядности и экономии места результаты сопоставления представлены в табл. 1.

В ней слева представлены особенности позиций двух авторов, позволяющих трактовать их взгляды как реализацию институционального эволюционного подхода к анализу денег, выделяющие общность позиций по рассматриваемым вопросам. В следующих двух колонках приводятся цитаты из работ Шумпетера и Шарапова, которые подтверждают (раскрывают) содержание их взглядов, подлежащих предмету анализа (рассмотрение денег и инвестиций в разных экономиках в контексте всего строя хозяйственной жизни соответствующих обществ).

По данным таблицы, **общим** в подходах обоих авторов является следующее:

- деньги (финансы) рассматриваются не как самостоятельный, живущий по собственным законам институт, но как "флер" существующих экономических отношений, как исторически сложившаяся формализация существовавших неформально характеристик доверия и обязательств участников хозяйственных связей, в которых выражается гарантия возмещения произведенных затрат;

- деньги являются одной из характеристик существующей экономической системы и не могут рассматриваться в отрыве от нее;

- механизмы развития выводятся из специфики экономических систем, деньги (финансы) лишь "атрибутируют", обозначают эти механизмы, не составляя их содержания или движущей силы;

- в развивающихся экономиках важнейшая функция денег (финансов) - эффективно опосредовать механизмы развития, содействовать формированию аттракторов экономического роста, в ходе которого по-новому распределяются средства между сегментами экономики с преимущественным поощрением более результативных хозяйственных акторов;

- 170 -

Таблица 1

Общее во взглядах Й. Шумпетера и С.Ф. Шарапова, выдвигавших идею выпуска

денег (кредитной эмиссии) как механизма развития экономики в разных типах хозяйственных систем*

№	Общность позиции	Цитаты из работ Шумпетера	Цитаты из работ Шарапова
1	Исторический эволюционный подход	"...каждое последующее историческое состояние может быть адекватно понято из предыдущего" (с. 149). "Таким образом, картина будет меняться не произвольно, а в каждый последующий момент согласовываться с предыдущим состоянием. Это можно назвать "принципом непрерывности Визера" ("Wiesers Prinzip der Kontinuitat") (с. 63).	"Все задатки превосходной абсолютно-денежной системы у нас были самобытно выработаны историей. Все старые нестройные и неловкие, может быть, государственно-кредитные учреждения не были придуманы в кабинетах ученых-теоретиков, а были выработаны здравомыслящими практиками в ответ на требование жизни, а не по книжному рецепту. Если бы среди водоворота новых идей мы оказались немного менее легкомысленными, если б в нас было чуть крепче уважение к своей истории и ее двигателям, мы, вместо того, чтобы злобно топтать в грязь все, что было связано с пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то ценное, что в ней было, мы уже имели бы теперь настоящую, отвечающую науке и нашим нуждам денежную систему" (с. 292).
2	Деньги (финансы) - не самостоятельный феномен, а отражение всего строя хозяйственной жизни. Их анализ вне особенностей социально-экономической системы невозможен	"...деньги в известной степени представляют собой флер, окутывающий экономические факты и явления" (с. 121). "Однако, в той мере, в какой речь идет о рыночном хозяйстве, для основ теории не имеет никакого значения, что представляет собой данное рыночное хозяйство: систему самого примитивного	"...финансовой науки, годной для всех времен и народов, устанавливающей точные законы денежного обращения (ибо это и есть в строгом смысле предмет финансовой науки как части политической экономии) нет и не было" (с. 260). Вот почему здоровая и ясная финансовая теория, не чужая, не заимствованная, а своя, оригинальная, построенная на тех же

обмена охотниками рыболовами сложный организм, который мы можем наблюдать се- между началах, на которых и зиждется наша государст- или организм, мы можем

- 171 -

№	Общность позиции	Цитаты из работ Шумпетера	Цитаты из работ Шарапова
		<p>годня. Основные черты, контуры полностью одни и те же, и здесь ничего не меняет даже то обстоятельство, как ведутся народнохозяйственные расчеты: при помощи денег или без них. Мы уже успели заметить, что денежное обращение в подобном хозяйстве является просто вспомогательным техническим средством, ничего не меняющим в сути дела. Как бы значительно современное хозяйство ни отличалось от примитивного, по существу, как в одном, так и в другом, происходит одно и тоже" (с. 129). "Создание покупательной способности в принципе характеризует способ, которым осуществляется развитие в открытой экономике" (с. 216).</p>	<p>венность - так необходима для нас" (с. 272). "С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. ...Но в сущности это были не деньги, а был "всем нужный товар", разделенный на точные весовые количества" (с. 261).</p> <p>Таким образом рубль - это "идейная единица меры ценностей, выражающая собой только акт посредничества верховной государственной власти в наших хозяйственных сделках" (с. 274) "Экономия и финансы - суть великие орудия общежития человеческого" (с. 317).</p>
3	<p>Два фактора производства - труд и земля</p>	<p>"Но производить - это значит не просто задействовать силы природы (в этом смысле она производит сама), но комбинировать имеющиеся в производстве вещи и силы" (с. 72). "Эти вещи</p>	<p>Создание нового - это задействование "непроизводительно лежащих труда и естественных богатств" (с. 283).</p>

	и силы, которые мы можем комбинировать, представляют собой в конечном счете продукты (услуги) труда и земли" (с. 76).
4 Роль предпринимателя (изобретателя)	"Предпринимателем же мы называем хозяйственных субъектов, функцией которых является "Изобретатель (обычно "человек голодающий") - владыка... Да так и должно быть, ибо

- 172 -

№	Общность позиции	Цитаты из работ Шумпетера	Цитаты из работ Шарапова
	как главной фигуры экономического развития	как раз осуществление новых комбинаций и которые выступают как его активный элемент. ...Мы связываем это понятие с функцией и со всеми теми индивидами, которые действительно осуществляют ее при любой общественной формации" (с. 160-170).	изобретатель изображает цвет лучшей формы человеческого труда - труда умственного" (с. 283).
5	Выделение двух разных типов экономик	"...экономический уклад, в котором блага, нужные для нового производства, изымаются из своего привычного кругооборота в результате вмешательства новой покупательной способности, то есть посредством процессов купли-продажи на рынке, является капиталистическим; там же, где это происходит посредством осуществления командной власти или по соглашению всех участников, налицо экономический уклад, в котором процессы протекают без участия капитала" (с. 231-232).	...наше горе в том, что нам приходится изучать совершенно неподходящие для нас системы, чувствуя, как их положения не сходятся с русской жизнью..." (с. 261). "Золото для нас в нашей торговле с иностранцами - чужие деньги, хотя частью и изготовленные на нашем монетном дворе, но приравненные не к русским, а к латинским деньгам" (с. 270).
6	Кредитная	"Кредит открывает	"Отпечатанная до момента

<p>эмиссия (выпуск бумажных денег) как механизм развития</p>	<p>предпринимателям доступ к народнохозяйственному потоку благ... Предоставление кредита в этом смысле действует как своего рода приказ народному хозяйству приноровиться к целям предпринимателя, поручение (ордер) на получение нужных ему благ, как вверение ему производительных сил" (с. 216). Главная задача банков - "производить" специальный товар - деньги, кредит, "новую покупательную силу" (с. 167). Банк - "феномен развития, впрочем, лишь там, где социально-экономическим процессом не управляет ко-</p>	<p>ее выпуска в публику бумажка - это ассигновка на труд, расчетный знак, ожидающий сделки, которая пока еще не совершена" (с. 282)."При кредитовании рубль действует как мнимый капитал, хотя действует как капитал реальный, с целью оживить и оплодотворить народный труд и его производительность до необходимого предела... Основную роль играет центральное государственное учреждение, роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него власти" (с. 266-267).</p>
---	--	---

№	Общность позиции	Цитаты из работ Шумпетера	Цитаты из работ Шарапова
7	<p>Эластичность и установление пределов кредитной эмиссии (выпуска денег)</p>	<p>мандная сила. Банкир делает возможным осуществление новых комбинаций и, выступая от имени народного хозяйства, выдает полномочия их осуществления" (с. 169).</p> <p>"Банки должны предоставлять кредиты только в таком объеме и с таким расчетом, чтобы вызываемая ими инфляция носила умеренный характер и была временной" (с. 225). "Создание новой покупательной способности имеет прочные, хотя и эластичные, пределы. Частнохозяйственный механизм "торможения", обеспечивающий строгое соблюдение рассматриваемых пределов,</p>	<p>"Увеличение числа знаков необходимо и полезно до тех пор, пока новые, добавочно выпускаемые их количества вызывают новый, не производившийся дотеле труд или возвышают производительность и результаты труда прежнего" (с. 282). "...и по движению вкладов можно было судить о состоянии промышленной и торговой деятельности в стране. Рост числа вкладов - застой промышленности, для</p>

закljučается в том, что ее оживления уменьшается любое другое поведение в процент платимый и процент условиях оживленного по выдаваемым ссудам. Если спроса на кредиты со все равно деньги стороны предпринимателей накапливаются - можно означало бы для банков начинать новый проект вроде убытки. Эти убытки Сибирской ж/д или возникают каждый раз, государственное когда предпринимателю не предприятие. Рост числа удается произвести товары, требований на деньги - стоимость которых, по оживление торговли, нужда в крайней мере, была бы денежных знаках, можно равна величине повесить процент. Если, полученного кредита и несмотря на это требования выплачиваемым процентам. на ссуды продолжают Считается, что банк увеличиваться - выполнил свою задачу, Центральному когда предпринимателю народнохозяйственному удалось добиться этого" (с. учреждению знак выпуска новых дензнаков" (с. 291-292).

8 Организатор кредитной эмиссии (выпуска бумажных денег)	"Процент по кредитам на нововведения - это часть предпринимательской прибыли, она - его источник, он представляет собой обособившуюся"	Пример: "Выпускается на 50 миллионов кредитных билетов, которые идут в дело, целиком распределяется среди работников и промыш-
---	--	--

№	Общность позиции	Цитаты из работ Шумпетера	Цитаты из работ Шарапова
	претендует на свою долю доходов	ся часть ее. Другими словами, банкир и предприниматель делят между собой эту получаемую в производстве прибыль (или убытки, то есть невозвратность кредита)" (с. 311). "Процент не является, подобно предпринимательской прибыли, самостоятельным продуктом развития, понимаемым как своего рода премия за определенный успехи, при том даже условия,	ленников, создающих и дорогу, то есть запускается труд, который иначе не был бы совершен. Государство выдало ассигновку на труд, этот труд совершился, дорога построилась, ассигновка оплодотворилась народным трудом, стала реальными деньгами, орудием торговых и промышленных оборотов, которых без этой дороги бы не было" (с. 283-284). "А потом, когда дорога построена и функционирует как

что он проявляется в имуществе, приносящее процесс развития. Он, доход, то капитал скорее, тормоз - становится реальным и впрочем, в рыночном государство получает с хозяйстве него свою прибыль" (с. 301).
 необходимый тормоз - 301).
 развития, некая
 разновидность "налога
 на
 предпринимательскую
 прибыль"" (с. 381).

9 В экономической ЖИЗНИ следует соотносить государственное (централизованное) и частное начала

"Переложение практики учреждения новых предприятий на государство или крупные концерны способствует сглаживанию волнообразного движения, уменьшает опасности возникновения кризиса и последствий кризисных явлений. Возможно и целесообразно введение специальной кредитной политики центральных эмиссионных банков и оказывающей влияние на частные банки, которая служит "особой разновидностью плановой экономики""
 "При системе финансов, находящейся в распоряжении центрального государственного учреждения, ведающего денежным обращением, господство биржи в стране становится невозможным" (с. 303). "При этом мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные частные капиталы будут работать параллельно, не мешая друг другу. Различаются они по долгосрочным менее доходным, но нужным для государства и краткосрочным, более доходным (для частного капитала) целям и, соответственно, направлениям деятельности" (с. 308).
 (с. 429-430).

* Цитаты даны по работам: Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры). М., 1982; Шарапов С.Ф. Экономика в русском самодержавном государстве // Экономика русской цивилизации. М., 1995.

- чтобы деньги (финансы) лучше выполняли свою функцию содействия развитию, необходима прозрачность экономической конъюнктуры, обеспечение большей информированности участников о параметрах экономического развития. Это позволит страховать их от ошибок при принятии хозяйственных решений и смягчит неизбежные кризисы, в ходе которых формируется новое равновесие в экономической системе.

Особенным в подходах рассматриваемых авторов является определение институциональных характеристик механизмов экономического развития.

Действительно, инвестиции, которые общество должно обеспечить хозяйствующим субъектам, называемым в концепции Шумпетера "новаторами", готовыми в условиях рынка и неопределенности создавать новые комбинации факторов производства, являются источниками развития экономики. Это развитие невозможно без формирования адекватного механизма, с помощью которого средства перераспределяются от "консерваторов", осуществляющих постоянное воспроизводство (или экономические кругообороты, как называет их Шумпетер), к "новаторам", обеспечивающим развитие.

В обществах с рыночной Y- экономикой основным источником инвестиций служит, как полагает Шумпетер, кредитная эмиссия, осуществляемая частными банками под инвестиционные проекты. Естественным ограничителем этой эмиссии (которая при спонтанном росте может приводить к инфляции и обесцениванию факторов производства, а, соответственно, снижению экономического роста и эффективности) служит частная собственность. Этой же цели, хотя и в меньшей степени, служат комплементарные институты госрегулирования. Другими словами, рамочной, базовой инфраструктурой для инвестиций в Y- экономику является система частных банков, осуществляющих кредитование предпринимателей, а комплементарной структурой - централизованная деятельность государственных органов, обеспечивающих своеобразное "страхование" всех участников инвестиционного процесса.

В отношении X- экономик ситуация иная. Основу инвестирования составляет кредитная эмиссия, осуществляемая Центром (в лице государственных органов, как это полагает Шарапов), который на основании согласованных решений распределяет инвестиционные ресурсы наиболее перспективным участникам. Корректирующим механизмом в данном случае выступают сигналы о пропорциональности развития всех сфер хозяйствования, а также деятельность частных изоморфных структур, конкурирующих за инвестиции на конкурсной основе со структурами государственными.

Посмотрим с этой точки зрения на проблематику капитальных вложений в советской экономике, являвшуюся объектом анализа многих известных ученых страны. (см., например, Кваша, 2003). Ме-

- 176 -

ханизм планового распределения капитальных вложений являлся составной частью социалистической системы хозяйствования и позволял достигать порой выдающихся результатов экономического роста, отмечаемых как сторонниками, так и противниками советского режима. С другой стороны, крах этого механизма одновременно с распадом "реального социализма" показал, что в плане теории и практики вопрос инвестиций удовлетворительно решен не был. Можно предположить, что методологическими изъянами концепции планового механизма, в том числе и в отношении инвестиций, были недооценка роли комплементарных институтов в обеспечении устойчивого функционирования экономической системы, а также недостаточное внимание к сигналам, поставляемым в ходе действия института обратной связи.

Понимание природы инвестиций в X-экономике может помочь выработке платформы современной инвестиционной политики в постперестроечной России. На наш взгляд, проведенный анализ представляет дополнительные теоретические аргументы в поддержку предложений по совершенствованию инвестиционных механизмов, учитывающих своеобразие российской институциональной структуры. Значение бюджетных механизмов для обеспечения этих процессов в российской X-экономике разделяют все большее число специалистов (Ершов, 2003. С. 57) и ученых (Пора вернуться..., 2000).

Показательно предложение академика РАН В.И. Маевского по созданию российского Банка развития, капитал которого формируется государством или в смешанном государственно-частном варианте. Его приоритетной задачей служит финансирование новых технологий и продуктов, а выдача кредитов происходит на конкурсной основе (Там же. С. 29). На наш взгляд, это предложение соответствует природе российского хозяйства, обеспечивает преемственность экономических институтов и одновременно предлагает обновленную форму их проявления - с учетом действия рыночных механизмов.

В поддержку справедливости такого рода политики может свидетельствовать опыт эффективно развивающейся Х-экономики Китая. В современной банковской системе этой страны государство является собственником четырех крупнейших коммерческих банков (так называемой "большой четверки"), которые в 2001 г. контролировали свыше 60% активов банковской системы и рынка депозитов (Кузнецова, 2003. С. 25). Государство является также собственником "политических банков", в том числе Государственного банка развития, импортно-экспортного банка и Банка развития сельского хозяйства. В акционерных банках большие пакеты акций принадлежат государственным предприятиям и местным правительствам (Головнин, 2003. С. 137). Банковская система Китая - один из наиболее подверженных прямому государственному контролю секторов экономики.

- 177 -

Показателен также характер городских и сельских кредитных кооперативов, который отличается от принципов функционирования кредитных кооперативов, действующих в рыночных экономиках. Во-первых, система СКК (сельских кредитных кооперативов) служит не формой институциональной конкуренции для коммерческих банков, а дополнением к ним, охватывая те сферы, которые оказались вне интересов действия других банковских структур. Во-вторых, в Китае они тесно связаны с местными органами власти и в значительной мере контролируются ими. Тем самым создается обособленный кругооборот средств, направленный на использование сбережений населения для финансирования потребностей местных бюджетов и органов власти (Кузнецова, 2003; Головнин, 2003. С. 141).

Сопоставительный анализ природы денег и институциональных механизмов инвестиций в Х- и Y-экономиках показывает их обусловленность всей системой экономических институтов, которая имеет место в обществах соответствующей социетальной природы. Поэтому вряд ли целесообразно игнорировать природу экономической системы при анализе действующих в ней денежных и финансовых инструментов.

10.2. Налоги в Х- и Y-экономиках

С точки зрения развиваемого нами подхода, налоги не относятся к институтам, определяющим тип и характер экономической системы. Но, являясь элементом экономической институциональной среды, налоги представляют собой средство, в котором базовые (и комплементарные) институты находят свое выражение. Иными словами, в соответствии с принятыми нами определениями, налоги есть институциональная форма. Их функции, особенности устройства и действия зависят, в конечном счете, от того, в какой экономике (Х или Y) налоги работают. Иначе говоря, сущность налогов и, соответственно, специфика налоговых систем в редистрибутивных и рыночных экономиках разная. Мы попробуем это показать как теоретически, на основе

предложенного выше понятийного аппарата, так и эмпирически, на основе привлекаемых исторических и современных данных.

Хотя традиционно налоги считаются характерным атрибутом рыночных Y-экономик, мы отступим от принятой последовательности изложения и начнем с анализа природы налогов в X-экономике. Для иллюстраций будем использовать данные отечественной, более известной и близкой нам, жителям России, экономической истории и практики.

На наш взгляд, то, что называют в России налогами (а раньше называли данью, податями, оброком, платежами, платой за фонды

- 178 -

и т.д.), представляет собой экономический инструмент, в котором реализуется прежде всего институт редистрибуции - один из базовых институтов X-экономики. Главным доказательством того, что российские налоги (все перечисленные и неперечисленные их виды) суть формы выражения базового института редистрибуции, является сама история Государства российского. Древнерусская хозяйственная система начала функционировать как единое целое с того момента, когда социальные отношения по предоставлению и сбору дани стали носить устойчивый, повторяющийся редистрибутивный характер: закрепился порядок, предусматривающий аккумуляцию дани, а также определились согласованные процедуры ее использования и распределения. С этого момента становится возможным выявлять и изучать X-экономику как реально существующий феномен. Как Y-экономика начинает свою историю с момента функционирования устойчивых рынков, т.е. становления института рыночных обменов, так X-экономика - как феномен и предмет изучения - возникают, когда можно наблюдать действие института редистрибуции. Первичной, синкретической его формой служила система сбора и использования дани - прообраз всех последующих налоговых систем экономик такого типа. Без понимания природы дани трудно понять современные налоговые системы X-экономик. Поэтому еще раз повторим вслед за К. Марксом: "С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей..." (Маркс, 1955. Т. 13. С. 497).

В параграфе 4.2. мы показали, что действие института редистрибуции, как и каждого из базовых институтов X-экономик, опосредуется и задается всем комплексом. Это означает, что, рассматривая налоги в такой экономике, мы можем проследить то, как отражаются, реализуются в них институт координации, институт служебного труда или институт пропорциональности. Но мы ограничимся демонстрацией того, как проявляет себя при организации налоговой системы институт верховной условной собственности - второй значимый, на наш взгляд, для понимания исследуемого феномена. Итак, попробуем рассмотреть российские налоги через призму понятий института редистрибуции и института условной верховной собственности.

Как это начиналось? Киевская Русь представляла собой союз земель под верховной властью князя, сидевшего на престоле в Киеве. Частной собственности на пахотные участки и угодья не было, они считались "достоянием всей земли". Возможность использования того или иного участка обеспечивалась обязанностью платить с него определенные подати в пользу князя. Население могло свободно переходить с места на место (принимая обязанности вносить известные подати с этих мест), а дружинники - выбирать себе князей, у которых служить. Задача князя как представителя центральной власти по отношению к землям (аналогичным современным регионам) за-

- 179 -

ключалась в обеспечении защиты от нападений и организации суда и управления на территории.

Первые налоги в форме дани служили для финансового обеспечения этих функций. Население, проживающее на территории, оберегаемой дружинами князя, платило в его пользу дань. Дань имела тотальный, всеобщий характер, она представляла собой тягло, т.е. податную обязанность, которой облагались не лицо, не член общины, а все без исключения административно-территориальные единицы, округа, волости как совокупность хозяйств. Дань - это аккумуляция в руках центрального руководства средств, полученных от использования общего ресурса, в данном случае - земли и угодий, с целью дальнейшего их направления на сохранность и расширение этого общего ресурса. Существовала общая ответственность административных единиц (посадов и сельских общин) по обязательному внесению дани - источника общего выживания, в виде круговой поруки³. Дань (подати) и трудовые повинности всегда играли основную роль в защите страны от нападений извне, развитии национального хозяйства и в создании национального богатства страны.

Для первоначального сбора дани князь с дружиной раз в год, начиная с ноября, собирал ее, объезжая земли подчиненных славянских племен (так называемое полюдье), и одновременно осуществлял управление, принимая жалобы населения и верша суд. С XI в. князь поручал сбор дани назначенным им данщикам. Население также самостоятельно привозило дань князю (так называемые повозы). В 947 г. великая княгиня Ольга, столкнувшись с нежеланием древлянских племен повторно уплатить дань ее мужу, князю Игорю, была вынуждена упорядочить сбор дани. Она установила погосты - податные округа, первые единицы административно-территориального деления древнерусского государства. По погостам велся счет жителей, земель и вообще имущества всех видов. Официальное разделение на погосты просуществовало вплоть до 1775 г. (Энциклопедический словарь. Т. 16. С. 835).

3. Круговая порука обеспечивала выполнение территориальными и хозяйственными союзами принятых на себя обязательств. Если в странах Западной Европы ответственность по уплате налогов и сборов носила, как правило, индивидуальный характер, то на Руси имела место коллективная, солидарная ответственность по уплате податей, сборов и повинностей перед верхним уровнем управления. Так, в Московском государстве недобор таможенного и кабацкого доходов мог взыскиваться с посадских и уездных людей, выбравших в целовальники виновников недобора; убытки, причиненные казне подрядчиком, взыскивались иногда с того посада, к которому он принадлежал. Вплоть до XX в. каждое сельское общество, как при общинном, так и при подворном (наследственном) пользовании землей, отвечало круговой порукой за каждого из своих членов в исправном отбывании казенных, земских и мирских повинностей. По указу 1833 г., если недоимка общества возрастала до годового оклада, то ответственность переносилась на всю волость (Энциклопедический словарь. Т. 16. С. 835).

дический словарь. Т. 21. С. 36). Великой княгиней Ольгой были установлены и первые нормативы дани в виде уставов и уроков. "Под именем устава должно разуметь всякое определение, как что-нибудь делать, под именем урока всякую обязанность, которую должно выполнять к определенному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа" (Соловьев, 1988. Кн. 2. С. 148). Внутри погоста разверстка дани производилась самим населением по дымам или по сохам, соответствующим участку земли, обрабатываемой одним домохозяйством. Если сверху государство в лице князя устанавливало размер дани по погостам, то снизу самоуправляющиеся общины распределяли тяготы податного обложения

индивидуально для каждой семьи. Можно сказать, что князь (княгиня) персонифицировал в то время Центр как элемент института редистрибуции, в котором дань аккумулировалась, где осуществлялись процедуры согласования и откуда распределялись имеющиеся средства (услуги).

Усложнение политической и экономической структуры государства не отменяло, но развивало централизованный и иерархический характер древней "налоговой системы" российской X-экономики. Он выражался в том, что верхний уровень территориальной политической структуры имел право налагать на иерархически подчиненные ему поселения различные сборы и подати. Так, Новгород платил дань в пользу князя киевского. В свою очередь, Новгород имел право налагать сборы на население пригородов. Это обуславливалось тем, что города предоставляли сельской округе защиту на период военных действий, торговых походов и проч. в обмен на подати подчиненных им поселений.

Первоначально подати (древние налоги) служили одним из основных материальных благ, подпадающих под действие института редистрибуции. В дальнейшем размер податей был ранжирован не только для земель, имеющих разный статус в территориально-политической иерархии, но стал соотноситься с другими благами (услугами, средствами). Например, подати, помимо содержания княжеского двора, шли на содержание дружины и строительство городов, крепостей и укреплений. Другим способом оплаты дружин со временем становилась раздача так называемых кормлений. Такой порядок сложился еще до окончательного призвания варяжских князей. Так, Е.Н. Стариков отмечает, что, "нанимая дружину с князем, Господин Великий Новгород отводил им "в кормление" определенные волости с населявшими их смердами - вещь совершенно немыслимая для античного полиса" (Стариков, 1996. С. 244). В X-XI вв. эта практика была продолжена, только теперь кормления своим воеводам раздавал сам князь. Размеры кормлений и величина податей соотносились между собой, поскольку служили одной цели. Так происходило становление и усложнение редистрибутивной экономики, в которой

- 181 -

налоговая система оказалась составным элементом, взаимодействующим с другими.

Постепенное дополнение налоговой системы Российского государства другими элементами редистрибутивного экономического механизма ярко иллюстрирует строительство учреждений Московского царства. Когда в результате многочисленных челобитий (жалоб) местного населения на несправедливое управление воевод Иван IV Грозный отменил систему кормлений, уложением 1555-1556 гг. был установлен кормленный окуп, оброк в виде выкупа за уничтоженные кормления. Если до этого податное население напрямую платило воеводе за его службу, то теперь этот сбор взыскивался в казну. Для этих целей вскоре после 1566 г. в Москве был создан Большой четвертной приказ (или четверть, четь), и задача этой первой четверти, или чети, была содержать на свои доходы служилых людей в опричнине. Затем возникли и другие чети. С одной стороны, чети взымали с соответствующего податного населения четвертные доходы: Казанская - с казанских волостей, Сибирская - с Сибири, Галицкая - с территории бывшего Галицкого княжества и т.д. С другой стороны, чети содержали известное число служилых людей. При этом состав четвертчиков (т.е. служилых людей, имевших право на доходы из чети) расписывался между четвертями независимо от приписки четвертника по службе к тому или иному городу. Каждый вновь пущенный в четверть

приписывался к той чети, за которой была очередь содержания новых четвертиков или в которой имелись выбылые места (Платонов, 1892. С. 162-163). Доходы из чети четвертички получали раз в 3 или 4 года, по челобитью, в соответствии с установленными окладами. Этот пример прозрачно иллюстрирует редистрибутивный механизм сбора, аккумуляции и последующего распределения налогов в X-экономике России.

Отмеченная в предыдущем параграфе специфика денег в X-экономике находит свое выражение и в характере древнерусских налоговых систем. Их натурально-денежный (а не преимущественно денежный вид), обусловленный спецификой оборота благ в рамках единой, не разобщенной собственности, заключался не только в отмеченном сочетании кормлений и податей. Общественные гражданские работы (в основе которых также лежал редистрибутивный механизм) по строительству укреплений, городов и крепостей велись не только (и не столько) за счет собираемых финансовых средств, сколько за счет натуральных платежей населения в виде строительных и других необходимых материалов, а также трудовой повинности. Города создавались, как правило, централизованно и строились "всем миром". С древнейших времен в России известно так называемое городское дело - одна из первых засвидетельствованных историками натуральных повинностей. Она состояла в постройке новых городов и острогов, в возведении новых укреплений старых городов,

- 182 -

в починке крепостей силами сельского населения (Энциклопедический словарь. Т. 9. С. 313-314).

Тотальный и натурально-вещественный характер налоговой системы российской X-экономики уже в своей начальной, синкретической форме коренным образом отличался от налоговых систем рыночных Y-экономик.

Перейдем к рассмотрению природы налогов в Y-экономике, для чего обратимся к истории их появления и изучения в западноевропейских странах. Европейская налоговая система берет начало в городских общинах, представлявших собой самостоятельные экономические субъекты, род производственных корпораций. Именно в городах "налоговая система получает общественно-правовой характер, а затем развивается в хозяйстве государственном" (Энциклопедический словарь. Т. 20. С. 498). Исторически налоги как денежные платежи в пользу центральной власти возникали эпизодически, в качестве добровольных пособий или же взносов, вызванных особыми обстоятельствами (выкуп короля из плена, выдача его дочерей замуж и т.п.). Если в X-экономике древние налоги в форме дани имели с самого начала всеобщий характер, то в Y-экономике налоги распространялись постепенно. Лишь со временем они приобретают постоянный характер, да и то прежде всего в отношении промышленных и торговых классов, живших по преимуществу в городах. При этом налоги представляли собой сбор с населения на заранее известные цели и были формой увязки государственных и частных экономических интересов. По словам немецкого профессора XIX в. Ад. Вагнера, налоги в западноевропейских странах - "суть принудительные взносы частных хозяйств, отчасти идущие на покрытие общественных (государственных) расходов, отчасти являющиеся средством изменения распределения народного дохода" (Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 1871-1872. S. 326). Они всегда выступали дополнительным средством развития национальной экономики, основные же ресурсы были сконцентрированы в рамках частных хозяйств.

С точки зрения нашего подхода, налоги в данном случае - форма отражения не базовых институтов рыночной экономики, но проявление комплементарного для Y-экономик института редистрибуции. Во-первых, потому, что налогообложение содержит в себе свойственные институту редистрибуции фазы аккумуляирования, согласования и распределения. Во-вторых, сбор и использование налогов невозможны без такого Центра, в котором осуществляются согласования порядка сбора и распределения налоговых средств. Косвенным признанием налогов как комплементарной формы, не соответствующей "чистой" модели рыночной экономики, служит отождествление стран, где налоговая система наиболее масштаб-

- 183 -

на, с распределительными (или социалистическими) экономиками, которые соответствуют в нашей классификации X-экономикам. Посредством налогов как институциональной формы, присущей X-экономикам, в рыночную среду "втягиваются" и другие свойственные таким экономикам институциональные черты. Налоги начинают выполнять функцию координации, нивелируя социальные издержки механизма конкуренции. За счет этого поддерживается необходимая социальная структура воспроизводства рыночных экономик. Кроме того, налоги уменьшают риски действия института наемного труда, создавая экономическую базу поддержания естественного уровня безработицы, без чего этот институт не может работать.

В то же время, налоги, являясь комплементарной институциональной формой, встроенной в Y-экономику, начинают обслуживать доминирующую рыночную среду, решать ее проблемы и приобретать присущие ей свойства. Первым таким свойством, в котором находит свое отражение природа Y-экономик, является характер сбора налогов. В странах Западной Европы сбор и расходование налогов определялись, как свидетельствует историческая практика, в результате договора между сословиями и государственной властью о сборе на известные цели. Именно сословия имели у себя средства, которые верховная власть путем переговоров изымала у них для общественных нужд. Поэтому в странах Западной Европы должность сборщика налогов была, как правило, выборной, т.е. контролировалась снизу. Так, во Франкском королевстве уже во второй половине VII в. мажордом (заведующий центральным управлением) из назначавшегося королем стал выборным от знати представителем ее сословных интересов (Энциклопедический словарь. Т. 35. С. 508). Аналогичная ситуация складывалась и в средневековых европейских городах. Когда управления приходов и их союзов в городах стали иметь дело с громадными суммами налогов, уплачиваемых плательщиками, встал вопрос о контроле этих последних над лицами, коим поручено было расходование налогов на городские нужды. Поэтому система коронных назначений уступила места системе выборной (Градовский, 1878. С. 25), при которой состав главных финансовых агентов формируется снизу, самими самоуправляющимися территориальными и производственными структурами. Названное различие сохранилось в порядке получения должности министра финансов. В странах с рыночной экономикой, как известно, победившая на выборах партия имеет своих представителей на всех ключевых постах, в том числе и на посту министра финансов. Таким образом, налоговая система в Y-экономиках не имеет такого ярко выраженного иерархического и централизованного характера, как в X-экономиках.

- 184 -

Выше мы обращали внимание на то, что массовым сознанием налоги воспринимаются как элемент преимущественно рыночной экономической системы. Почему так происходит? Ведь история показывает, что такая система аккумулирования и использования средств характеризует, прежде всего, редиистрибутивные X-экономики, более того, она им имманентна. В то время как для рыночных Y-экономик эта форма скорее комплементарна, дополнительна. Так каковы же причины такого парадокса? Два момента при объяснении этого представляются важными.

Первый связан со спецификой становления наук, в том числе экономических, на российской почве. С 1724 г. - момента создания отечественной Академии наук, - Россия, "в Европу прорубив окно", взялась изучать экономические теории своих соседей. Уже в первых учебных заведениях, например, в Царскосельском лицее, преподавали теории физиократов, меркантилистов и А. Смита. В XIX в. не редкостью было то, что "иная дама толкует Сея и Бентама", рассуждая о хозяйственных проблемах отечества. Ближе к нам по хронологической оси примеры массового освоения советским обществом доктрины К. Маркса. В 1970-1980-е годы для нас "открылись" имена и труды англичанина Дж.М. Кейнса и австрийца Й. Шумпетера. В 1990-е годы среди отечественных экономистов получили распространение институциональный и эволюционный подходы, сыскавшие ранее популярность в среде западных ученых. Налицо определенная тенденция: понятия для обозначения тех или иных феноменов приходят к нам с Запада, где они исследуются экономической наукой. Соответственно, приходит и традиция их изучения, схемы рассуждений и т.д. А поскольку налоги являются для наших зарубежных коллег объектом экономического анализа уже более 200 лет, то они стали идентифицироваться в нашем сознании как характерный атрибут изучаемой реальности Y-экономик.

Второй момент связан с тем, что не только западная наука, но и западная законодательная практика имеют налоги объектом своего пристального внимания. Они являются средоточием, где пересекаются противоположные социальные интересы. Поэтому выработка легитимных согласительных процедур в этой болезненной сфере - объект общественного внимания и заботы. Для нас же налоги (вернее, отражаемая ими реальность) являются элементом, если можно так сказать, естественного, а не юридического права. В редиистрибутивной X-экономике они представляют собой известную общественную обязанность, хотя пропорции выполнения этой обязанности небезразличны для социума в целом и отдельных социальных групп, на которые она ложится. Но практика вырабатывает правила разрешения этих споров. Основными являются: регуляр-

ное списание недоимок с тех, для кого эта обязанность оказывается хронически невыполнимой, или социальные протесты верховной власти, если редиистрибуция не обеспечивает баланса аккумулированных и распределенных благ. В России проблема налогов обостряется, когда меняется структура собственности, приходят новые хозяйствующие субъекты, "не игравшие" по этим правилам. Как уже отмечалось (подробнее см. 9.3), циклическое изменение конфигурации собственности, сопровождаемое увеличением сегмента частных собственников, по времени совпадает с общими процессами модернизации основных правил и процедур, в том числе и налоговых систем. Поэтому в обыденном сознании обсуждаемые реформы налогов совпадают с очередным этапом внедрения рыночных институтов в редиистрибутивную

экономическую среду, что и закрепляет представление о налогах как элементе преимущественно Y-экономики.

Оба отмеченных момента накладывают свой отпечаток на особенности изучения налогов в российской экономической науке. На наш взгляд, преимущественное внимание уделяется тем их функциям, которые более значимы для рыночной, а не для редистрибутивной экономики. Изучение же налогов как важнейшего инструмента выражения сущности X-экономики, их роли в достижении ре-дистрибутивного баланса - скорее перспективная, чем реализованная область научных исследований.

Отмеченные особенности проявления налогов в зависимости от типа экономики, в которой они функционируют, позволяют понять возможности и прочертить контуры налоговых систем в странах, где доминируют X- и Y-экономики. Они объясняют не только различия в их "архитектуре", но и причины непреодолимости ряда ограничений при внедрении даже самых образцовых налоговых систем из Y-экономики, которые мы пытаемся применить у себя в России.

В этом отношении показателен сопоставительный анализ российской и канадской современных налоговых систем, выполненный одним из ведущих исследователей данной проблематики Людмилой Никитишной Лыковой. С одной стороны, у России и Канады весьма много общих характеристик, что дает основания ожидать и сходства их налоговых систем. Обе страны являются большими федеративными государствами, в том числе со значительными северными территориями; для них характерна межрегиональная дифференциация душевых бюджетных доходов (хоть и в разной степени); обе страны многонациональны (Лыкова, 2001. С. 324). Ожидание сходства налоговых систем связывается также с высокой активностью, помощью и многочисленными рекомендациями наших западных коллег по внедрению в переходную экономику России действующих у них про-

- 186 -

цедур, законодательных норм и правил в сфере налогообложения. И тем не менее существуют принципиальные отличия налоговых систем Канады и России, хотя именно между ними, как предполагалось, такие различия должны были быть минимальны.

Первое отличие, которое отмечает Л.Н. Лыкова, - наличие (в канадской модели) и отсутствие (в российской) конституционного разграничения налоговых полномочий обеих составляющих государственной власти. Если в Канаде провинции, как и федеральный уровень, самостоятельны (в пределах, заданных Конституцией и юридическими соглашениями между уровнями) в определении права, величин и объектов налогообложения, то российская Конституция не оговаривает различие налоговых полномочий. В ней закреплено положение о совместной компетенции Федерации и ее субъектов в налоговой сфере (Там же. С. 324).

Другое крупное отличие сравниваемых систем налогообложения, отмеченное Н.Л. Лыковой, - это иерархический характер нашей системы. "Российская налоговая система базируется на доминировании федеральных налогов при предоставлении региональным властям некоторых прав в части уточнения налоговой базы и ставок. ...единая налоговая служба федерального подчинения администрирует налоги как федеральные, так и субъектов федерации, так и местные" (Там же. С. 325). Канадская же модель предоставляет налоговые полномочия обеим ветвям государственной власти - федеральной и провинциальной.

Внимательному взгляду очевидно, что современные особенности налоговых систем двух стран демонстрируют те же самые различия, которые мы уже обнаружили в древней (и не очень древней) истории. Их накладывает тип экономической системы на характер действующих в ней налогов⁴. Действительно, в X-экономиках, где доминантная организация хозяйственной структуры определяется институтом верховной условной собственности, а взаимодействие между ее элементами обеспечивается институтом редиистрибуции, налоги приобретают соответствующий характер и функциональное значение. Они обслуживают именно данную систему отношений, поэтому верховный согласующий центр (унитарное правительство

4. Пример налоговых систем таких стран, как Аргентина, Бразилия и Индия (которые мы относим к странам с доминированием X-экономики), подтверждает отмеченное различие. В них так же, как и в российской экономике, отмечается финансовая зависимость субъектов федерации (штатов, провинций) от федерального центра (Лыкова, Крылова, Чебанова, 2003. С. 122, 132, 144). Имеет место верховенство федерального центра в отношении установления ставок, условий и порядка перечисления налогов, даже в отношении таких, которые закреплены за субнациональными (региональными) образованиями, возможности регионов аккумулировать у себя налоговые поступления незначительны.

- 187 -

или федеральный центр - наименования не имеют значения) определяет правила и величины формирования налогов, а также правила распределения получаемых налогов между уровнями и хозяйствующими субъектами, что признается всеми участниками экономической деятельности. Это подтверждается тем, что в X-экономиках законодательство по большинству налогов регулируется федеральным, а не региональными, уровнем. Среди форм распределения налоговых полномочий между уровнями бюджетной системы распределение федеральных налогов стоит на первом месте, в то время как роль раздельного использования источников крайне незначительна (Лыкова, 1996. С. 37-38). Велико значение вертикальных финансовых потоков в налоговой системе X-экономик: известно, что в бюджетах всех уровней доминируют федеральные налоги, составляющие в доходах консолидированного и местных бюджетов в среднем 70%.

В свою очередь, в Y-экономиках налоги являются элементом рыночной системы отношений. Поэтому в налоговых системах сохраняется преимущественно горизонтальный характер экономических отношений, выражающийся в равенстве надрегионального и региональных уровней, а также в их относительной самостоятельности и независимости.

10.3. Резюме

Сравнивая действие одних и тех же экономических инструментов в различных институциональных средах, а именно, деньги, кредиты и налоги, можно видеть, что их проявление, характер действия, место в системе хозяйствования определяются типом доминирующих экономических институтов. В X-экономиках инновационный и налоговый механизмы регулируются системой институтов редиистрибуции, координации и др., они имеют четко выраженный централизованный иерархический характер. В Y-экономиках те же инструменты подвержены действию институтов частной собственности, обменов, конкуренции и т.д. Это определяет различия требований к экономической политике в отношении инвестиций и налогов, что особенно актуально для современной России. Попытки перенесения на нашу

институциональную почву внешних свойств заимствуемых денежных инструментов без учета природы той экономики, в которой им предстоит действовать, вряд ли целесообразны.

Глава 11

ТЕОРИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ: ОПЫТ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Теория и практика, как душа и тело, образуют одно целое и, как душа и тело, они часто не согласны между собой

М. Эбнер-Эшенбах

Описанный в настоящей главе опыт представляет собой рефлексию процесса решения конкретной задачи хозяйственной практики. Эта задача была поставлена перед нами, консультантами, руководством Концерна "Росэнергоатом"¹ - крупнейшей генерирующей компанией России в сфере энергетики. Начавшаяся либерализация энергетического рынка, предусмотренная федеральными законами 2003 г., поставила перед компанией вопрос о выборе такой организационно-правовой формы своего существования, которая была бы адекватной меняющейся социально-экономической ситуации. Оценка действующей формы и рекомендации по стратегической форме функционирования Концерна "Росэнергоатом" составили содержание проводимой экономической диагностики.

Принят следующий порядок изложения. Сначала даны описание объекта консультирования и основные задачи диагностики. Затем предъясняются методологические предпосылки работы. Далее изложены ход работы и сделанные предложения. В заключение даны основные выводы о применимости современных институциональных теорий для социально-экономической диагностики ситуации в российском обществе.

1. Работы выполнялись в рамках договора Института экономики РАН об оказании научно-консультационных услуг по теме "Оптимизация организационно-экономической формы и структуры управления Федеральным государственным унитарным предприятием Государственный Концерн "Росэнергоатом"" (научные руководители работы - академик РАН Л.И. Абалкин и академик Д.С. Львов, руководитель рабочей группы - Д.Е. Сорокин). Вместе с автором в работе принимала участие М.А. Дерябина, к.э.н., в.н.с. Института международных экономических и политических исследований РАН. Мы благодарны также участникам рабочей группы, сотрудникам филиала Концерна "Росэнергоатом" - Всероссийского научно-исследовательского института атомных электростанций (ВНИИАЭС) Ю.Н. Коневу, О.В. Золотаревой и Т.А. Замулюкину, являвшимся основными экспертами данной работы, а также А.В. Романенко, оказавшему большую техническую помощь.

11.1. Задачи консультирования и основные методологические принципы

Объектом консультирования выступала деятельность Концерна "Росэнергоатом", имеющего статус федерального государственного унитарного предприятия (ФГУП). В состав Концерна как генерирующей

компании входят 10 АЭС и обеспечивающие производства и организации. Доля Концерна в производстве электроэнергии в России составила в разные годы от 15 до 17%, т.е. 1/6 общего объема. Реализация производимой на предприятиях Концерна электроэнергии происходит через ФОРЭМ - федеральный оптовый рынок энергетических мощностей. На этом рынке определяются тарифы на производство энергии (цена производимой Концерном продукции) и фиксируются сроки и объемы поставок, а также сеть потребителей. Величина тарифа (руб. за 1 кВт/час) утверждается федеральной энергетической комиссией (ФЭК) на основе подаваемых Концерном смет-заявок по затратам на производство, с учетом необходимой прибыли и инвестиционной составляющей.

На базе пакета федеральных энергетических законов, принятых в 2003 г., в России начато создание более либерального энергетического рынка. Действия на этом рынке требуют от Концерна большей гибкости, реактивности и эффективности, чем это было в условиях почти гарантированной государственной поддержки. Кроме того, ожидаемое исключение из тарифа инвестиционной составляющей актуализирует задачу привлечения инвестиций, необходимых для развития отрасли. В связи с этим перед консультантами была поставлена задача: оценить адекватность ФГУП - нынешней организационно-правовой формы деятельности Концерна, и рассмотреть возможности функционирования Концерна в иных предусмотренных законодательством формах. В качестве важнейших факторов, определяющих перспективы деятельности Концерна, были выделены: 1) влияние тенденций социально-экономического развития страны на атомную энергетику; 2) перспективы либерализации энергетического рынка; 3) обобщение зарубежного опыта реформирования энергетических компаний. На основе проведенного анализа предполагалось выбрать наиболее подходящую юридически возможную форму и дать рекомендации по проведению необходимых преобразований. Особое внимание уделялось акционерной форме, поскольку основные производители электроэнергии в стране, с которыми Концерн конкурирует на энергетическом рынке, функционируют сегодня как открытые акционерные общества.

Как правило, экономическая теория нужна практике (и, соответственно, управленцы обращаются к ученым) в двух случаях. Во-первых, когда возникает нестандартная задача, для которой недостает рутинных, известных процедур и решений. Во-вторых, когда

- 190 -

нужен прогноз для выбора того или иного варианта решения управленческой задачи из заданного набора альтернатив. Наш опыт управленческого консультирования показывает, что обычно эти факторы сопутствуют друг другу, поскольку прогноз зачастую провоцирует необходимость новых управленческих решений и разработок, как и выбор нового варианта действий требует прогнозирования развития ситуации.

Первый методологический принцип работы, которая явно или неявно предвосхищает процесс экономической диагностики, и с которой сталкиваются все ученые-консультанты - это выбор и предъявление адекватной теории (или теорий), используемой в качестве фундаментального обоснования при анализе и прогнозе

ситуации. Другими словами, "на входе" необходимо выложить методологические основания, которыми мы будем руководствоваться в процессе работы, т.е. "тайное сделать явным", и обосновать причины выбора.

Диагностируемый объект - крупнейшая, стратегически важная хозяйственная структура национального значения - относится к так называемому мезоуровню. Мезоуровень в экономике - это промежуточный уровень между микро- (когда объектом изучения являются отдельные предприятие или фирма) и макроуровнем, соответствующим всему национальному хозяйству в целом. Несмотря на выделение мезоуровня в отношении изучаемых объектов, экономические теории пока подразделяются в основном на теории микро-и макроуровня². Поэтому при выборе адекватных теоретических оснований для решения поставленной задачи приходится апеллировать к имеющимся в этой области концептуальным разработкам.

Какова "разрешительная сила" теорий микроуровня и насколько целесообразно было их использование в данном случае? Мы констатировали, что теории микроуровня, анализирующие внутреннюю деятельность отдельной организации или ее поведение при определенных (заданных) ограничениях, оказываются слабо релевантными для нашей ситуации. Первой причиной этого является нестабильность и недостаточная предсказуемость условий, в которых предстоит действовать Концерну, т.е. переходный характер российской экономики. Теоретических концепций, убедительно вскрывающих и объясняющих закономерности этого этапа, мировой наукой пока не предложено. Как отмечал уже цитированный видный французский теоретик регулятивизма Роберт Буайе, ""великое преобразование" России ставит множество проблем, не находящихся

2. Попытка построения экономических мезо-теорий носит пока еще экспериментальный характер (см., например, Мезоэкономика переходного периода. Рынки, отрасли, предприятия, 2001). Мы предположили, что использование разрабатываемого в этой работе подхода целесообразно на последующем этапе работы, когда речь будет идти о конкретных формах отраслевой мезоэкономической структуры.

очевидного решения в рамках имеющихся экономических теорий..." (Буайе, 1997. С. 31). Поэтому теории, в которых действие хозяйствующего субъекта рассматривается преимущественно в определенных внешних рамках с известными правилами экономической конъюнктуры, в данном случае оказываются малополезными.

Второй причиной невозможности использования теорий микроуровня является понятийная, терминологическая неопределенность для экономической науки современного статуса Концерна и параметров отраслевого поля, в котором он функционирует и будет функционировать. Другими словами, хотя юридический и правовой статусы изучаемой компании известны, ее структурно-функциональное описание в понятиях основных экономических теорий затруднено. В строгом научном смысле Концерн не является ни фирмой, ни иерархией, он представляет собой неоднозначное, переходного характера образование с формирующимися и уточняющимися по ходу его деятельности правилами внутреннего функционирования и внешних взаимодействий. Переходный характер

внутренней структуры Концерна также является препятствием для использования современных известных теорий микроуровня, понятийное ядро которых оказывается неадекватным для изучения, "схватывания" его специфики.

Таким образом, теории микроуровня, тем более неоклассического и ортодоксального толков (теория фирмы, теория организации рынка, экономическая теория общественного сектора и др.) оказываются для нас малопригодными и не позволяют провести необходимую экономическую диагностику.

Каковы в данном случае перспективы использования экономических теорий макроуровня? С одной стороны, масштабы атомной отрасли, ее стратегическое значение для всего народнохозяйственного комплекса страны предполагают адекватность макротеорий для проведения диагностики изучаемого объекта. Именно макроуровень определяет внешнее поле деятельности и те контекстуальные изменения, которые необходимо учитывать и использовать при определении стратегии развития объекта мезоуровня, в данном случае - Концерна. Макроподход предпочтителен еще и потому, что речь идет о выборе не конъюнктурного решения, а о стратегии развития Концерна в достаточно длительной временной перспективе. Поэтому учет тенденций общей социально-экономической ситуации и прогноз хода преобразований (что является предметом рассмотрения в макротеориях) представляются крайне важными. С учетом названных факторов привлечение макротеорий для проведения заданной экономической диагностики было признано целесообразным.

С другой стороны, специфика переходного периода российской экономики, не объясняемая большинством известных теорий мейн-стрима - от классических теорий экономического равновесия, марк-

- 192 -

совых схем и кейнсианских концепций до современных теорий регуляции, - ограничивает для нас возможности их применения. В этих условиях наибольшую популярность для анализа переходных экономик получили различные институциональные теории, как традиционного направления (например, Sanchez-Andres, March-Poquet, 2002), так и концепции современного неинституционализма (например, работы уже упомянутых выше российских ученых Радаева, Шаститко, Тамбовцева, Олейника и др.)- Принятые в них постулаты о роли институтов в организации хозяйственной структуры, как и особое внимание и социальному и культурному контексту, позволяют использовать институциональные теории при анализе более широкого круга феноменов, чем те, которые рассматриваются неоклассикой.

В результате, в работе было признано целесообразным ориентироваться на институциональный теоретический подход. Во-первых, нами был использован понятийный аппарат неинституциональных концепций (транзакционные издержки, иерархии, институциональный обмен и др.), во-вторых, была зафиксирована необходимость приложения понятий традиционного институционализма (направления path dependence), учета исторического и социального контекста экономического развития.

Сложность выбора конкретной институциональной концепции состояла в том, что современный период российского обществоведения и социально-экономической практики (в отличие от стационарного

состояния науки, или ее классического типа) характеризуется плюрализмом методов и теорий, отличающихся различной степенью проработанности, адаптированности к нынешним российским условиям, и результатами применения. Кроме того, часто их возможности для изучения нашего конкретного случая ограничены, поскольку большинство развиваемых зарубежными экономистами институциональных теорий (принятых на вооружение российскими учеными) базируются преимущественно на рыночной парадигме. Как показывает исследовательский опыт, данная методологическая призма пока еще не позволяет увидеть все то экономическое поле, которое реально действует в современной России. Неустойчивый и переходный характер протекающих процессов приводят также к тому, что описательные теории доминируют над формализованными, но и среди первых пока не находится таких, которые доказали бы свою высокую "разрешительную способность" в отношении российских реалий.

Что было делать в таком случае? Отсутствие общепризнанной теории, адекватной российской экономике, вынудило нас использовать собственные концептуальные разработки, а именно, теорию институциональных матриц и ее раздел об X- и Y-экономиках (Кирдина, 2000; Кирдина, 2001, см. также <http://kirdina.ru/book>). Напомним, что в соответствии с развиваемыми в ней положениями россий-

- 193 -

ская экономика представляет собой хозяйственную систему преимущественно редистрибутивного, а не рыночного типа. Соответственно, в ней доминируют институты редистрибутивной X-экономики, а институты рыночной Y-экономики играют роль компенсаторных инструментов, дополняющих "до целого" институциональную общественную структуру. Как в рыночных экономиках регулирующее воздействие государства с редистрибутивными функциями имеет своей целью заполнение "провалов рынка" (market failures), так и рыночные инструменты в альтернативных экономиках необходимы для того, чтобы заполнить "провалы редистрибуции" (redistribution failures). Таким образом, в данном случае теоретически описан и понятийно определен смешанный характер российской экономики, сочетающей разные виды собственности и экономические отношения, что соотносится с оценками многих отечественных экономистов. В подтверждение можно привести слова академика Леонида Ивановича Абалкина: "Современное состояние лучше всего описывается с помощью "теории ниш", в соответствии с которой каждая форма собственности находит то место, ту нишу, где она оказывается более эффективной, чем любая другая" {Абалкин, 2002. С. 127), "Во всех странах, или, по крайней мере, в большинстве из них, сложилась многоукладная экономика" (Абалкин, 2001. С. 12). Л.В. Никифоров также формулирует "однозначный вывод о возможности прогрессивного и динамичного развития страны на базе реализации российского варианта становления общества смешанного типа, интегрирующего в своих рамках различные общественные начала и уклады" (Никифоров, 1999. С. 28; Никифоров, 1993). В качестве дополнительного аргумента за использование развиваемой теории институциональных матриц при проведении экономической диагностики выступили реализовавшиеся прогнозы³, сформулированные в свое время на ее основе.

Второй методологический принцип, принятый и реализованный в ходе экономической диагностики, - рассмотрение объекта консультирования в его генезисе, т.е. преимущественное применение эволюционного, а не телеологического подхода. Выбор в пользу первого обусловлен, прежде всего, масштабами отрасли, материально-технологической спецификой ее устройства и вытекающей из этого инерционностью ее развития. Эта инерционность предопределяет необходимость учета предшествующих траекторий развития

3. Так, в работе "Институциональные матрицы и развитие России" был сделан прогноз о постепенном перенесении "центра тяжести" в экономической политике с программ приватизации и рыночного реформирования на выработку эффективных моделей функционирования государственной собственности, модернизацию ее конфигурации с закреплением объектов за федеральным, региональным и муниципальным уровнями (с. 252). С начала 2000 г. этот процесс реализуется в полной мере.

- 194 -

как значимого фактора новых тенденций. С другой стороны, обоснованием приложения эволюционного подхода к анализу объекта послужил зафиксированный опыт недостаточности телеологического подхода при реформировании российской энергетики. Так, реформирование традиционной энергетики под заданную цель акционирования и приватизации путем создания РАО ЕЭС (Российское акционерное общество - Единые энергетические системы) без учета присущих отрасли эволюционных особенностей до сих пор не получило общественной поддержки и не сопровождается ожидавшимся ростом экономической эффективности предприятий, образующих РАО ЕЭС. В связи с этим вновь возникает вопрос о возвращении к исходным условиям функционирования энергетического сектора под началом государства, с необходимой модернизацией форм и правил регулирования. Поэтому и при анализе ситуации, но, главное, при подготовке предложений и рекомендаций, мы исходили не только и не столько из целевых установок заказчиков работы, сколько опирались на результаты изучения долгосрочной динамики функционирования отрасли. Основное внимание было уделено организационному аспекту генезиса Концерна, т.е. анализировались история и результаты проводившихся ранее структурно-организационных преобразований.

Третий методологический принцип работы вытекает из специфики диагностики социального объекта. Как правило, относящаяся к нему информация, значимая для понимания его функционирования, неизбежно включает в себя "неявное знание"⁴. Носителями такого знания являются сотрудники организации, и только в ходе персональных контактов это знание может быть "уловлено" консультантами-теоретиками. Поэтому социально-экономическая диагностика, или способность распознавать (в переводе с греческого "сквозное знание"), особенно как элемент управленческого консультирования, содержит в себе настоятельную необходимость диалога ("сквозной беседы"). В силу этого обеспечение диалога и глубокого постоянного взаимодействия с заказчиками работы представляет собой важнейшее методологическое условие для решения поставленной задачи, без которого не может быть осуществлена социально-экономическая диагностика. Средствами такого диалога являлись:

- изучение, анализ и совместное (с сотрудниками Концерна и его филиалов) обсуждение документов, регламентирующих внутреннюю и внешнюю деятельность Концерна "Росэнергоатом" -

4. Категория неявных знаний, которые не могут быть формализованы, отчуждены от носителей, а передаются в основном путем межличностных контактов и представляют собой сердцевину знаний того или иного предмета, введена химиком и философом Майклом Полани в конце 1950-х годов (См. Полани, 1985).

- 195 -

от законодательных актов и федеральных программ до внутренних приказов, распоряжений и аналитических записок;

- постоянные консультации и еженедельные встречи-совещания с командой сотрудников, ответственной со стороны заказчика работ за сопровождение управленческого консультирования;

- экспертные интервью и беседы с персоналом Концерна, в ведении которого находятся решаемые проблемы.

Четвертый принцип, или характерную черту использованной методологии при проведении данной социально-экономической диагностики, составляет сочетание аналитического и экспертного методов на всех стадиях работы. Необходимость использования аналитического метода связана со сложностью разрабатываемой темы, большим объемом обрабатываемой информации и необходимостью глубоких обоснований решения поставленной задачи. Привлечение экспертного метода было обусловлено неоднозначностью оценки и положения, и перспектив развития отрасли.

Стоит специально остановиться на характеристике экспертов, участвовавших в работе. Эксперты, работавшие в составе группы совместно с консультантами и делегированные со стороны заказчика работы, стояли на иных теоретических позициях. Они полагали, что для проведения социально-экономической диагностики и подготовки предложений о направлениях преобразования Концерна целесообразно опереться преимущественно на современные экономические теории, реализующие рыночную парадигму. Обоснованием такой позиции служили, во-первых, принятые в стране политические установки на создание рыночной экономики; во-вторых, направленность пакета федеральных энергетических законов 2003 г., предусматривавших либерализацию энергетического рынка; в-третьих, убежденность (базирующаяся на зарубежном опыте западных стран и выводах современных учебников по экономике⁵) в эффективности рыночных механизмов для решения проблем отрасли. Дополнительным практическим аргументом являлось то, что основной конкурент Концерна на энергетическом рынке - РАО ЕЭС, функционирует в форме ОАО, т.е. формально - в виде структуры классического рыночного типа.

Столкновение позиций и сопоставление противоречивых мнений, обусловленное различием теоретических подходов, оказалось чрезвычайно полезным и способствовало глубокой и эффективной диагностической работе. Во-первых, под благожелательным, но весьма пристальным взглядом "противоположной стороны" неиз-

5. См., например, известный учебник Мэнкью "Принципы экономики" (СПб.: Питер, 2002). Согласно ему, один из 10 принципов экономической науки (принцип 6) гласит, что "Обычно рынок - прекрасный способ организации экономической деятельности". С. 19-

бежно происходило оттачивание аргументов, более строгими становились критерии качества предъявляемой работы, углублялись основания при формулировке выводов. Во-вторых, взаимное заинтересованное обсуждение и необходимость формирования компромисса способствовали выходу на нестандартные решения. И хотя эти выводы опирались, в конечном счете, на основания используемой нами теории, найденное в результате решение (предлагаемая организационная форма для реализации целей Концерна) в начале работы не предусматривалось ни нами, ни консультантами-теоретиками, ни экспертами-практиками. Таким образом, сопоставление мнений экспертов, отличающихся своими методологическими позициями, но в тоже время дополняющих друг друга разными подходами к одному и тому же объекту, позволило (во взаимодействии с аналитическим методом) предложить сбалансированное и неординарное решение, имеющее наибольшие шансы на реализацию и, соответственно, минимизирующее предполагаемые транзакционные издержки.

11.2. Контекстуальный анализ и предложения

Очевидно, что оценка адекватности тех или иных организационно-правовых форм деятельности конкретных предприятий требует, наряду с изучением специфических отраслевых особенностей, анализа социально-экономического пространства, в котором предстоит действовать предприятию. Оно определяет как перспективы реализации, так и возможные ограничения тех планов, которые ставит перед собой топ-менеджмент компании при определении стратегии ее развития. Поэтому на первом этапе были проанализированы тенденции развития страны.

А. Общие тенденции социально-экономического развития. Согласно теории институциональных матриц и выводам других исследователей, занимающихся специальным изучением экономики России как экономики нерыночного типа (Бессонова, 1997; Бессонова, 1999), выявляются определенные закономерности в ее развитии, а именно, наличие так называемых переходных периодов, в которые происходит существенное обновление институциональной среды. Переходные периоды характеризуются, как правило, наличием двух последовательных этапов. На первом этапе имеют место экспансия заимствуемых из альтернативных экономик рыночных механизмов и их адаптация. Такое внедрение носит выраженную идеологическую поддержку, без которой оно невозможно. Адаптация включает в себя процессы выбраковки неприживающихся институциональных форм, а также процессы институционального изоморфизма, т.е. изменения свойств внедряемых рыночных Y-форм под действи-

ем доминирующей институциональной матрицы. Совершенствование присущих редистрибутивным X-экономикам элементов имеет в этот период латентный, скрытый характер, они реализуются в практической

жизни, но не находят адекватного отражения в политическом курсе, общественном лексиконе или теоретическом осмыслении.

На втором этапе развивавшиеся редистрибутивные механизмы переходят из латентной в явную форму, начинают отчетливо доминировать. В то же время рыночные формы развиваются не так интенсивно, как на первом этапе, они модифицируются, их применение носит все более ярко выраженный прагматический, а не идеологический характер. Второй этап характеризуется более тщательной и глубокой работой по реальному встраиванию заимствуемых рыночных механизмов в исторически сложившуюся и сохраняющую свои феноменологические и цивилизационные качества общественную среду. На основании изучения сформировавшихся тенденций было сделано предположение о начале второго этапа переходного периода редистрибутивной X-экономики России. Эта гипотеза, послужившая исходной точкой анализа, одновременно проходила в процессе работы свою эмпирическую верификацию и нашла свое подтверждение в анализе фактической ситуации.

Было показано, что на старте экономических реформ в России основная задача состояла в либерализации экономики и переходе к доминированию рыночных механизмов. Такая либерализация предполагала формирование полноценных рыночных субъектов хозяйствования и соответствующей рыночной инфраструктуры.

За прошедшие 15 лет определились как основные результаты, так и проблемы рыночного реформирования. С одной стороны, стала более разнообразной, гибкой и современной система экономических отношений, что соответствует возросшей сложности национального хозяйства. С другой стороны, обозначился непредвиденный рост социальных издержек и диспропорций, в то время как ожидания более высокого уровня эффективности приватизированных предприятий не оправдались. И хотя построение либеральной рыночной экономики продолжает составлять основу экономического курса России в настоящее время а на перспективу, задачи и конфигурация такой экономики уточняются. Ориентация на углубление рыночных преобразований в последние 2-3 года, как в теории, так и на практике, закономерно дополняется одновременным усилением регулирующей роли государства. В свою очередь, социальные и экономические требования к развитию рынка носят все более прагматичный характер и увязывают необходимость либерализации экономики в тех или иных формах с решением конкретных практических задач, как внешних, так и внутренних.

- 198 -

На этапе социально-экономических реформ, совпавшем по времени с периодом смены российского президента, основная дилемма состоит в определении того, в каком соотношении в экономике страны будут представлены интересы частного (корпоративного) и общественного (государственного) секторов. Наблюдаемое усиление роли государства, проявляющееся во всех отраслях, и, прежде всего стратегически важных, к которым относится и атомная энергетика, происходит по трем основным направлениям.

А. Четкая регламентация и контроль "правил игры" для всех хозяйствующих субъектов - принятие новых и уточнение действующих экономических законов, создание структур, обеспечивающих

эффективный контроль органов власти за экономической деятельностью, расширение правового поля в области экономики. К настоящему времени Федеральным собранием РФ принят пакет практически всех необходимых законов - Налогового Кодекса, Таможенного кодекса, Земельного кодекса и др. Счетная Палата и Прокуратура ужесточают проверку исполнения действующих правил уплаты налогов и расходования средств всеми хозяйствующими субъектами, независимо от организационно-правовой формы собственности. При органах государственной власти всех уровней, начиная с федерального, на регулярной основе действуют Советы и Комиссии, в которых выявляются проблемы участников рынка и апробируются пути их решения;

Б. Осознанное и четкое **разделение бизнеса на сегменты**, в которых доминирует либо частная, либо государственная форма собственности, и формирование процедур, обеспечивающих вклад этих сегментов в решение общегосударственных задач. Мероприятия рыночного характера увязываются с отраслевой, потребительской, кадровой спецификой экономических агентов. Так, обособляется сфера малого бизнеса и осознанно упрощаются процедуры его регистрации и отчетности. Уточняется состав объектов, которые подлежат или не подлежат приватизации. Совершенствуется законодательство по контролю за деятельностью крупнейших предприятий, корректируется порядок сбора налогов с тем, чтобы повысить их собираемость и величину, развиваются "неэкономические" формы привлечения крупного бизнеса к решению социальных задач.

В. Выделение и четкое правовое **оформление государственной собственности и государственного предпринимательства** (государство выступает прямым участником хозяйственной деятельности). В отношении предприятий, находящихся в собственности государства (унитарных предприятий и организаций), разработаны и приняты новые законы, получают законодательное и правовое оформление формы контроля за их деятельностью, ведется работа по оптимизации состава и численности государственных предприятий и организаций.

- 199 -

В настоящее время становится все более очевидным, что действие присущих стране социальных отношений не отменяется принятием тех или иных прорыночных законодательных актов. Эти отношения, являющиеся производными от всей материально-технологической среды России (Блесков, 2002; Кирдина, 2000; Сорокин, 2003 и др.), в свою очередь, обусловлены ее территориальной, географической и пространственной спецификой. Как образно выразился на встрече в Кремле с европейскими бизнесменами 5 декабря 2003 г. президент РФ В.В. Путин, низкая цена наших тарифов на электроэнергию - это следствие низких температур в стране, и ни мы, ни рынок не в состоянии изменить эти исходные причины.

Таким образом, заимствуемые рыночные инструменты, попадая в России в иную среду, подвергаются явлению уже описанного "институционального изоморфизма": сохраняя свое название и форму, они приобретают новые свойства, зачастую меняющие их природу, приспособившись, адаптируясь к условиям среды, в которой им приходится функционировать. Изоморфизм российской рыночной

системы обуславливает противоречивость и дуализм в действиях хозяйствующих субъектов всех уровней, в том числе и в сфере государственного предпринимательства. С одной стороны, в российской экономике конституированы и реально функционируют все основные организационно-правовые формы частного и государственного предпринимательства. С другой стороны, отмеченная особенность системы рыночных институтов в стране препятствует созданию однозначно трактуемых, последовательных и четко соотносящихся с интересами хозяйствующих субъектов "правил игры" в экономике. Государство, выступая в несвойственной ему функции главного регулятора рыночных отношений, постоянно сталкивается с необходимостью "расширять" узкие места в экономической политике, принося в жертву конъюнктуре рынка свои обязанности по формированию и реализации сектора эффективной государственной собственности. Это объясняет длительные сроки реформирования субъектов государственного предпринимательства, постоянный пересмотр горизонтов приватизации и акционирования государственных предприятий.

Носят ли отмеченные явления преходящий характер, являются ли они кратковременным политическим "зигзагом", как полагали некоторые обозреватели? Обоснованием для ответа на этот вопрос, дискутируемый в нашей группе экспертов, послужили, в конечном счете, положения выбранной в качестве методологической основы теории институциональных матриц. Эта теоретическая опора стала той мерой, которая перевесила "чашу весов" в пользу признания закономерного и долговременного характера наблюдаемых изменений.

Итак, общий результат анализа хода и перспектив социально-экономического развития России, влияющих на развитие атомной

- 200 -

энергетики и позиционирование Концерна "Росэнергоатом", был сформулирован следующим образом.

Экономика является подсистемой общества, и ее развитие обусловлено всем контекстом социально-политической и идеологической среды. Поэтому при прогнозировании экономического развития в России мы имеем в виду значимый комплекс социальных характеристик, определяющих вектор наиболее вероятной траектории. Отмечено, что в ближайшее время будут усиливаться централизованные начала в управлении экономическим развитием страны, в том числе посредством роста регулирующей роли государственных органов власти и государственного предпринимательства. Этот вывод был подтвержден сопоставлением теоретически обоснованных прогнозов с фактическими тенденциями последних лет. В отношении стратегических направлений деятельности, к которым относится атомная энергетика, эти тенденции должны проявляться наиболее зримо. В то же время продолжится активное внедрение и распространение рыночных элементов, задачей которых будет дополнение экономического поля механизмами, доказавшими свою эффективность в российских условиях. Необходимость дополнения институциональной инфраструктуры рыночными элементами диктуется требованиями достижения баланса между альтернативными формами хозяйственных отношений и формирования смешанного типа экономики, как это происходит во

многих странах мира. Для России это будет означать расширение либерализации рынка, но в условиях более строгой, гибкой и ответственной системы государственного регулирования. При этом рыночные формы, для того чтобы "вписаться" в действующий институциональный контекст, должны быть соответствующим образом адаптированы.

Б. Отраслевое поле - развитие электроэнергетики. На втором шаге экономической диагностики экспертами была рассмотрена либерализация энергетического рынка как внешний вызов реформированию Концерна "Росэнергоатом", т.е. проанализировано отраслевое поле деятельности компании.

В соответствии с принятыми законодательными и программными документами основная задача, стоящая перед электроэнергетикой России в новых условиях, заключается в обеспечении планируемого экономического роста необходимым количеством электроэнергии. Поэтому рост ее производства и доставка потребителям продукции будут основной задачей генерирующих компаний, в том числе и для Концерна "Росэнергоатом". Но обеспечение этого роста потребует специальных усилий. Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. и принятые в сфере реформирования электроэнергетики федеральные законы (пакет 2003 г.) обращают внимание на ограниченные возможности инвестиций в ближайшее десятилетие, что предусматривает преимущественную концентрацию

- 201 -

средств не в новом строительстве, а в технологической модернизации производства. Основным источником инвестиций для атомной энергетики, по крайней мере, на ближайшие два года, "останутся собственные средства предприятий, полученные за счет инвестиционной составляющей в тарифах, средства государственного бюджета, инвестиционных и финансовых структур, а также средств, привлеченных на условиях проектного финансирования при государственных гарантиях" (Энергетическая стратегия России на период до 2020 года, 2003. С. 98).

В то же время осуществляемая либерализация рынка электроэнергии позволит полнее использовать конкурентные преимущества атомной энергетики, связанные с ценой производимой на АЭС продукции. По последним данным, цена "атомного киловатт-часа" (Летов, 2001. С. 4) является самой низкой среди генерирующих компаний, поэтому объем поставляемой на рынок электроэнергии с атомных станций может быть существенно увеличен. Таким образом, положительным следствием либерализации рынка при ожидаемом росте потребления электроэнергии и при условиях сохранения действующего порядка формирования тарифа (при надлежащей модернизации и развитии систем передачи) могут стать снятие диспетчерских ограничений и, соответственно, рост объема товарной продукции. В этом случае можно ожидать увеличения прибыли генерирующей компании как дополнительного источника для инвестиций.

В то же время возможное исключение из тарифа инвестиционной составляющей или сбои в государственном финансировании инвестиций атомной энергетики (как это имело место в предыдущие годы) будут означать сужение перспектив развития отрасли, что противоречит ее возрастающей роли в решении народнохозяйственных

задач. Было отмечено, что в этих условиях дальнейшая коммерциализация Концерна могла бы стать основным фактором роста его инвестиционных возможностей. Для оценки подобных перспектив был проанализирован опыт реформирования государственных компаний атомной энергетики за рубежом.

В. Зарубежный опыт преобразований в электроэнергетике. На этом шаге работы было выделено три группы стран, характеризующихся различным уровнем либерализации энергетических рынков: а) развитые страны Запада, б) страны Восточной Европы с переходной экономикой, в) Китай.

Выявлено, что наибольшие успехи при приватизации генерирующих компаний в атомной энергетике достигнуты в странах с наиболее развитой рыночной инфраструктурой. Здесь удалось снизить издержки производства, перейти от национального к международным рынкам электроэнергии, расширить сферы деятельности компаний. В странах с переходной экономикой (Венгрия, Чехия) прива-

- 202 -

тизация привела прежде всего к росту эффективности управления и эксплуатации, а также к росту потенциальной инвестиционной привлекательности энергетических компаний для сторонних инвесторов. Консультантами было подчеркнуто, что опыт западных и других европейских стран следует использовать в России весьма осторожно, имея в виду различия исходных условий. Это подтверждают и приведенные в отчете для заказчика заключения зарубежных экспертов, предупреждающих о неоднозначности последствий либерализации энергетического российского рынка. Например, финские экономисты утверждают: "В целом, мы находим, что либерализация энергетических рынков в странах бывшего СССР привела бы к росту уровня благосостояния в странах Европейского Союза и в то же время к падению уровня благосостояния в странах бывшего СССР" (Riipinen, 2003. P. 5). Этот вывод сделан на основании расчетов, проведенных по модели GTAP (Global Trade Analysis Project - Мировой Торговый Аналитический Проект).

В Китае - стране со сходной социально-экономической структурой, добившейся высоких результатов в темпах экономического развития, энергетические предприятия, в том числе и в сфере производства атомной энергии, сохраняются в государственной (акционерной) собственности. В то же время именно в отношении таких государственных предприятий идут основные реформы, целью которых являются, если говорить кратко, рационализация, учет и контроль производства, освоение новых способов инвестирования.

Наращивание инвестиций - один из основных приоритетов новой экономической политики Китая, - происходит преимущественно за счет выпуска долгосрочных облигаций строительного займа, средства которого предназначены на строительство и реконструкцию крупнейших объектов инфраструктуры, в том числе и энергетики. Особую статью составляют "народные инвестиции", или сбережения населения, обеспечивающие в среднем 28% всего инвестиционного прироста в стране каждый год. Осуществление инвестиций подобного рода является одним из основных преимуществ энергетических компаний, функционирующих как ОАО со 100-процентным государственным участием.

В Китае преобразования развивались по сценарию "органической приватизации" под девизом диверсификации, всестороннего развития различных форм собственности и создания относительно равных условий для их рыночной конкуренции.

Одновременно была поставлена задача поиска новых методов хозяйствования на государственных предприятиях с целью повышения их эффективности и включения "на равных" в конкурентную борьбу. Уже в конце 1990-х годов встал вопрос о создании крупных корпораций на основе предприятий государственной собственности. Теперь речь идет не о том, чтобы любыми средствами сохранить су-

- 203 -

ществующие масштабы государственного сектора, а о выборе рациональных размеров, о том, как должно происходить отступление государства из тех сфер, где более эффективны другие формы хозяйствования. Перспектива еще большего сокращения доли государственного сектора не исключается. Вместе с тем необходимость самого его существования мотивируется уже не столько идеологическими соображениями, сколько целесообразностью централизованной поддержки наиболее важных отраслей и регионов, а также сохранения эволюционного характера преобразований. Само содержание понятия "государственный сектор" расширяется за счет включения в состав государственной собственности акционерных предприятий, контрольные пакеты акций которых принадлежат правительственным административным структурам разных уровней (Китайская Народная Республика в 2000 году, 2001. С. 90).

В 1998-2002 гг. углубление реформы предприятий государственного сектора Китая проводилось по пяти основным направлениям:

1) форсированное создание системы режима современных предприятий на ведущих государственных заводах и фабриках (четкое определение имущественных прав предприятий как юридических лиц, разделение административных и хозяйственных функций, научный менеджмент, ответственность за прибыли и убытки, повышение конкурентоспособности на основе сокращения излишнего персонала, отказа от выполнения социальных функций и внедрения технико-технологических инноваций);

2) создание механизма отбора лучших и отсева худших предприятий путем реструктуризации, объединения, слияния, аренды, продажи, банкротства;

3) снижение социальных и долговых обязательств в государственном секторе промышленности;

4) продвижение инновационных систем в управление государственными предприятиями;

5) всемерное усиление внешнего контроля за реформируемыми предприятиями, в том числе и с помощью командирования на них специально подготовленных ревизоров и аудиторов (Китайская Народная Республика в 2002 году, 2003. С. 106).

В реформировании госсектора Китая можно выделить следующие этапы. Решение о проведении реформы на предприятиях госсектора было принято на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.). На первом этапе реформы - в 1998 г. - происходило разделение прав хозяйственного и политического управления производством. Затем, с 1999 г., начались

процессы организованных из центра банкротств убыточных предприятий. Было разрешено превращать "плохие деньги" предприятий в акции. В результате многие банки-кредиторы стали собственниками госпредприятий. Они получили возможность определять их производственную политику. В 2000 г. рефор-

- 204 -

ма госсектора стала сочетаться с урегулированием национальной отраслевой структуры производства. По данным Государственного комитета КНР по экономике и торговле, в конце 1999 г. насчитывалось 601 предприятие, где было выпущено акций на сумму 459,6 млрд юаней. Из них 73 предприятия подписали соглашения с финансовыми структурами о передаче им в собственность "плохих долгов" и права управления предприятием на основе акционерной системы (Китайская Народная Республика в 2000 году, 2001. С. 85).

Реформирование электроэнергетики, как показал анализ национальной программы и зарубежного опыта, главной своей целью имеет создание условий для роста производства электроэнергии, а также финансовой и технологической стабильности энергетических предприятий. Выбор направления реформирования, его средств и процедур обуславливается исходными предпосылками, складывающимися в экономике и стране в целом. Приоритет отдается тем, которые в наибольшей мере способны решать задачи настоящие и будущие.

Г. Правовое поле - юридические ограничения*. Направление реформирования Концерна "Росэнергоатом" определяется также тем правовым полем, которое складывается в сфере его деятельности. Поэтому на следующем, четвертом шаге, после анализа социально-экономического и отраслевого контекста, а также зарубежного опыта, проанализированы законодательные и правовые ограничения. Две группы законодательных актов рассмотрены в качестве наиболее важных для решения поставленной задачи. Во-первых, это законодательство, определяющие специфику работы атомной энергетики как стратегической отрасли национального хозяйства, значимой для государственной безопасности. Основным законом в этой сфере является Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 1995 года № 170-ФЗ "Об использовании атомной энергии", принятый Государственной Думой 20 октября 1995 г. (с изменениями Федеральных законов от 10.02.1997 г. № 28-ФЗ; от 10.07.2001 г. № 94-ФЗ). Согласно статье 5 этого закона, все ядерные установки, в том числе и не имеющие оборонного значения (к ним относятся реакторы АЭС), находятся в федеральной собственности. Таким образом, современное законодательство не допускает приватизации атомных объектов, что означает для Концерна "Росэнергоатом" невозможность акционирования, если его понимать как частный случай приватизации.

Во-вторых, проанализированы документы, определяющие правовое поле организации управления государственным сектором

* При анализе правового поля деятельности Концерна основная работа была выполнена М.А. Дерябиной.

- 205 -

экономики РФ, в который включен Концерн "Росэнергоатом". Стратегическим документом в этой сфере является Концепция управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации (далее - Концепция), принятая Постановлением Правительства № 1024 от 9 сентября 1999 г. В ней предусматривается радикальное сокращение масштабов государственного сектора, а также глубокое реформирование государственных унитарных предприятий и акционерных обществ с участием государства. Во исполнение Концепции было принято Постановление Правительства РФ от 6 декабря 1999 г. № 1348 "О федеральных государственных унитарных предприятиях, основанных на праве хозяйственного ведения" (к которым относится и Концерн), предусматривавшее варианты преобразования организационно-правовой структуры таких предприятий. Прямое действие данного постановления допускает две возможности преобразования Концерна "Росэнергоатом" на ближайшую перспективу:

1) сохранение предприятия в форме федерального унитарного государственного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения (ФГУП);

2) создание на базе имущества предприятия федерального казенного предприятия.

Наиболее высокой являлась вероятность сохранения Концерна "Росэнергоатом" в действующей организационно-правовой форме - ФГУП, что подтверждено рядом факторов.

Первое - отмеченные тенденции реформирования государственной собственности. Ситуация показала замедление преобразования государственных унитарных предприятий (ГУП) в иные организационно-правовые формы. Из перечня предприятий, предназначенных к реформированию в соответствии с Постановлением Правительства № 1348, за четыре года была преобразована лишь треть, остальные продолжают существовать как ГУП. Если за период с 1999 по 2002 г. число ФГУП сократилось более чем на 49%, то в 2003 г. их число, наоборот, возросло на 4%. Можно видеть, что фактически реализуется не столь революционный, как декларировалось, подход. Наоборот, предусматривается сохранение ГУП на ближайшую перспективу, что подтверждается ориентацией на **постепенное** уменьшение числа таких предприятий, **длительностью** процесса их преобразования, **акцентом** на мерах по **улучшению контроля** и управления ими. Выражением этой тенденции стал принятый в ноябре 2002 г. федеральный закон "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях", в котором определены более длительные сроки существования ГУП и обозначена необходимость более жесткой законодательной регламентации прав государства как собственника имущества таких предприятий. В связи с этим в нем предусмотрен ряд принципиальных новшеств по сравнению с действовав-

- 206 -

шим до этого регулированием деятельности ГУП в рамках Гражданского кодекса РФ.

Второй фактор, свидетельствующий об ориентации на сохранение ФГУП в длительной перспективе, - усиление текущего контроля и экономического мониторинга деятельности ФГУП со стороны государства. Федеральные исполнительные органы осуществляют его

посредством ежегодно утверждаемых программ для подведомственных им предприятий. С этой целью 10 апреля 2002 г. Правительство приняло Постановление № 228 "О мерах по повышению эффективности использования федерального имущества, закрепленного в хозяйственном ведении федеральных государственных унитарных предприятий". Программы составляются по специальной форме и подчиняются "Правилам разработки и утверждения программ деятельности и определения части прибыли ФГУП, подлежащей перечислению в федеральный бюджет".

Третий фактор, на основе которого можно судить о том, что ФГУП сохранятся еще достаточно долго, - ужесточение уставных прав ФГУП и рост ограничения проводимой в их рамках кадровой политики. Усиление контрольных функций государства по отношению к крупнейшим ФГУП предусматривается также посредством создания Наблюдательных советов из представителей государственных органов, курирующих данное предприятие. Разрабатывается требуемая правовая регламентация деятельности государственных представителей в таких Наблюдательных советах. Для ФГУП стратегического значения предусмотрена возможность прямого подчинения Правительству РФ. В настоящее время эта норма существует в основном для предприятий и компаний оборонно-промышленного комплекса, но обсуждается ее распространение и на другие стратегические отрасли, к которым, несомненно, относится атомная энергетика.

Вывод: сохранение Концерна в форме ФГУП, учитывая отмеченные тенденции по совершенствованию управления и сохранения на обозримую перспективу, имеет высокую вероятность.

Другой вариант преобразования Концерна - перевод его в статус **казенного предприятия**. По мнению консультантов, такая перспектива для Концерна на тот период была менее вероятна. Во-первых, по причине юридической "недостаточности оснований", во-вторых, из-за абсолютной невозможности перевести на режим тотального сквозного государственного контроля и работы по смете доходов и расходов такое крупное и сложное структурное образование. Вместе с тем отмечено, что в случае создания исключительной ситуации (по субъективным или объективным причинам) вполне возможно использование имеющихся норм закона для того, чтобы принять решение о придании Концерну статуса казенного предприятия со всеми вытекающими последствиями.

- 207 -

Вывод: преобразование Концерна "Росэнергоатом" в казенное предприятие вероятно, но вероятность эта очень низка.

Наибольшее внимание было уделено варианту возможного преобразования Концерна в открытое акционерное общество со 100-процентным участием государства. Юридически такая возможность, несмотря на запреты приватизации объектов атомной энергетики, допускается, поскольку не проработано само законодательство об акционировании и приватизации. Так, с одной стороны, Закон о приватизации от 1997 г. прямо относил преобразование государственного предприятия в акционерное общество со 100-процентным участием государства к одному из способов приватизации. С другой стороны, сделаны шаги к легитимному выведению из-под

действия приватизационного законодательства процедур преобразования **ФГУП** в АО со 100% акций, закрепленных в федеральной собственности. Так, в Законе о приватизации от 2001 г. в перечне способов приватизации отсутствует преобразование ФГУП в АО со 100-процентным участием государства. Такое акционирование, тем самым, может трактоваться как сохранение объекта в федеральной собственности. Вступивший в силу в апреле 2002 г. новый закон о приватизации содержит указание на возможность вносить изменения в перечень стратегических ГУП, в том числе исключать из него те или иные предприятия. Эта норма может стать первым шагом для последующего акционирования таких предприятий. После того, как в законодательстве будут более подробно прописаны особенности ОАО с 100% акций, закрепленных в госсобственности, и процедуры преобразования унитарных предприятий в АО со 100% участия государства выйдут из-под действия приватизационных законов, препятствия к их акционированию будут сведены к минимуму. Поэтому вариант реорганизация Концерна "Росэнергоатом" в открытое акционерное общество, в том числе с сохранением 100% акций в собственности государства, также вероятен.

Однако практика преобразований 1999-2002 гг. показала, что юридически данный вариант преобразования ФГУП и устранения свойственных им недостатков права хозяйственного ведения проработан недостаточно. Преобразование ФГУП в ОАО со 100% акций в федеральной собственности сталкивается с отмеченной выше размытостью трактовки запретов на приватизацию ряда стратегических отраслей и объектов, к числу которых относится и Концерн "Росэнергоатом".

Вывод: преобразование Концерна "Росэнергоатом" в **ОАО со 100-процентным участием государства** вероятно, но без специальных решений это возможно лишь в отдаленной перспективе.

Для дополнительной аргументации выбора организационно-правовой формы была проведена оценка решения стоящих перед Концерном проблем. В связи с этим было выполнено предваритель-

- 208 -

ное тестирование возможностей, предоставляемых ФГУП, ОАО и казенным предприятием, в поле конкретных производственно-хозяйственных и управленческих решений.

Структурирование проблем, "собранных" в результате анализа документов, экспертных опросов и консультаций с заказчиком, произведено по принципу выделения внешнего и внутреннего контуров функционирования Концерна. В каждом из контуров выделены три группы задач: производственно-экономические; финансово-экономические; организационно-управленческие. Результаты тестирования были представлены в специальной многостраничной таблице, приложенной консультантами к отчету. В ней отмечены как преимущества, так и проблемные моменты предлагаемых решений.

Было выявлено, что форма казенного предприятия обеспечивает четкий государственный контроль, хорошую управляемость и прозрачность финансовой деятельности предприятия. В то же время статус казенного предприятия не соответствует реальной сложности управляемой системы, существенно ограничивает хозяйственную самостоятельность, не позволяет задействовать мотивацию руководства

для эффективного решения производственных задач. Деятельность Концерна в статусе казенного предприятия также означает рост проблемной бюджетной нагрузки.

Сохранение действующей организационно-правовой формы - ФГУП, имеет двойственный характер. С одной стороны, она отвечает требованиям достаточно сильного государственного контроля, управляемости и прозрачности, что необходимо в силу отраслевой специфики атомной энергетики. С другой стороны, имеющееся у ФГУП право хозяйственного ведения ущемляет правомочия государства как титульного собственника имущества. Одновременно эта форма ограничивает и возможности хозяйственной инициативы, необходимой для адекватных действий на либерализующемся энергетическом рынке. Компромиссный характер и двойственность данной правовой формы являются основной причиной того, что баланс ее "плюсов" и "минусов" в решении имеющихся проблем Концерна не однозначен.

По мнению консультантов, преобразование в ОАО со 100-процентным участием государства в наибольшей мере способствует решению проблем, стоящих перед Концерном "Росэнергоатом" во внешнем и внутреннем контурах производственно-хозяйственной деятельности. Эта форма позволит сохранить и расширить механизмы государственного контроля, и в то же время использовать основные преимущества акционирования как гибкой формы деятельности, адекватной по сложности реальной производственной системе. В наибольшей степени эти преимущества будут проявляться по мере развития в России рынка капитала, дальнейшей либерализации

- 209 -

энергетического рынка и создания полноценной рыночной инфраструктуры.

Сопоставление данных контекстуального анализа по всем выделенным направлениям обусловило выводы и предложения, сделанные в ходе управленческого консультирования. Основной результат диагностики, базировавшийся на описанной выше теоретической основе, обобщении тенденций развития социально-экономического, отраслевого и законодательного полей, заключался в модификации исходно предполагавшегося решения поставленной задачи. Консультантами был обоснован вывод о том, что акционирование в те сроки и в тех формах, как это представляли себе представители топ-менеджмента Концерна, вряд ли возможны и целесообразны. Согласившись с тем, что наиболее рациональной моделью реформирования Концерна "Росэнергоатом" является открытое акционерное общество - ОАО, консультанты отметили, что данный вариант не может быть осуществлен одномоментно и в тех формах, как это предлагается современным законодательством.

Во-первых, изменение темпов и направленности рыночных преобразований, усиление их прагматического характера определяет целесообразность и необходимость подготовительного периода, направленного на использование возможностей действующей формы ФГУП для решения перспективных задач преобразования в ОАО. Они включают в себя: 1) инвентаризацию, аудит, уточнение и автоматизацию внутреннего порядка финансовой и бухгалтерской отчетности; 2) разработку рациональной структуры (включая реструктуризацию активов), 3) отладку механизма управления и

ответственности внутри Концерна с уточнением прав, ответственности и мотивации руководящих кадров. При выборе конкретных решений возникающих проблем преимущество следует отдавать тем управленческим вариантам, которые, "укладываясь" в существующую форму унитарного предприятия, могут быть использованы и развиты при переходе к акционерной форме. Другими словами, необходимо тестирование основных управленческих решений и процедур как потенциальных элементов системы будущего ОАО. С этой целью было предложено осуществлять экспертный стратегический мониторинг.

Во-вторых, речь не идет о смене статуса госсобственности Концерна, как это предполагалось "на входе", а о модернизации. Аргументами такого решения служат отмеченные тенденции развития институциональной хозяйственной среды. К ним относятся: 1) начавшаяся корректировка социально-экономической политики,

2) ожидаемое принятие нового законодательства и правовых норм,

3) уточнение режима переходного периода при либерализации энергетического рынка и др. В этих условиях можно либо ожидать общего изменения "правил игры" для таких хозяйствующих субъек-

- 210 -

ктов, к которым относится Концерн, либо выступить с инициативой нестандартного алгоритма создания ОАО на базе Концерна с тем, чтобы заранее нивелировать возможные трансформационные риски и учесть интересы отрасли. Таким стратегическим вариантом стало предложение войти в систему федеральных органов исполнительной власти с инициативой разработки специального статуса "ОАО - Государственная корпорация" для Концерна "Росэнергоатом", включая пакет специально подготовленных с участием ученых и практиков типовых уставных документов. На их основе возможно реформирование и других объектов федеральной собственности, что актуально для современного этапа российской экономики. Таким образом, на основе проведенной социально-экономической диагностики было предложено новое решение поставленной задачи, учитывающее реалии и перспективы развития отрасли: сохранить государственную собственность, используя акционирование как форму модернизации и механизм ее развития. В данном случае теоретические предпосылки позволили зафиксировать и использовать те тенденции, которые "на входе" не представлялись столь значимыми и очевидными.

11.3. Резюме

В ходе социально-экономической диагностики теория и практика вступают во взаимодействие, которое в идеале имеет два основных результата (рис. 9). Исследуя практику с помощью тех или иных теоретических положений, ученые предлагают определенные решения, которые затем эту практику модифицируют. Появляются новые средства и процедуры, которые используются в управленческой деятельности, формируя новые рутины, позволяющие экономить общественные усилия. В данном случае таким средством предположительно может стать новая организационно-правовая форма "ОАО - Государственная корпорация", которая и вписывается в институциональную среду, и имеет модернизированный характер, учитывая современные достижения рыночной правовой и

экономической культуры. Это - первый из возможных результатов взаимодействия теоретиков и практиков в ходе экономической диагностики.

С другой стороны, в ходе взаимодействия практики и теории последняя также обогащается и уточняется. Сформулированные положения получают конкретное содержание, что позволяет в дальнейшем углублять теорию, приближая ее к практическим потребностям. В данном случае таким уточнением стало представление о возможных формах воплощения альтернативных рыночных Y-механизмов в условиях редистрибутивной экономической среды.

- 211 -

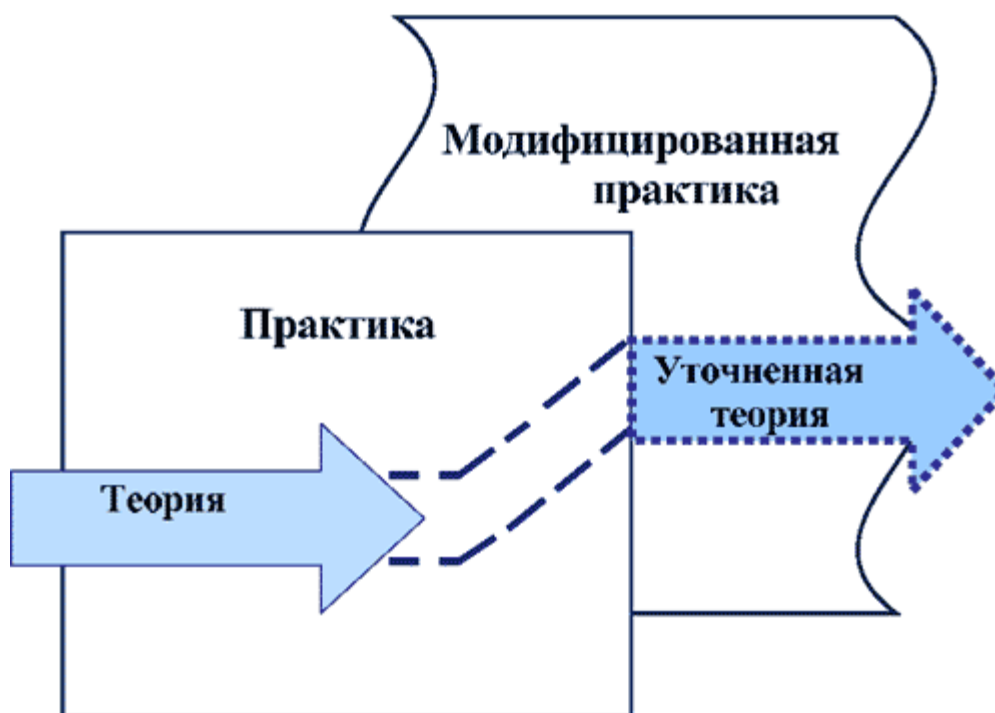

Рис. 9. Взаимодействие теории и практики в ходе социально-экономической диагностики

Изоморфизм акционерной формы, используемой как механизм развития государственной собственности, позволяет уточнить систему понятий, в которых могут быть описаны и систематизированы процессы становления новых институтов редистрибутивной X-экономики.

Результаты проведенного управленческого консультирования крупной корпорации подтверждают, на наш взгляд, и другие отмеченные в литературе выводы о специфике социально-экономической диагностики как формы реализации теоретического знания. Во-первых, подтверждается значение институциональных теорий как наиболее адекватных теоретических инструментов диагностики социально-экономической ситуации в России. Масштабы и исторические цивилизационные особенности российского социума и национального хозяйства требуют учета долговременных факторов развития как наиболее значимых параметров функционирования. Для таких стран как Россия, реализующих собственные, а не заимствованные траектории развития, направление path dependence является наиболее естественным и многообещающим подходом. В данном случае именно использование положений концепции

институциональных матриц, развивающей идеи традиционного институционализма, позволило в ходе практической диагностики структурировать описание, дать прогноз ситуации и предложить неочевидные решения поставленных задач.

Во-вторых, проявилось значение учета контекстуальных изменений при практическом консультировании управленческих и по-

- 212 -

литических проблем. Как отмечает Линкольн Гр. Хайден, основная задача консультирующего ученого в таком случае состоит в выработке критериев, которые будут соответствовать новому набору правил и институтов, необходимых для решения проблемы. В связи с этим Хайден отмечал необходимость оценки нового предложения до нововведения. Конечно, "контекстуально изменчивый подход к анализу политики и управления требует значительных инвестиций в такие исследования. Хотя это и дорого, но альтернатива выделения миллиардов долларов на неправильно ориентированную политику, которая потерпит провал, еще более дорогостоящая, разочаровывающая и приносящая вред гражданам. Исследования необходимы для выработки и совершенствования критериев таким образом, чтобы политика вела к новому контексту, соответствующему потребностям всей общественной матрицы. Научное моделирование должно носить многократный характер, так как его необходимо постоянно пересматривать по мере обнаружения новых знаний и информации" (Hayden, 1995. P. 57). Теоретическое обоснование представленной в настоящей главе работы по управленческому консультированию показывает, на наш взгляд, значение теорий как факторов, определяющих выбор таких новых контекстуальных критериев, позволяющих сэкономить усилия практиков на наиболее вероятном и целесообразном направлении. Консультанты предложили управленцам решение, которое отвечает и поставленным целям, и возможностям практической реализации, в отличие от того варианта, который имел меньше шансов на достижение, но потребовал бы значительных финансовых, трудовых и организационных затрат, возможно не окупивших бы себя.

В заключение уместно, на наш взгляд, привести цитату Кейнса, чьи теоретические положения послужили основой социально-экономической политики не одного послевоенного европейского правительства. Он писал, что "...идеи экономистов и политических мыслителей - и когда они правы, и когда они ошибаются - имеют гораздо большее значение, чем это принято думать. В действительности только они и правят миром. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад" (Keynes, 1936. P. 383-384). Это накладывает на ученых и теоретиков большую ответственность, поскольку разрабатываемые ими научные теории могут, пусть даже и независимо от их желаний, послужить инструментом социально-экономической диагностики и практической политики. Эта ответственность тем более высока, если речь идет о практическом использовании экономической теории для диагностики и консультирования. Что мы в полной мере осознали и почувствовали, выполняя описанную в этой главе работу.

Глава 12

РЕТРОСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ X-ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

*Нельзя быть в вечном
противоречии с историей своей
страны.*

В.В. Путин

Обозреть развитие экономической мысли России за последние столетия - задача, непосильная по масштабам и сложности для одной главы. В то же время можно выделить отчетливую тенденцию в национальной экономической мысли, а именно: последовательное стремление к изучению особенностей хозяйственной системы, обозначаемой нами термином X-экономика. Именно это стремление характеризует российскую экономическую мысль как самостоятельное явление. Оно позволяет осознанно говорить о российской экономической школе, которая имеет собственные результаты и теоретические достижения.

Особенностями российской школы экономической мысли, образцы которой представлены в настоящей главе, являются следующие объединительные воспроизводящиеся черты:

- размышление в рамках так называемой **объективистской парадигмы**, признающей естественный, объективно существующий характер хозяйственных процессов, "неконструируемость" людьми существующих экономических законов;

- **социальность**, а точнее, социологический характер экономических представлений, выход за пределы собственно хозяйства при анализе экономических проблем;

- рассмотрение экономических явлений не с позиции западного "методологического индивидуализма", когда в центре исследования находится homo economicus, а в контексте массовых и институциональных процессов, так называемый **холистический подход**;

- констатация наличия "**другой экономики**" с присущими ей экономическими законами, отличающейся от европейской.

12.1. Духовная политическая экономия Ивана Посошкова (XVIII в.)

В качестве первой концептуальной схемы, с которой, на наш взгляд, можно "начинать отсчет" российской экономической школы, выбраны взгляды Ивана Тихоновича Посошкова. Наиболее полно они представлены в его солидном труде "*Книга о скудости и*

богатстве" 1724 г., который он собственноручно писал три года и представил затем государю Петру I. Почему мы выбрали именно эту работу?

Наука в России, официально начавшись с учреждения "Академии наук и курьезных художеств" в 1724 г., была представлена тогда и многие последующие годы исключительно академиками-немцами, т.е. иностранцами.

И.Т. Посошков написал свой знаменитый труд до начала распространения в нашем отечестве заимствованных зарубежных теорий "при отсутствии знакомства хотя бы с начатками западноевропейской экономической науки", как отмечается в известном энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Поэтому его исследование является не только первым, но и "чистым образцом" российской экономической мысли. В то же время это - одна из первых успешных, как это не раз отмечалось (*Научные труды Международного Союза Экономистов и Вольного Экономического Общества России*, 2003), попыток анализа устройства всего российского общества, что соответствует заявленным критериям отбора анализируемых работ.

Наследие И.Т. Посошкова, признаваемого с 1842 г. первым русским экономистом (именно в этом году М. Погодин впервые напечатал его главную работу - "Книгу о скудости и богатстве"), постоянно анализируется в разнообразных методологических позициях. К нему примеряют положения современных ему меркантилистов, упрекают в приверженности идеям физиократов, описывают его выводы как образец анализа "феодальных отношений" и т.д. Но насколько правомерно помещать концептуальное видение Ивана Посошкова в рамки конкретных, а часто - чуждых ему методологических концепций? Не становятся ли они "прокрустовым ложем" для концепции, в котором пропадает живое, нестандартное, иное содержание его политической экономии? Попробуем провести разбор замечательной работы нашего соотечественника, не навешивая ему известных идеологических ярлыков. Будем анализировать его собственный "утаенно от зрения людского трелетным трудом" написанный текст лишь с точки зрения представленное™ в нем отмеченных выше акцентов, характеризующих специфику самостоятельной российской экономической мысли.

В свое время Н. Павлов-Сильванский, исследовавший труды и доношения так называемых "прожектеров" петровской эпохи, делил их на два типа. Он различал среди них крайних западников, знакомых по личным впечатлениям с Западной Европой и предлагавших широко использовать западноевропейский опыт в области государственных учреждений, экономики, техники и культуры. Другую группу авторов прожектов он называет "московскими прогрессистами". Эти люди сочувствовали лишь некоторым сторонам деятельно-

сти петровского правительства, внедрявшего европейские правила, являясь более приверженцами сложившихся традиций "московской старины". К числу "московских прогрессистов" Н. Павлов-Сильванский относил и Посошкова (*Павлов-Сильванский*, 1937. С. 42). Полагаем, что справедливо согласиться с такой оценкой Павлова-Сильванского.

Действительно, являясь "прожектером", т.е. лицом, подающим царю доношение об улучшении тех или иных сторон государственной жизни (очень популярный вид деятельности в петровские времена, спровоцировавшей всплеск инициативы всех слоев населения), Посошков не выходит за рамки "естественных предложений". Как

правило, он формулирует их, исходя из сложившегося порядка, отмечая необходимость дать ему проявиться в полной мере.

Характерно его обоснование улучшений в земельных делах. "Землю сотворил Бог недвижимо и владение земли, аще и переходит из рук в руки, обаче она стоит неподвижно. Того ради и аще побор с нея учинить, может он недвижим быть и состоятелен он будет" (Посошков, 1937. С. 270). Та же мысль прослеживается и в других его рекомендациях. Он апеллирует к установленным Богом правилам, которым и надо следовать. В данном случае это не только и не столько обычная дань официальной идеологии, которой грешат рекомендации представителей общественных наук во все времена. Читая труд Посошкова, нельзя не почувствовать его веру в то, что жизнь развивается "по правде". Именно поэтому он надеется быть услышанным. Отмеченные им многочисленные проблемы не отменяют естественного хода ощущаемого им порядка, они лишь досадно тормозят его.

Поэтому труд Посошкова, человека, несомненно, верующего, может, на наш взгляд, рассматриваться как пример рассуждений в рамках объективистской, материалистической парадигмы, характеризующей школу российской экономической мысли. В целом он принимает сложившиеся установления и поэтому не согласен с необходимостью коренных преобразований, о которых часто и поверхностно говорят люди, увидевшие где-то нечто и не задумывающиеся о том, насколько это применимо в конкретных условиях. Посошков рассуждает именно применительно к данным условиям, признавая естественный характер окружающей его реальности.

Специфика и ширина его подхода к анализу хозяйственных процессов делает неправомерным отнесение Посошкова к известным и, как правило, "узконаправленным" экономическим школам - меркантилистам или физиократам. Его подход, на наш взгляд, можно назвать социальным, вернее, социологическим. Почему социологическим? Потому что именно социология выделяет экономику, наряду с политикой и культурой (идеологией), как одну из общественных подсистем. Тем самым в социологии экономические отношения ап-

- 216 -

риори вписываются в контекст общественной жизни, рассматриваются одной из сторон функционирования социума как единого целого. Соответственно, анализ экономических проблем оказывается невозможным без одновременного рассмотрения особенностей политических и культурных компонентов данного общества: они и дают ключ к пониманию сущности хозяйственных процессов, и одновременно являются их логическим социальным продолжением. Именно такой подход представлен в работе Посошкова "Книга о скудости и богатстве".

Действительно, первая глава книги называется "О духовности". С самого начала своего труда Посошков обращает внимание читателя на духовные, культурные основания российской жизни. "Первее же предложим расположение о духовном направлении..." (Там же. С. 101), - пишет он, полагая невозможным без этого рассуждать о хозяйственных делах. Объектом рассмотрения для него служит главное

духовное и идеологическое основание социальной жизни российского государства того времени - религия православия. Посошков рассуждает о роли православия и важности авторитета его служителей. Понимая значение общей идеологической платформы для единства общества, он озабочен распространением и укреплением православной веры в России. В качестве конкретного шага он предлагает обязательное и повсеместное внедрение образцового, по его мнению, труда "Камень веры", где "правильно" изложены основы православия. "И ради утверждения в вере и ради охранения от лютеранския и калвинския и от прочих иконоборцев напечатать книг, колико надлежит, "Камень веры", иже блаженные памяти преосвященный резанский митрополит Стефан Еворский сочинил, и книг по пяти-шти в школу отослать, и чтобы тот многоценный Камень желающий презвитерства затвердили его на память..." (Там же. С. 111). Здесь мы видим и осознание важности Посошковым духовной сферы, и заинтересованность в ее развитии путем распространения общих идеологических стандартов.

Не меньшее внимание обращает Посошков на устройство политической жизни. Отдельная, третья глава его работы - "О правосудии". Но замечания по поводу проблем и усовершенствования того, что традиционно называют политической сферой, присутствуют и в других главах его работы, например, "О купечестве" или "О царском интересе". Он рассматривает вопросы представительства разных групп населения в решении важных государственных вопросов и предлагает процедуры их участия, высказывается о правах и обязанностях граждан в хозяйственной сфере и управлении, дает рекомендации по созданию необходимых, на его взгляд, звеньев управленческой системы, позволяющих четко реализовать бщегосударственный, или царский, как Посошков его называет, интерес.

- 217 -

Особенностью подхода Посошкова является поиск необходимого баланса между сохранением централизованного начала, выражаемого властью государя, и волеизъявлением всего населения, без чего невозможно, по его мнению, эффективное управление таким огромным хозяйством. Посошков считает необходимым узаконить норму "совершенного общесоветия" при принятии судебника, Уложения. Такая процедура может служить своеобразным механизмом "обратной связи" в системе централизованного управления. С одной стороны, посредством этого механизма осуществляется перцепция новых легитимных правил всеми теми, кому они адресованы, т.е. "освидетельствование" новых законов "вольным голосом". "И написав тыя новосочиненные пункты, всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением" (Там же. С. 162). С другой стороны, через предлагаемую процедуру можно проводить усовершенствование законодательства, если этого не успевают сделать центральная власть. Так, если какого-то важного для жизни указа нет, то новые статьи "написать и изложить по его государеву указу общим советом" (Там же. С. 72). Более того, "И аще кто узрит какую неправостную статью, то бы без всякого сумнения написал бы, что в ней неправости, и ничего не опасаяся, подал бы ко исправлению тоя книги, понеже всяк рану свою в себе лучше чует, нежели во ином ком" (Там же. С. 163). Отчетливо прослеживается стремление Посошкова превратить этот путь в систему, в государственный институт, в общее

правило всей политической жизни страны, ибо, как он пишет, "И того ради без многосоветия и без вольного голоса никоимы дела невозможно..." (Там же).

Но, внимательно вчитываясь в текст его книги, понимаешь, что предложения Посошкова о "многосоветии" и "вольном голосе" выступают как дополнительные мероприятия, не заменяющие, но усиливающие, поддерживающие централизацию власти. Наиболее отчетливо его представление о верховенстве централизованного начала в политической системе России просматривается при разборе судебной системы. Посошков убежден, что судебная власть не может доминировать в Российской империи, и полагает, что над судами должен быть государь. "И ради самая твердости в судах и во всяком правлении, чтобы от правосудия ни много, ни мало судьи не колебались, надлежит учинить особливая канцелярия, в которой бы правитель был самый ближней и верной царю. Еже был он бы око цареву, верное око, иже бы над всеми судьями и правителями был вышний и за всякими бы правителями смотрел властительно и никого бы кроме бога да его и.в. [Императорского Величества. - С.К.] не боялся...И у всех "коллег и у канцелярий прибить печатные листы со изъявлением таким: буде судья или подьячей какую учинит в деле неправду, то приходили бы в тое канцелярию, то всякому лицу будет там управа" (Там же. С. 165-166).

- 218 -

На наш взгляд, можно уверенно говорить, что для Посошкова экономическая действительность неотрывна от действующих в обществе политических и нравственных законов. Если Адам Смит по праву считается основоположником "политической экономии", то об Иване Посошкове можно говорить как об основоположнике "духовной политической экономии", где экономика, политика и духовная жизнь, идеология выступают равноправными координатами рассмотрения общества. Концентрируясь на анализе хозяйства, он не выпускает из виду его взаимосвязи с этими общественными подсистемами. Тем самым мы считаем Посошкова первым выразителем общесоциологического взгляда на экономические процессы, что характеризует особенности начавшейся с его трудов российской школы экономической мысли.

Третьей особенностью мышления Посошкова, характерной для теорий российских экономистов, является акцент на действиях больших социальных групп людей и общих правил, на анализе социального целого, а не на поведении отдельного "экономического человека". Западные экономисты традиционно выводят экономические и социальные законы из природы человека, его рациональности, индивидуального интереса. Согласно их методологии, именно достижение этих интересов и формирует, в конечном счете, структуру складывающейся в обществах институциональной среды. Иной подход в рассуждениях Посошкова. Рассматривая, казалось бы, конкретные вопросы межевания земель или организации торговых мест, мероприятия по развитию промышленности или художеств, он смотрит на это сквозь призму государственного, общероссийского интереса. Неслучайно девятая, заключительная, глава - это глава "О царском интересе". Царь здесь, на наш взгляд, выступает своеобразным актором, персонифицирующем казенный общероссийский интерес.

Соответственно, законы социального поведения дворянства,

купечества, крестьян или духовенства Посошков выводит из того, насколько оно содействует достижению этого общего интереса; этим и продиктован характер его рекомендаций. Примером может служить уже упомянутое предложение о распространении среди священнослужителей книги "Камень веры", чтобы на ее основе укреплять единство православия в стране. Другими примерами являются предложения Посошкова по улучшению экономических порядков, которые будут рассмотрены ниже.

Четвертой особенностью наследия первого русского экономиста, и наиболее, на наш взгляд, важной, определившей, в конечном счете, вклад российской экономической школы в мировую науку, является рассмотрение хозяйства России как принципиально иной экономики, в которой действуют качественно отличные от европейских стран хозяйственные законы и категории.

- 219 -

Прежде всего это касается отношений собственности. Посошков подчеркивает в своем труде общегосударственный, "царский" характер собственности как на средства производства (представленной в тот период преимущественно землей), так и на рабочую силу (крестьян). Рассуждая об ограничении прав помещиков распоряжаться пожалованной им землей под условие "государевой службы", Посошков пишет: "Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время, того ради и царю воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная" (*Там же*. С. 65). То же пишет он и о крестьянах: "Крестьянам помещики не вековые владельцы..., а прямой им владетель всероссийский самодержец, они владеют временно" (*Там же*. С. 254), "Помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые" (*Там же*. С. 259).

Опираясь на эти цитаты, ряд исследователей полагают, что Посошков отмечает феодальный характер помещичьего землевладения (*Предисловие Кафенгауза* в цит. книге. С. 67), сохранившийся в отсталой по сравнению с Западной Европой Руси. На наш взгляд, это весьма поверхностное суждение. Сущностью феодализма является, как известно, развитие и укрепление частно-правовых отношений. Они выражались в распространении *иммунитетов*, фиксирующих закрепление земли, судебных и налоговых функций за отдельными собственниками. Неслучайно феодализм рассматривается как закономерная фаза в развитии товарного производства и рыночных экономик (К. Маркс). Понятие феодализма в экономической жизни почти синонимично понятию раздробленности, хозяйственного обособления. Посошков же, наоборот, подчеркивает единый характер собственности в стране, независимо от того, за какими экономическими акторами она закреплена. Из этого вытекает как возможность установления единых правил ее использования, так и необходимость централизованного контроля за исполнением этих правил для соблюдения "государственного интереса".

Убедительным доказательством именно такого взгляда Посошкова на устройство хозяйственной жизни в России служат его предложения по развитию торговли, промышленности и денежному обороту.

Посошков, который сам был купцом и которого часто представляют выразителем интересов купеческого класса, был, на наш взгляд, человеком прежде всего государственным и настоящим мыслителем. Он

смотрел на экономику страны как на единое пространство. Соответственно, он понимал, что все процессы в нем не могут не осуществляться по общим, естественно сложившимся законам. То, что Посошков полагал необходимым для эффективного использования государственной собственности, то же он полагал необходимым реализовать и в торговле. Так, он стремился к тому, чтобы купцы торговали строго организованно и "с воли командира своего и по

- 220 -

согласию купечества, поставя цену товару своему, отпускали бы за море и за прочие рубежи русские товары, как богатые, так и убогие, с воли командира своего по общему согласию кампанства, чтобы никому обиды не было" (*Там же*. С. 198). Также он считает возможным проведение единообразной политики в отношении привозимых товаров, "Мы в своем царстве с воли монарха своего волны на привезенные их товары цену налагать" (*Там же*. С. 210).

Пожалуй, более всего несоответствие взглядов Посошкова и положений классической политэкономии обнаруживается при обсуждении способов ценообразования. Он являлся убежденным сторонником однообразной указной цены, предписанной властями, называя ее "установленной ценой". Для поддержания этой цены Посошков считал необходимым вменить в обязанность сотским и десятским наблюдать, чтобы торговцы "цену брали ... по чему коему товару цена положена" (*Там же*. С. 196).

Механизм ценообразования обнаруживается им не в рыночных обменах, а выводится из специфики экономического и политического устройства России, имеющего централизованный характер. Вот как он об этом пишет: "Царь наш не купец, но самодержавны повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно и нимало ни направо, ни налево неподвижно. Яко Бог всем светом владеет, тако и царь в своем владении имеет власть и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвальной и чтобы меры везде равные, и цене подобает быть равной и никогда неизменной, како в хлебородном году, тако и в недородном" (*Там же*. С. 295). На все товары следует "положить цена установленная, чтобы она какова была в первой лавке, такова бы и в последней" (*Там же*. С. 54), т.е. считал, что можно "цену устанавливать царским указом, а не мужичьим уставом" (*Там же*. С. 302). Непонимание такого подхода выражали даже современники Посошкова. Так, на страницах его рукописи обнаружена помета, сделанная неизвестным возмущенным читателем: "Старик, нельзя одной цены уставить, веть товару имя одно, да добрата не одна. Ину пору уж и ты врьшь!" (*Там же*. С. 198). Интересно, что бы сказал этот читатель, узнав, что спустя почти 300 лет в его родном отечестве действует именно такой порядок, когда правительство устанавливает обязательную единую цену, или тарифы, на электроэнергию по всей огромной стране?

По-иному смотрит Посошков и на место торговли в системе экономических отношений. Если в западных экономиках торговля (в широком смысле) составляет ее суть, то в России, полагает Посошков, торговля должна быть обособлена и контролируема. Тем, кто захочет торговать, "...надлежит им прежний свой чин оставить и записаться в купечество и промыслять уже прямым лицом, а не пролазом... И без согласия купеческого командира утайкою ничего

по-прежнему, воровски, ничего не делать и пошлинного платежа ни малого числа не таить" (*Там же*. С. 193). Соответственно, показательно его - русского купца - отношение к конкуренции, традиционно полагаемой двигателем торговли и всего рыночного механизма. Вот как он высказывается на эту тему в другом своем сочинении "Завещание отеческое к сыну", где советует тому, если он вступит в купечество, следующее: "Купцов от чужих лавок не презывай и товару своего, аще и добр, не весьма выхвалявай" (*Там же*. С. 53).

Последовательно реализуя свое понимание экономического строя России, Посошков по-иному смотрит и на роль денег. В его понятиях ценность денег определяется государственной властью. "И тыи иноземцы хошут то учинить, чтоб и у нас в Руси денги были по цене в них положенного товара... У нас же денги надобно бы сличать по власти королевской" (*Там же*. С. 56), "И делать бы их не по иноземчески, по цене меди, но по изволению его и.в." (*Там же*. С. 313).

Не вдаваясь в детальное обсуждение сложнейшей проблемы денежного хозяйства (до сих пор внятно не разрешенной российской экономической наукой), нельзя не отметить взаимосвязь этой темы у Посошкова со всеми экономическими, политическими и нравственными устоями российского общества. Завещанное им понимание российских денег "с учетом особенностей экономики, в условиях которой они функционируют" (*Андрюшин*, 2002. С. 207), начинает реализовываться, на наш взгляд, лишь в последние годы.

Не ограничиваясь исследованием сущности российского экономического порядка, Посошков дает рекомендации по самым разным вопросам. Некоторые из них мы можем увидеть осуществленными спустя столетия, естественно, в модернизированной форме. Так, мы осуществили предложенную им государственную монополию внешней торговли. В полной мере была реализована система планирования посредством нормативов, которые Посошков в свое время называл уроками ("И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в художных делах, как в русских, так и иноземцах, надобно такожде учинить, чтобы всякая работа давать им уроками ж" (*Посошков*. С. 283)). Решается задача размежевания всей российской земли по единым правилам и закрепления этого межевания "в книгах чертежных", чтобы затем "и положить их одну в Москве, а другу в Санкт-Петербурге, а третью в том городе, коему та земля присудна" (*Там же*. С. 267).

На наш взгляд, и разбор концепции, и практическая реализация предложений нашего первого экономиста показывают, что суть и особенности российской экономической системы ухвачены им весьма верно. Он точно показал, что природа экономики в России носит отличающийся от европейских экономик характер, и это требует, как бы мы сегодня сказали, "построения необходимого, специального понятийного аппарата".

Таким образом, работу Посошкова можно считать первой в ряду исследований российской экономической школы, отличительными особенностями которой являются объективистское мышление,

социологическое видение экономических процессов, холистический подход и выявление "другой экономики".

12.2. Русская политическая экономия Сергея Шарапова (XIX в.)

Двигаясь дальше по оси времени и осматриваясь в интеллектуальном пространстве XVIII и XIX вв., обнаружим весьма мало работ, отвечающих заявленным выше критериям российской школы экономической мысли. Связано это, по-видимому, с тем, что в этот период культура и наука России через прорубленное Петром I окно в Европу активно впитывали новые образцы, теории, взгляды. Пушкин (который сам был гениальным исключением из этого общего правила) так сказал о своем времени: "ученость, политика и философия еще по-русски не существует..., все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке" (*Пушкин, 1974-1978. Т. VI. С. 229-230*).

Зарубежная экономическая теория служила, с одной стороны, формой осмысления экономической реальности России в иных, заимствованных категориях. С другой стороны, она выступала основанием для критики российских порядков, отклонявшихся от "правильного", теорией описанного способа ведения хозяйства. Но анализ реальности не стал в те годы основой для формирования собственных концепций. Критика крепостничества и существующей системы носила преимущественно эмоциональный, гуманистический характер. Фигура барина, варварски эксплуатирующего подневольный труд крестьян, заслоняла собой реальные экономические отношения, что затрудняло их беспристрастный анализ.

В XIX в. возрастает неудовлетворенность "разрешительной силой" зарубежных экономических теорий в отношении России. Этот век был емко обозначен Блоком как "Век расшибанья лбов о стену Экономических доктрин...". Этот поэтический образ отражает реальное состояние экономической отечественной мысли, бившейся в поисках собственных смыслов. Активно предпринимались попытки формирования самостоятельных подходов, поскольку, осваивая теоретические достижения Запада, российские ученые все более понимали их неприменимость в национальном контексте. В этом ряду находятся известные поиски отечественных славянофилов. В большей мере они отражали социально-философские и политические идеи, но были среди примыкавших к этому направлению и работы эконо-

- 223 -

мического профиля. Не сформировав широкой экономической платформы, они тем не менее отражают особенности "русской политической экономии", и поэтому мы полагаем необходимым хотя бы кратко охарактеризовать их поиски как звено в цепи развития школы российской экономической мысли.

В поле нашего анализа мы включили работы малоизвестного в широких научных кругах Сергея Федоровича Шарапова (1856-1911). На наш взгляд, он был не только крепким сельским хозяйственником и ярким публицистом, но отличался основательными разработками экономических вопросов. В 10.1 мы уже цитировали С.Ф. Шарапова в связи с анализом финансовой системы России, сопоставляя его выводы с выводами австрийского экономиста Й.А. Шумпетера. Исследования

С.Ф. Шарапова представляют одну из наиболее успешных попыток преодолеть ограниченность славянофильского учения. По мнению О.А. Платонова, "Шарапов без преувеличения является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным" (*Экономика русской цивилизации*, 1995. С. 253). Основной экономический труд С.Ф. Шарапова - "Бумажный рубль (его теория и практика)". Несмотря на скромное название, в ней концентрируются важнейшие основы экономики русского самодержавного государства.

Особенностью подхода Шарапова, определившего его место как исследователя X-экономики России, является анализ самобытных черт русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Поэтому мы можем охарактеризовать совокупность его взглядов как "русскую политическую экономию", которая начала складываться в России параллельно с адаптацией западных политэкономических доктрин. Вслед за Посошковым, Шарапов также полагал, что наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике особенный, нравственный характер. Русские крестьяне здесь являются коллективными землевладельцами, и им никогда не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них. Отсутствие доминирования частной собственности на землю рассматривается им как необходимое условие выживания земледельцев и развития российского аграрного хозяйства.

Идеалом Шарапова, как и Посошкова, была независимая от западных стран развитая российская экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. В своих работах Шарапов пытается показать, что государство как живое выражение мирского, соборного начала, может быть чрезвычайно творческим и могущественным, если оно построено "не на эгоистическом начале *договора*, а на нравственном - *доверии*" (*Шарапов*, 1995. С. 255). Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарапова, должна базироваться на нравственном

- 224 -

начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением. Самодержавное государство, по мнению Шарапова, играет и должно играть в экономике России ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Поэтому вместо колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарапов предлагал введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение.

Он описывает ситуацию, при которой государство одной рукой берет деньги, а другой - выдает, и по движению вкладов судит о состоянии промышленной и торговой деятельности в стране. Рост числа вкладов означает застой промышленности, для ее оживления уменьшается процент платимый и процент по выдаваемым ссудам. "Если все равно деньги накапливаются - можно начинать новый проект вроде Сибирской железной дороги или другое масштабное государственное предприятие. Рост числа требований на деньги означает оживление торговли, нужду в денежных знаках, что означает возможность повышение процента. Если, несмотря на это требования

на ссуды продолжают увеличиваться, значит, Центральному народнохозяйственному учреждению необходимо осуществлять выпуск новых дензнаков" (Шарапов. С. 291-292). Поэтому Шарапов полагал невозможным вывести центральный орган денежного обращения из системы государственных учреждений и сдать его особому акционерному обществу. В то же время в его схеме разделены Государственный банк, ведающий народным денежным обращением, и Государственное Казначейство, которое ведает государственными приходами и расходами. При этом Госбанк остался в ведомстве Министерства финансов, разграниченный (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного Казначейства (Там же. С. 299-300). Система государственных финансовых учреждений видится им следующим образом (Там же. С. 312-314). Наверху стоит отдельно *Державная Казна*, ведающая государственной росписью (доходами и расходами государства), а также его собственными капиталами и доходами, означающими долю государства в созданном с его участием имуществе (это Государственное Казначейство). Рядом - Большая Казна, или Государственный банк, ведающий денежным обращением, народным кредитом и денежною частью всенародных государственных предприятий. Внизу - в губерниях и уездах - сеть приказов Большой Казны, где слиты учреждения Госбанка и Казначейства; Казна ведет операции с частными и государственными суммами. Это позволяет иметь точный учет общего денежного обращения и данные о состоянии счетов Казначейства.

Задача Большой Казны (Госбанка) - управление денежным обращением посредством приема и выдачи вкладов во всех своих

- 225 -

приказах, ссуд, установление промышленного и земледельческого кредитов, выпуск и уничтожение дензнаков. Частные банки не смогут конкурировать с государственным, где кредит более выгодный, им останется довольно выгодная область - общества взаимного кредита.

При системе ссуд и вкладов, регулируемых центральным государственным учреждением (в виде вкладов сохраняются и государственные запасы), денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни и относительного положения труда и капитала в каждую данную минуту. Большая Казна (Госбанк) эти запасы создает, а Казначейство их расходует вместе со средствами, собираемыми с народа на государственные расходы. Они (запасы) хранятся и учитываются во вкладах наравне с другими капиталами, частными и государственными, но расходуются, как балласт на корабле, для поддержания его устойчивости. Если государство начнет организовывать свои предприятия, то оно может уменьшить подати.

Подход Шарапова менял современные взгляды на налоги и таможенную систему, он соответствует уже обозначенной нами в 10,2 специфической роли налогов в X-экономике.

Особо следует отметить, что Шарапов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство и дополняя общественное хозяйство (см. табл. 1).

12.3. Политическая экономия социализма (XX в.)

Перейдем к анализу следующего направления российской экономической мысли, получившего название "Политическая экономия социализма". Корни политэкономии социализма традиционно и справедливо усматривают в марксистском учении о коммунизме. На это прямо указывали и сами разработчики ее основных положений, и многочисленные последователи. В то же время - и это также справедливо, - данное учение рассматривается как теоретическое достижение советской эпохи, продукт практической реализации заимствованных положений в конкретных условиях, что обогатило и в ряде позиций существенно изменило исходный образец. Само название указывает на то, что это - иная доктрина. Именно поэтому возникла в начале 1950-х годов идея написания специального учебника, в котором необходимо было изложить основные положения новой экономической теории, - работ Маркса и Ленина уже оказывалось недостаточно.

Пришло ли время для академического анализа положений этой доктрины, составлявшей идеологический базис советского общест-

- 226 -

ва? Общества, в оценке которого еще не достигнуто консенсуса - для одних это "мрачное прошлое", для других - "неудавшийся социальный эксперимент", для третьих - "время великих свершений". На наш взгляд, время для такого анализа настало.

Продолжим следование избранному подходу и вновь обратимся к первоисточнику. В данном случае им является хрестоматийная работа И.В. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" (*Сталин*, 2002. С. 219-301), в которой подводятся итоги дискуссии 1951 г. по поводу проекта учебника по политической экономии. Высказанные в этой работе положения легли в основу всех последующих учебников, издававшихся в стране.

В данной работе, если читать ее непредвзято и спокойно, можно увидеть и логические противоречия, и непоследовательность по ряду фиксируемых позиций, и очевидно политизированный, т.е. ориентированный на субъективно понятые задачи момента, характер. Тем не менее взятая как единое целое, она, несомненно, представляет собой определенное теоретическое достижение и содержит набор характерных черт, отражающих специфику российской экономической мысли.

Первая характерная черта - объективистская парадигма восприятия происходящих в обществе процессов. Политическая экономия социализма, базирующаяся, как это декларировали ее основатели и последователи, на философии исторического материализма, четко заявляет, что "законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей" (*Там же*. С. 219), и никакие руководители или Советское государство не могут их отменить. Эти законы нельзя смешивать с законами, которые издают правительства и которые имеют лишь юридическую силу. Экономические законы Сталин отождествляет с законами природы, познание которых позволит применить их на пользу человечеству. Он пишет, что "... законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, ... но они не могут уничтожить

их или создать новые экономические законы" (Там же. С. 221). Эта мысль повторяется им неоднократно: "Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их "преобразовать" или "уничтожить"" (Там же. С. 225).

Материалистическая обусловленность происходящих социальных процессов, признанная в политической экономии социализма важнейшим постулатом, выражается также законом об обязательном соответствии производственных отношений уровню

- 227 -

и характеру развития производительных сил, заявленному еще Марксом.

Вторая особенность российской экономической мысли, представленная в политической экономии социализма, - рассмотрение общества как единства экономики, политики и идеологии. Этот социологический взгляд напрямую отражен в названии учения и содержится в его основных положениях. Действительно, в отличие от других "политических экономий", здесь речь идет об обществе с определенной социальной идеей, а именно, идеей социализма, - одним из составных элементов концепции. Если "духовная политическая экономия" Ивана Посошкова опиралась в идеологическом отношении на православие, то ее "наследница" XX в. заменила религиозную идею научной, что отражало закономерности времени.

Само представление об изучаемом в политической экономии социализма объекте - обществе, также включает в себя экономические, политические и идеологические компоненты. Экономические отношения в этой теоретической модели образуют так называемый базис общества, а политические и идеологические - его надстройку. Соответственно, надстроечные отношения определяются базовыми. Крылатые ленинские выражения: "Политика есть концентрированное выражение экономики" или "Коммунизм (идея. - С.К.) есть Советская власть (политика. - С.К.) плюс электрификация всей страны (материальная база. - С.К.)" образно и четко отражают эту связь.

Нельзя не отметить, что осознание единства экономической, политической и идеологической сфер в советской политэкономии социализма, по сравнению со взглядами Посошкова, становится более глубоким. Это выражается в фиксировании многообразных связей между ними, констатации их взаимообусловленности, введении и разработке понятий, выражающих эти связи. Так, развитие концепции коммунистической партии (при всех достижениях и заблуждениях ее разработчиков), задача которой - обеспечение соответствия между тремя названными сферами, является одним из таких примеров¹.

Наконец, социологический подход выражает себя и в том, как понимается в политической экономии социализма основной экономический закон. Для рыночных экономик основным законом - это было зафиксировано Марксом, - является максимизация прибыли, другими словами, он относится к экономической сфере как таковой, действует "внутри" нее. В отличие от этого формулировка основного экономического закона социализма - "обеспечение максимально-

1. Специфика методологического подхода российских исследователей ярко проявляется при сравнении этой концепции с учением о партиях, разрабатываемых в зарубежной

го удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники" (Там же. С. 253), если абстрагироваться от декларативного характера его воплощения, содержит в себе попытку перейти от экономических терминов к социальным. Экономика здесь явно предстает как один из составных общественных элементов, который действует по законам этого общественного целого, выступающего по отношению к экономике "внешней" силой.

Третья особенность российских экономических теорий также характерна для политической экономии социализма. Речь идет о направленности исследований на законы развития общества как целого, на анализ поведения больших групп людей в противовес анализу моделей индивидуального поведения. Такой подход, характерный для главного источника политэкономии социализма - марксизма, лег в нашей стране на благодатную почву, поскольку соответствовал самому духу, размаху и стилю российского мышления. "Хочешь иметь дело с марксизмом, - говорил Сталин, - имей одновременно дело с классами, с массой..." (*Слово товарищу Сталину*, 2002. С. 474). Более того, в политической экономии социализма категориями анализа выступают уже не столько классы, как это было у Маркса, сколько "общественные силы" с единым общественным интересом. Поэтому исследовательской и, соответственно, практической задачей является не столько анализ противоположностей между социальными группами, например, между городом и деревней или умственным и физическим трудом, сколько выявление общего в них. На наш взгляд, здесь очевидна попытка рассмотреть все население как единое целое, реализовать холистический подход к социальной сфере. В отличие от тезисов Маркса о классовой борьбе как источнике социального развития, политическая экономия социализма, развиваемая в традициях российской экономической мысли, пытается выявить источники общественного согласия, коллективного начала, обеспечивавшего выживание огромной страны в непростых условиях. Социалистическая идея представлялась в данном случае таким возможным источником социального консенсуса.

Наконец, четвертая особенность, характеризующая политэкономия социализма как преемницу российской традиции экономической мысли, - это выявление и описание законов "другой экономики". Собственно говоря, это и составляет само содержание политической экономии социализма. Большинству экономистов нашего и старшего поколений эти законы хорошо известны из учебников, по которым мы учились. Тем не менее для цельности изложения мы на них остановимся.

Главным отличием хозяйственной системы социализма, доминировавшей в СССР, от других систем, называемых в этом дихотомии-

ческом ряду "капиталистическими системами", является общественная собственность на средства производства. Она противостоит институту

частной собственности, характерному для рыночных экономик "несоциалистических" стран. Соответственно, в такой системе отсутствует наемный труд в марксистском его понимании, и связанная с ним, как полагали сторонники политэкономии социализма, система эксплуатации, а закону конкуренции противостоит закон планомерного пропорционального развития производства, который "возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме" (Сталин. С. 224).

Выявление особенностей социалистической экономики, понимание ее собственных законов, к которым относятся упомянутые закон развития общественной собственности и закон планомерного и пропорционального развития, а также закон о непосредственно общественном характере труда при социализме - преимущественное, но не единственное направление исследований экономической реальности, проводимых в рамках политической экономии социализма.

Другой не менее интересный фокус анализа - проявление экономических отношений из "капиталистических экономик", которые действуют в условиях доминирования социалистической общественной системы. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, в политической экономии социализма признается сам факт сосуществования "социалистических" и "капиталистических элементов", вызванный, как полагали теоретики того периода, исторической необходимостью. Это касается и наличия товарного производства при социализме, и необходимости развития советской торговли, и важности категорий рентабельности, цен и т.д.

Во-вторых, политическая экономия социализма обозначает "чужеродные" рыночные формы как дополнительные инструменты, действие которых ограничено рамками базовых экономических отношений. Так, товарное производство в СССР "поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации" (Там же. С. 231). А сфера действия закона стоимости "ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства" (Там же. С. 238). Также и рентабельность в рамках закона планомерного развития производства существует как дополнительный инструмент оценки народнохозяйственной эффективности. Неправильно полагать, пишет Сталин, что "закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно" (Там же. С. 239). Рентабельность используется при оценке и

- 230 -

отдельных предприятий и отраслей производства, и для оценки уровня эффективности народного хозяйства в целом.

В-третьих, отмечается модификация рыночных элементов, действующих в условиях социалистического хозяйства. Хотя зачастую они сохраняют те же названия, сущность их в условиях социалистических отношений становится иной. В анализируемой работе читаем: "...наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, ... которому суждено обслуживать совместно с его "денежным

хозяйством" дело развития и укрепления социалистического производства" (Там же. С. 232). Здесь "новое ("социалистическое". - С.К.)... проникает в старое ("капиталистическое". - С.К.), меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для своего развития. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем" (Там же. С. 264). Таким образом, констатирует Сталин, "от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же, они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства" (Там же. С. 265). При этом не всегда метаморфозы "капиталистических" элементов, внедряемые в практику социалистического строительства и объективно его поддерживающие, замечаются теоретиками. Например, так произошло с конкуренцией, которая была отвергнута на макроуровне, но внедрена в микроэкономике под видом соцсоревнования и дала ей импульсы для развития. Как отмечает в связи с этим Сталин, "до начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом..." (Там же. С. 242).

Итак, подытоживая краткий анализ политической экономии социализма, полагаем возможным согласиться с тем, что она представляет собой характерный образец российской экономической мысли. В ней нашли свое отражение и получили дальнейшее развитие такие ее черты, как объективистская парадигма, социологичность и холистический подход к анализу экономических процессов, а также формулирование специфических законов, характеризующих хозяйственную жизнь России.

12.4. Резюме

Специфика российской школы экономической мысли, представленная нами на выборке из трех работ, проявляется, конечно, не только в них. Во многих трудах российских обществоведов разных веков можно увидеть - в более или менее явной форме - названные

- 231 -

черты². Частично они отражают особенности национальной культуры и способ теоретизирования наших ученых. Так, в филологии в этом случае говорят о русском академизме, в философии - о русском космизме, в культурологии - о широте русской души и т.д. В экономической науке эта особенность реализуется в выходе за пределы узко понимаемого предмета, в рассмотрении экономики как части социального мира, принимаемого таким, каков он есть. В занятиях экономической наукой русский, т.е. живущий в России, человек, очень часто реализует свое холистическое мировоззрение, считая необходимым рассуждать о проблемах общественного устройства в целом. Вот, например, как характеризовал только что появившуюся в России XVIII в. экономическую науку историк Николай Полевой: "Политическая экономия есть одна из тех наук, которые быстрее других развивают здравые понятия о сущности гражданских обществ и приводят нас к истинной стезе общественного счастья" (Полевой, 1827. С. 119-120).

Иностранцы также не раз отмечали, что в словосочетании "политическая экономия" русские всегда делали упор на слове *политическая*. Политический и, более того, социальный аспекты экономической мысли, по их мнению, всегда приобретали у нас особое значение. В книге немецкого ученого, писавшего в 20-х годах XX в., Х.Ю. Серафима, читаем: "Это характерно для русского национального характера, что в политической экономии, когда и поскольку она самостоятельно разрабатывается русскими, на первый план выдвигается социальный момент" (*Serafim*, 1925. P. 47; *Normano*, 1945. P. 19).

А теперь отвлечемся от исторического ракурса и посмотрим на развитие российской экономической мысли совершенно с других сторон. Одна из них - сугубо внутренняя, касающаяся того, как складывались методология и категории российских экономических теорий. Другая сторона - внешняя, определяющая последствия экономических теорий для социальной практики.

Первое наблюдение касается того, как формируется понятийный аппарат российских экономических теорий. Об этом вряд ли можно судить по работе Посошкова, которая является, скорее, предтечей последующих исследований и вызовом будущим российским теоретикам. Но в теории С. Шарапова, политической экономии социализма, - как и в нашей концепции X- и Y-экономик, - замеченная тенденция проявляется в полной мере: изначально понятия и схемы, на основе которых анализируется затем российская социально-экономическая реальность, поступают извне. Они берутся либо в качестве уже готовых доктрин (марксизм для политэконо-

2. К ней относят, например, также евразийскую "теорию хозяйствования" (подробнее об этом см. *Воейков*, 2003).

мии социализма), либо в качестве первичных образов-понятий (как в теории институциональных матриц, начавшейся с термина К. Поланьи и Д. Норта). Затем эти понятия и схемы интерпретируются в традициях нашего мышления, соотносятся с реальными фактами российской действительности, модифицируются, развиваются - и в результате получается оригинальное произведение, лишь реминисцентно напоминающее первоисточник. Посмотрим, например, на известный Собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Наметанный глаз уловит здесь и очертания татарской шапки, и готический шпиль, и секреты создания куполов итальянских мастеров, но все вместе - "оригинальная российская разработка", неоспоримый шедевр русской архитектуры. Не является ли этот образ парадигмальным для российской экономической теории, и не только для нее?

Другой момент, на который бы хотелось обратить внимание, касается возможного позиционирования России во внешнем мире вследствие тех или иных экономических воззрений, получающих общественное признание. Поясним, о чем идет речь. Работа Посошкова, реформатора и одновременно приверженца "московской старины", крепкого купца и зажиточного человека, призывает к наведению в России порядка. При выборе мер он исходит из самодостаточности и мощи России, полагая возможным на собственных материальной и духовно-нравственных основах развить все необходимые производства

и институты. В предложениях Посошкова находим и призыв на годы воздерживаться от заморской торговли, если цены нам не понравятся, и предложения развить у себя все те производства, - полотняные, стеклянных товаров и пр., продукцию которых мы вынуждены завозить, и критику иноземных правил экономической политики, например, скепсис в отношении цены денег как "цены содержащегося в них металла". Если обобщить его взгляды, то их можно назвать изоляционистскими, - "Мы, мол, сами с усами", и, выражаясь современным языком, заграничные "институциональные формы" нам не нужны. В этом русле находятся и рассуждения Шарапова, развивавшего русскую политическую экономию.

Посмотрим теперь на политическую экономию социализма. Здесь принципы российского общественного устройства, в тот период - это социалистическая система, также полагаются единственно верными, т.е. абсолютно социально справедливыми. В то же время признается необходимость и целесообразность функционирования "капиталистических форм", но в модифицированной форме и временно, поскольку они являются "наследием и пережитками". Названные принципы находят свое логическое продолжение в необходимости мировой социалистической революции, которая справедливые нормы утвердит повсюду, а "пережитки" перестанут существо-

- 233 -

вать, поскольку основа их воспроизводства - капиталистическая система - исчезнет. Такая концептуальная схема, сама по себе последовательная, хотя и ограниченная, породила практические реализации в виде агрессивной внешней политики Советского Союза, особенно на первых этапах.

Другими словами, Россия Посошкова - это прогрессивно развивающееся на своей собственной основе государство, которое замкнуто в своих границах и привычках, т.е. само по себе Вселенная, как образно выражаются российские философы. Россия Шарапова - это сознающее себя в мировом пространстве государство, настороженно относящееся к окружению, но не чурающееся его. В то время как Россия Сталина - это центр мирового государства, мировой социалистической системы, это Россия, заполонившая весь мир, всю Вселенную, содействующая повсюду установлению справедливых, по ее мнению, порядков. А что дает для понимания места России в мире же концепция X- и Y-экономик? Ответ на этот вопрос - в Заключении работы.

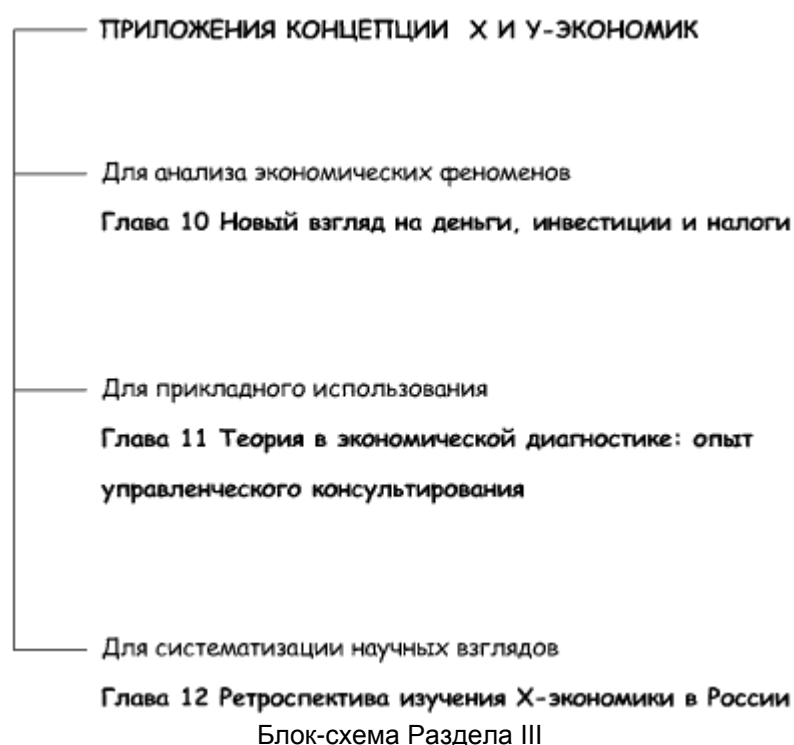
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО РАЗДЕЛУ III В ЦЕЛОМ

Для того чтобы увидеть нечто новое, особенно в малоизвестном, необходима помощь. Когда мы приезжаем в другой город или страну, мы обращаемся к экскурсоводу или местным жителям. Они обратят наше внимание на достопримечательности, которые мы сами можем и не заметить. Или приходим к кому-нибудь в гости в новую квартиру, и хозяйка проводит нас по ней, отмечая удачное расположение комнат или вид из окна. Как правило, именно то, на что было обращено наше внимание, мы и запомним после своего первого посещения.

В аналогичном качестве "гида" часто используются и теоретические концепции. В последнем, третьем, разделе книги мы показали такое

применение концепции X- и Y-экономик для анализа конкретных экономических феноменов, в прикладной работе консультанта и для систематизации научных взглядов (рис. 10). Это - лишь первый опыт применения новой теории в инструментальном качестве. Мы надеемся, что с ее помощью нам удалось обратить внимание и привлечь интерес читателя к тому, что раньше оставалось вне поля рассмотрения и анализа. Например, увидеть общее во взглядах российских экономистов, размышлявших о национальном хозяйстве в течение последних нескольких сотен лет. Ведь известно, что при институциональном анализе, когда одним из основных является исторический метод, прогнозирование и предвидение в значительной

- 234 -

мере опираются на прошлое. Парадоксально, но в этом случае прошлое для нас становится важнее настоящего. Почему? Потому что "Мы научимся рационально предсказывать будущее только после того, как предскажем, в некотором роде, прошлое...(Comte, 1907. P. 460, Цит. по: Гофман, 2003. С. 89). С помощью новой концепции, возможно, нам удалось подчеркнуть необходимость учета реальной специфики российской X-экономики при разработке экономической стратегии для крупных хозяйственных структур. И, наконец, по-новому взглянуть на те проблемы, которые возникают при переносе институциональных форм из рыночной Y-экономики в отечественную хозяйственную среду.

- 235 -

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы, как правило, остаются неизменными. Меняются ответы на них.

На наш взгляд, одним из постоянных вопросов, стоящих перед науками - естественными и социальными, - является вопрос постижения законов гармонии окружающего мира. Поиски истины - это поиски красоты, и наоборот. Ответами на эти вопросы являются создаваемые учеными разных поколений теории и концепции.

Теории, в которых выявляются основные законы развития человеческого общества, его внутренняя, почти не воспринимаемая обыденным сознанием, но вскрытая человеческим разумом гармония и очевидность, образуют ее фундаментальную компоненту. Они составляют основу того стройного знания, которое со временем, хочется верить, будет способно объять неповторимый, изменчивый, сложный, как Вселенная, человеческий социум.

Прекрасная задача поиска законов гармонии окружающего мира, слабо реализуется в мировой и, особенно, в отечественной экономической науке. Больше внимания она уделяет проблемам и нерешенным вопросам. Не остается ли за пределами наших исследований множество жизненно важных процессов, которые также требуют пристального внимания? Как любая материальная реальность, общество - в том числе и российское - живет и развивается. Это утверждение скорее разделяется большинством ученых, чем оспаривается. Развитие общества обеспечивается постоянным действием определенных самовоспроизводящихся структур. Именно благодаря им общества существуют и совершенствуются, несмотря на многочисленные проблемы, нарушения и отклонения, которые так придирчиво исследуются отечественными и мировыми экономистами. Эти несущие структуры существуют как воздух, которым мы дышим, но не замечаем его, фиксируя свое внимание лишь на проблемах воздушного загрязнения или вредных выбросов.

Представленные в книге константы разных типов экономических систем - базовые институты X- и Y-экономик, - образуют, на наш взгляд, такие "несущие конструкции", основания хозяйственной жизни. Понимание таких оснований может содействовать не только более осмысленному, но и менее конфликтному развитию и взаимодействию разных государств.

- 236 -

Сложившееся в России социально-экономическое устройство определяется природой свойственной нам институциональной X-матрицы. Точно так же, как для "западных" стран, формировавшихся в иных материально-технологических условиях, естественными являются порядки, базирующиеся на институциональной Y-матрице. Альтернативные институциональные Y-институты, имеющие комплементарный характер, играют в нашей X-экономике чрезвычайно важную роль, и их надо развивать в тех пределах, когда они способствуют развитию, а не распаду институциональной структуры. Аналогично в странах с Y-экономикой полезны институциональные X-формы, которыми они заполняют market failures (провалы рынка).

Если процессы будут развиваться естественно, то можно предполагать укрепление контактов (вплоть до интеграции) между странами, характеризующимися одним типом институциональной матрицы и подобным экономическим устройством. Выражением этой тенденции служат расширение рамок Евросоюза (без участия России)

или создание различных объединений в азиатской и юго-восточной частях мира (с участием России). В то же время возрастает целесообразность обмена и сотрудничества стран с альтернативным типом институциональных структур, поскольку это позволяет и тем, и другим увеличивать темпы развития за счет получения "готовых" комплементарных элементов, поддерживающих институциональный баланс в обществах.

Экономические теории, при всей их кажущейся абстрактности, всегда оказываются тесно связанными с общественной политикой и идеологией. В допетровское время теории Ивана Посошкова обосновывали российский изоляционизм. А политэкономия социализма служила одним из оснований мировой экспансии и активной внешней политики советского периода. В отличие от них, концепция институциональных матриц возвращает нас к центру, отклонениями от которого в противоположные стороны можно считать названные теории. В соответствии с нашей концепцией, Россия, как и другие страны, - это одна из возможных реализаций хода исторического развития, не лучше и не хуже других. Россия заинтересована во взаимобмене с другими государствами, чтобы расширять и разнообразить собственный путь в границах своего эволюционного коридора.

Институциональные матрицы задают два типа траекторий эволюционных изменений, в том числе и в экономической подсистеме общества. Они же определяют границы возможных трансформаций, допуская модификацию хозяйственных форм и правил до тех пор, пока не нарушается равновесие, при котором базовые институты занимают доминирующее положение. Это означает, что глобальная экономика одновременно и эволюционирует, и трансформируется. Эволюция протекает в двух основных направлениях, при которых X- и Y-экономики, обмениваясь результатами развития, со-

- 237 -

храняют присущее им институциональное ядро. Трансформация означает постоянное изменение форм, в которых выражают себя базовые и комплементарные институты, но не поглощение одного типа экономик другими.

И последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. Если основная задача современных обществ - это достижение взаимопонимания между разными странами в экономической сфере, то оно не возможно без консенсуса по поводу самих ее теоретических основ. И средством этого консенсуса могут стать или общая экономическая теория (в возможности построения которой сильно сомневаются многие исследователи¹), или органическое соединение достижений различных теоретико-методологических подходов. Представление о едином мире предполагает возможность соотнесенности элементов этого единства, что, в свою очередь, требует построения универсальной системы координат, позволяющей описывать даже альтернативные явления и процессы. Институциональный анализ X- и Y- экономик в рамках общей концептуальной методологической схемы - попытка движения именно в этом направлении.

1. Нобелевский лауреат 1983 г. Ж. Дебре (Калифорнийский университет, США) полагает,

что "Великая Единая теория останется и в будущем недостижимой для экономической науки; она будет по-прежнему означать некую совокупность отдельных теорий" (*American Economic Review*, 1991. Vol. 81. N 1. P. 3).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абалкин Л.И. В поисках новой стратегии // Сочинения. М.: ИЭ РАН, 2000. Т. 1.
- Абалкин Л.И. Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001.
- Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2002.
- Айзенштадт Ш.Н. Конструктивные элементы великих революций: Культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // Thesis. 1993. Весна, т. 1, вып. 2.
- Амплеева А.А. Субсидиарность и демократия: Введение в тему. М: ИНИОН РАН, 1996.
- Ананьин О.И. Экономическая теория: Кризис парадигмы и судьба научного сообщества // ИЭ РАН. Науч. конф., 17-19 нояб. 1992 г., г. Пущино, Моск. обл. Пущино, 1992.
- Ананьин О.И. Компаративистика в методологическом арсенале экономиста // Экономическая компаративистика: Методологические принципы и направления развития. М.: ИЭ РАН. 2002.
- Ананьин Ю.А. Концепция экономической трансформации постсоветского общества (некоторые методологические уроки) // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 6.
- Андрюшин С.А. Философия денег России // Деньги и регулирование денежного обращения: Научный альманах фундаментальных и прикладных исследований. М.: Финансы и статистика, 2002.
- Атаян И.М. Книжное обозрение // Социс. 1997. № 12.
- Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997.
- Ахиезер А.С. Хозяйственно-экономические реформы в России: Как приблизиться к пониманию их природы?// Pro et contra. 1999. Лето.
- Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления: (Опыт российской истории) // Обществ, науки и современность. 2004. № 2.
- Барсукова С. Август 1998 года и отечественное предпринимательство // Pro et contra. 1999. Весна.
- Батыгин Г.С. Институционализация российской социологии: Преемственность научной традиции и современные изменения // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: На Воробьевых: ИС РАН, 1996.
- Бахматова Т.Г. Исторические особенности изменения характера трудовой мобильности России и подходов к ее изучению // Ист.-экон. исслед. 2002. №1(1).
- Бебут Г. Субсидиарность и экономика // Соборность: Интернет-журнал. http://www.sobor.ru/doctrina/5Bebyt_ru.asp
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995 (1966).
- Беседа с Ю.М. Лотманом: Попытки предсказать интересны в той же мере, в какой они не оправдываются: (Беседу вели Юрий Цивьян и Михаил Ямпольский, Резекне, май-июнь 1986 г.) // Киноведческие записки. М., 1993/94. №20.
- Бессонова О., Кирдина С. Мониторинг жилищной реформы: От приватизации к новой модели управления // ЭКО. 1996. № 9.

Бессонова О.Э. Раздаток как нерыночная система // Изв. СО РАН. Сер. Регион: экономика и социология. 1993. Вып.1.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // Обществ, науки и современность. 1994. № 3.

Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.

Бессонова О.Э. Раздаток: Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.

Бессонова О.Э., Кирдина СТ., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.

Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: В рус. пер. с параллельными местами. М.: Рос. Библейское о-во, 1993.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.

Блесков Д.А. Географическая среда: Влияние на характер российского исторического процесса и формирование хозяйственного строя. М.: ИЭ РАН, 2002.

Блок А.А. Возмездие. М.: Алконост, 1991.

Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: (Тектология). Л.; М.: Книга, 1925-1927.

Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1953. Т. 18.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 12.

Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.

Борейко А. В медиа-холдинг войдут все // Сегодня. 1998. 11 июня, № 125.

Ворохов Э. Энциклопедия афоризмов: (Мысль в слове). М: ООО "Фирма" изд-ва АСТ, 2000.

Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: Два подхода к пониманию общества// Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. 1993. Осень, т. 1, вып. 3.

Буайе Р. Теория регуляции. М.: Москва: Наука для общества, 1997.

Валетов Т.Я. Заработная плата на крупной фабрике в России конца XIX -начала XX в. (на примере товарищества мануфактур Н.Н. Коншина) / Ист.-экон. исслед. 2002. № 1(1).

Валлерштайн И. Анализ мировых систем: Современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI в: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.

Валянский С, Калюжный Д. У нас нет лишней земли//НГ-сценарии. 1998. №4.

Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вебер А. Нищета экономизма// Свободная мысль 1997. Март.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.

Вернадский В.И. Труды по истории науки. М. : Наука, 2002.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права: (Переиздание 1886-1915 гг.). Ростов н/Д: Феникс, 1995.

Воейков М. Евразийская "теория хозяйствования" как составная часть российской экономической школы // Вопр. экономики. 2003. № 12.

Волков В.В. Советская цивилизация как повседневная практика: Возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: МВШСЭН, 1997.

- 240 -

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3-х т. М.: Мысль, 1974.

Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Thesis: Теории и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Зима, том 1, вып.1.

Глазьев СЮ. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.

Гогохия Д.Ш. Назначение денег. М.: ИЭ РАН, 2003.

Головнин М. Банковская система Китая на фоне других переходных банковских систем // Вопр. экономики. 2003. № 12.

Гонтмахер Е. Общественный договор как основа оптимальной социальной модели // Общество и экономика. 1999, № 10-11.

Горбачев В.В. Концепции современного естествознания: В 2 ч.: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУП, 2000. http://www.hi-edu.ru/x-books-free/xbook_131/01/part-012.htm

Гофман А.Б. Семь лекций по социологии: Учеб. пособие для вузов. 6-е изд., испр. М.: КДУ: Высш. школа, 2003.

Градовский А.Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1874.

Градовский А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1878.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

Давыдов Ю.Н. "Новый русский" капитализм в свете Кондратьевского понимания эволюции. М.: Междунар. фонд Н.Д. Кондратьева, 1998.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка (1882). М.: Рус. яз., 1991. Т. 4.

Данилевский Н. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому // Заря. 1869. № 5-.

Даниленко Н.Н. Занятость населения в условиях командно-распределительной системы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994.

Де Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире (1989). М.: Catallaxy, 1995.

Деборин А.М. Социально-политические учения нового времени. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1.

Девятко И.Ф. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: К социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество: (Аспекты - 2001) / Под ред. А. Соломонова и С. Кухтерина. М.: Ин-т социологии РАН: Стови, 2001. Вып. 2.

Деньги России: Альбом-каталог. М.: Интербрук-Бизнес, 2000.

Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФО) "Полномочия, функции и предметы ведения в стратегической перспективе развития государственности", <http://stra.teg.ru/library/1019833215/> 22.05.2002

Дроздова Н.П. Неинституциональная концепция экономической истории России: Постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI в. - 2. М: Юристъ, 1998.

Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука, 1990.

Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.

Ершов М. Антистерилизация // Эксперт. 2003. 19 мая, № 18.

- 241 -

Зайдель Х., Теммин Р. Основы учения об экономике: Пер. с нем. / Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. М: Дело, 1994.

Зайцева Л.И. Русские провидцы о российской государственности (середина XVI - начало XX в.). Ч. 1. XVI в. М.: ИЭ РАН, 1999.

Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная структура города и села: (Опыт типологического анализа). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.

Заславская Т.И. О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1985.

Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ: МВШЭиСН, 1997.

Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: Социоструктурный аспект. Гл. 8 // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, РАН, 1999.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.

Зомбарш В. Современный капитализм. М.; Л.: Госиздат, 1931. Т. 1.

Зотов А.А. Анализ социализма в творчестве В. Парето (работы 1898- 1903 гг.) // Социс. 2001. № 2.

Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Розенталь В.О. Анализ системных функций экономики: Институциональный аспект // Экономика и мат. методы. 1998. Т. 34, № 2.

Иванцов Д. Черты своеобразия русской экономической мысли // Евразийский сборник. Прага, 1929. Кн. 4.

Измерение и моделирование в социологии / Отв. ред. Ю.П. Воронов. Новосибирск: Наука, 1969;

Ильин И. Из статьи "В поисках утраченной державности" // Федерализм: Теория, практика, история. 1998. № 1(9).

Институты самоуправления: Историко-правовое исследование / В.Г. Графский, Н.Н. Ефремова, В.И. Карпец и др. М.: Наука, 1995.

Каганский В.Л. Советское пространство: Конструкция и деструкция // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. Т. 1.

Казанцев Н.М. Об идее трансактивного планирования российской экономики // Альманах Центра обществ, наук: Период, изд. М., 1997. Декабрь, № 3.

Калугина З.И. Трансформационные процессы в аграрном секторе России // Общество и экономика: Социальные проблемы трансформации: Сб. науч. докл. к XIV Конгр. Всемир. Социол. Ассоц. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.

Калугина З.И. Новое время - новые задачи: Институциональный подход к изучению трансформационных процессов. Гл. 6 // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999.

Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. 2-е изд., 2002.

Каменская Г.В. Федерализм: Мифология и политическая практика. М.: ИМЭМО РАН, 1998. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М.: ИМЭМО АН СССР, 1990.

- 242 -

Караваева И. О роли государства в развитии промышленного предпринимательства в России до 1917 г. // Вопр. экономики. 1996. № 9.

Каргалова М.В. От социальной идеи к социальной интеграции. М.: Interdialect+, 1999.

Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России: Курс народного университета. М: Науч.-техн. изд-во, 1919.

Качоровский К.Р. Русская община: Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб.: Тип. товарищества "Народная польза", 1900. Т. 1.

Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.

Кирдина С.Г. Институт земельной собственности в России // Вопр. экономики. 2003а. № 10.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: Теис, 2000; 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

Кирдина С.Г. Некоторые особенности финансовой системы России в сравнении с Западной Европой: Краткий исторический очерк // История финансовой политики: Сб. ст. СПб.: СПбГУ-Факультет менеджмента, 2000а.

Кирдина С.Г. Российское лицо эволюционной экономики // Там же. 2003б. №11.

Кирдина С.Г. Институциональная модель политической системы России // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999а.

Кирдина С.Г. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества. Гл. 21 // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999б.

Кирдина С.Г. Направления модернизации бюджетного федерализма в реформируемой политической системе России // Федерализм. 1999в. № 4.

Кирдина С.Г. Политические институты регионального взаимодействия: Пределы трансформации // Обществ, науки и

современность. 1998. № 5.

Кирдина С.Г. Экономические институты России: Материально-технологические предпосылки развития // Обществ., науки и современность. 1999г. № 6.

Китайская Народная Республика в 2000 г.: Политика, экономика, культура. М.: РАН Ин-т Дальнего Востока, 2001.

Китайская Народная Республика в 2002 г.: Политика, экономика, культура. М.: РАН Ин-т Дальнего Востока, 2002.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Переизд. 1904-1910 гг.

Клямкин И. Российская власть на рубеже тысячелетий // Pro et contra. 1999. Весна.

Книга о скудости и богатстве И.Т. Посошкова / Ред., вступ. ст. и примеч. Б.Б. Кафенгауза. М.: Соцэкгиз, 1937.

Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Партиздат, 1937.

Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 1997.-

Корнай Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Корнай Я. Системная парадигма // Вопр. экономики. 2002. № 4.

Корякин Ю.И. Природный газ России: две стратегические роли: Докл. Министерству атомной энергетики, 16 марта 2000 г. М.: Росэнергоатом, 2000.

Крапчан (Кирдина) С.Г. Село Российской Федерации: Социально-региональная структура. Новосибирск: Наука, 1989.

Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М.: Мысль, 1966.

- 243 -

Крюков В., Севастьянова А., Токарев А., Шмат В. Эволюционный подход к формированию системы государственного регулирования нефтегазового сектора экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002.

Крюков В.А. Институциональная структура нефтегазового сектора: Проблемы и направления трансформации. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.

Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999.

Кудряев В.А. и др. Организация работы с документами: Учебник. М.: Инфра-М, 1998.

Кузнецова В. Банковская система Китая. М.: Гуманитарий, 2003.

Кульпин Э. Феномен России в системе координат социоестественной истории // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. Т. 1.

Кульпин Э.С. Социоестественная история: Предмет, метод, концепции. М.: Рос. открытый ун-т. Центр социоестеств. исслед. 1992.

Культурология. XX в.: Словарь. СПб.: Унив. книга, 1997.

Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: Либерализация versus традиционализация // Журн. социологии и социал. антропологии. 2000а. №3.

Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000б. № 7.

Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000в.

Лапин Н.И. Началась институционализация нового социального порядка -какого? // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации: Междунар. симпоз., 16-18 января 2003 г. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

Ларина Н.А., Кисельников А.А. Региональная политика в странах с рыночной экономикой: Учеб. пособие / НГАЭиУ. М.: Экономика, 1998.

Латинско-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. М.: Рус. яз., 1994.

Лебедева Н.Н. Цивилизационная форма хозяйствования: Институциональные основы // Экономическая теория на пороге XXI в.- 3. М.: Юристъ, 2000.

Леонтович В.В. История либерализма в России: 1762-1914 / Пер. с нем. И. Иловайской. М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995. (Вып. 1).

Летов Е. Миф о "недешевой" атомной энергии // Независимая газ. 2001. 8 авг.

Лыкова Л. Некоторые проблемы развития бюджетного федерализма в России // Федерализм. 1996. № 1. С. 37-38.

Лыкова Л.Н. Налоги и налогообложение в России: Учеб. для вузов. М.: Бек, 2001.

Лыкова Л.Н., Крылова Н.Б., Чебанова А.Б. Долговая политика регионов: Российская практика и мировые тенденции. М.: Наука, 2003.

Львов Д.С. Экономический манифест - будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000.

Любимцев Ю. Финансовые кругообороты в системе федеративных отношений // Федерализм. 1998. № 2 (10), с. 98.

Маевский В.И. Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня, 1997.

Маевский В.И. О взаимоотношении эволюционной теории и ортодоксии // Вопр. экономики. 2003. № 11.

Макаревич Л. Структура собственности и борьба за ее передел в России в 1992-1999 гг. // Общество и экономика. 1999. № 10-11.

- 244 -

Макаров В.Л. О применении метода эволюционной экономики // Вопр. экономики. 1997. № 3.

Макаров В.Л. Вычислимая модель Российской экономики. М.: ЦЭМИ РАН, 1999.

Малевич И.А. Внимание, Китай. Минск: Харвест, 2000.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46.

Маркс К. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1968.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Госполитиздат, 1956.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.

Математика и социология / Ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1972.

Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.

Мау В.А. Конституционно-правовые преобразования и экономические реформы // Обществ., науки и современность. 1999. № 5.

Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия / Под ред. Б.Г. Клейнера. М.: Наука, 2001.

Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: Наука, 1977.

Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская. Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.

Методы распознавания образов и их применение в социальных исследованиях / Ред. Н.Г. Загоруйко, Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука, 1969.

Милое Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.

Милое Л.В. К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: МВШСЭН, 1997.

Милое Л.В. Особенности исторического процесса в России // Вестн. РАН. 2003. Т. 73. № 9.

Мильнер Б.З. Институциональные проблемы рыночной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI в.: Докл. и выступления участников меж-дунар. симпоз. (г. Пущино, 23-25 сент. 1996 г.). М.: Япония сегодня, 1997. Митрохин С. Модели федерализма для России // Федерализм. 1997. № 1(5). Моделирование социальных процессов / Ред. А.Г. Аганбегян, Г.В. Осипов и др. М.: Наука, 1970.

Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: (Опыт

метаисторического исследования): В 4 ч. М.: Вече, 2001-2002.

Можайскова И.В. Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций: (Доклад к программе научного исследования на заседании Круглого стола 15 января 2003 г.). М.: ИЭ РАН. Центр социал.-экон. пробл. федерализма, 2003.

Моисеев Н.Н. Тектология Богданова - современные перспективы // Вопр. философии. 1995. № 5.

Мордухович Л.М. Политические взгляды Ю.Крижанича // Изв. вузов. Правоведение. 1962. № 1.

Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708-1719). М.: Тип. Каткова, 1876.

- 245 -

Мэнкью Н.Г. Принципы экономики. 2-е изд., сокр. СПб.: Питер, 2002.

Научные труды Международного Союза Экономистов и Вольного Экономического Общества России. М.; СПб.: ВЭО: МС-7, 2003. Т. 12 (37).

Нельсон Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. М.Я. Каждана. М.: Финстатинформ, 2000.

Немировский В. Универсумная парадигма: Российский социокультурный контекст // Социология на пороге XXI в.

Нестеренко А.Н. Институционально-эволюционная теория: Современное состояние и основные научные проблемы // Эволюционная экономика на пороге XXI в.: Докл. и выступления участников международного симпозиума (г. Пущино, 23-25 сент. 1996 г.). М.: Япония сегодня. 1997.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М.: УРСС,

2002.

Никитченко А.Н. Транснационализация демократии: (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис - полит, исслед. 1996. № 5, вып. 5.

Никифоров Л.В. Особенности России и стратегия ее развития // Концепции долгосрочного экономического и социального развития Польши и России / Под общ. ред. Т.Е. Кузнецовой, Р.И. Ширяевой и М.Б. Гусевой. М.: ИЭ РАН, 2002.

Новосибирская социологическая школа // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги "Начала", 1997а.

Норт Д. Институциональные изменения: Рамки анализа // Вопр. экономики. 1997б. № 3.

Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: Учеб. для вузов. 2-е изд., изм. М.: Норма, 2001.

Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996.

Ойкен В. Экономические системы // Thesis. 1993. Весна, Т. 1, вып. 2. То же на нем. яз. // Die Grundlagen der Nationalökonomie. Godesberg: Kupper, 1947. S. 126-177.

Олейник А.Н. В заточении в башне из..? (К вопросу об институциональной организации науки) // Вопр. экономики. 2002а. № 9.

Олейник А.Н. Институциональная экономика. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2002б.

Ольсевич Ю.Я. Вопросы типологии экономических систем и анализ переходных процессов // Экономическая компаративистика: Методологические принципы и направления развития. М.: ИЭ РАН, 2002.

Ольсевич Ю.Я. К релятивистской экономической теории // Вопр. экономики. 1995. № 6.

Ольсевич Ю.Я. Трансформация хозяйственных систем: Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Оправдано ли копирование европейской модели реструктуризации железных дорог? // НГ-политэкономия. 1998. Март, № 6.

Ориу М. Основы публичного права / Пер. с фр. под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челянова. М.: Изд-во Ком. акад., 1929.

Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002.

Основы экономической теории: Учеб.-метод. пособие // Вопр. экономики. 1996. №5.

Павленко С.Ю. Элемент демократии или закулисные сделки? // Pro et contra. 1999. Зима.

- 246 -

Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. Цит. по: Книга о скудости и богатстве И.Т. Посошкова / Ред., вступ. ст. и примеч. Б.Б. Кафенгауза. М.: Соцэкгиз, 1937.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

Памятники русского права. М.: Соцэкгиз, 1955. Вып. 3.

Парсонс Т. Введение // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношение // Thesis. 1993. Весна, т. 1, вып. 2. То же на англ. яз. // Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966. P. 5-29.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

Парсонс Т. Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2000.

Перегудов С.П. Крупная российская корпорация как социально-политический институт: (Опыт концептуально-прикладного исследования). М.: ИМЭМО РАН, 2000.

Платон. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1968. (АН СССР. Ин-т философии. Философское наследие).

Платонов С.Ф. Как возникли чети? (К вопросу о происхождении Московских

приказов-четвертей) // Журн. М-ва нар. просвещения. 1892. Май.

Полани К. Два значения термина "экономический" // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.

Полани К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: Труд, земля и деньги // Thesis. 1993. Весна, т. 1, вып. 2. То же на англ. яз. // The great transformation. N.Y.: Farrar & Pinehart, 1944. P. 68-76.

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

Полевой Н. II Моск. телеграф. 1827. Ч. XIII, № 2. Политическая экономия: Словарь. М.: Политиздат, 1979. Политическая экономия. Социализм - первая фаза коммунистического способа производства. М.: Мысль, 1977.

Полищук Л. Российская модель "переговорного федерализма": (Политико-экономический анализ) // Вопр. экономики. 1998. № 6. С. 69, 76. Полный латинский словарь. М.: Тип. Каткова, 1862. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и мат. методы. 1999. Т. 35, вып. 2.

Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экон. наука соврем. России. 2001. № 3.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Новосибирская экономико-социологическая школа: Взгляд со стороны // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе / Под ред. М.В. Удальцовой. Новосибирск: НГАЭиУ, 2001.

Пора вернуться к эволюции: Интервью с акад. РАН В.И. Маевским // Эксперт. 2000. 9 окт., № 38.

Поршняков В. Реформа отношений собственности в КНР // Far Eastern Affairs. 1998а. № 6.

Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Вост.

лит., РАН, 1986.

Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве // Книга о скудости и богатстве И.Т. Посошкова / Ред., вступ. ст. и примеч. Б.Б. Кафенгауза. М.: Соцэкгиз, 1937.

Проблемы системного изучения деревни / Ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1975.

Публичные услуги и функции государственного управления / Под

ред. А.Е. Шаститко. М.: Теис, 2002.

Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики / Под ред. Р.В. Рыбкиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1989.

Пушкин А.С. О втором томе "Истории русского народа" Полевого (1831) // Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1996. Т. 11.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 3(1). М.: Воскресенье, 1995.

Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974-1978.

Радаев Вад.В. К методологии исследования социально-экономических систем и переходных состояний // Очерки теории и методологии / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 2002.

Радаев Вад.В. Новый институциональный подход: Построение исследовательской схемы // Журн. социологии и социал. антропологии. 2001. Т. 4. № 3.

Радаев Вад.В. Социология рынков: К формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Радаев Вад. В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр полит, технологий, 1998

Радаев Вад. В. Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект пресс, 1997.

Реформа в жилищном хозяйстве: Результаты новосибирского эксперимента (серия). Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995.

Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма-Инфра, 1998.

Россия в цифрах. М.: Госкомстат РФ, 2001.

Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991.

Рупец В.Т. Трудовые отношения и проблема выбора новой модели общественного развития России. Рукопись. 2003.

Русские экономисты (XIX - начало XX в.). М.: ИЭ РАН, 1998.

Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве / О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина. Р. О'Салливан. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.

Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб.: Наука, 1998.

Сафонова Е.И., Бородкин Л.И. Мотивация труда на фабрике "Трехгорная мануфактура" в первые годы Советской власти // Ист.-экон. исслед. 2002. № 1 (1).

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. М.: Троицкое слово, 2001.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

Серое Д.О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.

Сиваков Д., Латынина Ю. Энергетика абсурда // Эксперт. 1998. 13 апр., № 14.

Симония Н. Методологические проблемы анализа моделей социально-экономического развития // Общество и экономика. 1999. № 10-11.

Слово товарищу Сталину. М.: Эксмо, 2002.

Смешанное общество: Основы, сущность, проблемы / Под ред. Л.В. Никифорова. М.: Наука, 1993.

- 248 -

Смешанное общество: Российский вариант / Под ред. Л.В. Никифорова. М.: Наука, 1999.

Собственность на землю в России: История и современность / Под общ. Ред. Д.Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН, 2002.

Современная западная теоретическая социология: Толкот Парсонс (1902-1979). М.: ИНИОН РАН, 1994.

Согрин В.В. Теоретические подходы в российской истории конца XX з. // Обществ, науки и современность.1998. № 4.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 18 т. Кн. 2. М.: Мысль, 1988

Сорокин Д.Е. Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа. М.: Наука, 2003.

Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН АН СССР, 1992.

Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской и З.И. Калугиной. Новосибирск: Наука, 1999.

Социально-территориальная структура города и села: Опыт типологического анализа / Под ред. Т.И. Заславской и Е.Е. Горяченко. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.

Социальный кодекс ОАО "Лукойл". М.: 2002.

Социология и математика: Междунар. сб. ст. / Под ред. А.Г. Аганбегян, Ф.М. Бородкин и др. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1970.

Социология: Словарь-справочник. Т. 1. М.: Наука, 1990.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Участникам экономической дискуссии: Замечания по экономическим вопросам, связанные с ноябрьской дискуссией 1951 г. / Слово товарищу Сталину. М: Эксмо, 2002.

Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996.

Стиглиц Дж. Многообразные инструменты шире цели: Движение к пост-вашингтонскому консенсусу // Вопр. экономики. 1998. № 8. То же на англ. яз.: Stiglitz J. More instruments and broader goals: Moving toward the post-Washington consensus. Helsinki: UNU / WIDER, 1998. (WIDER annual lectures; 2).

Строкань С. Сто юаней за шкурку взяточника // Итоги. 1998. 11 авг.

Субето А., Григорьев С.О. внутренней линии генезиса неклассичности социологии социогенетике // Социология на пороге XXI в.: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.

США: Конституция и права граждан. М.: Мысль, 1987.

Тамбовцев ВЛ. Институциональные изменения в российской экономике // Общество, науки и современность.1999. №4.

Тамбовцев В. Л.. Экономическая политика для российской экономики // Общество и экономика. 1996. № 5.

Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии // СОЦИС. 2002. № 2.

Троцкий А.Я. Социально-экономическое развитие села в

условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1985.

Тургенев Н. Россия и русские. М.: Библиотека декабристов, 1907-1908.

Уильямсон О.М. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

Утинова С.С. Изоморфный рынок труда в России. М.: Наука, 2003.

Федерализм: Энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1997.

- 249 -

Федеральный закон "О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации" от 4 марта 1998 г. Ст. 11, ч. 4 // Сборник законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

Федотова ВТ. Модернизация "другой" Европы. М.: Ин-т философии РАН, 1997.

Фигатнер Ю.Ю., Перепелкин Л.С. Эволюция макроинститутов государства и гражданского общества: Методология и теория социальной эволюции. М., 1996. (Препр. / Акад. естеств. наук. Междунар. ин-т теорет. и прикл. физики; № 14).

Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1964.

Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма // Международные отношения: Социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998.

Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М.: Дело, 1997.

Флигстайн Н. Поля, власть и социальный талант: Критический анализ теории нового институционализма // Летняя школа "Постсоветское общество: новые методы исследования и модели интерпретации" / Центр социол. образования Ин-та социологии РАН и Ин-т "Открытое общество". М., 1999.

Франчук В.И. Общая теория социальных организаций. М.: Изд-во МГСУ "Союз", 2001.

Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф: Начала-Фонд, 2001.

Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // Thesis. 1993. Вып. 1.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.

Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997.

Ходжсон Дж. М. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI в.: Докл. и выступления участников междунар. симпоз. (г. Пущино, 23-25 сент. 1996 г.). М.: Япония сегодня, 1997.

Холодков В.В. Общинные традиции России // Финансы. 1995. № 6.

Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // Вопр. истории. 1953. № 4.

Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Наука, 2001.

Чернавский Д.С. Эволюционная экономика и теория развивающихся систем // Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера: (5-й Междунар. симпоз. по эволюц. экономике, Пущино, Моск. обл., Россия, 25-27 сент. 2003 г.) М.: ИЭ РАН, 2004.

- Чубайс А.Б. Интервью на НТВ 5 февраля 2001 г.
- Чупров А.И. II Ученые тр. Имп. Моск. ун-та. 1911. Ч. 3, вып. 1.
- Шарапов С.Ф. Экономика в русском самодержавном государстве // Экономика русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. М.: Родник, 1995.
- Шаститко А.К. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд.. М.: Теис, 2002.
- Шахрай С. На пути к правовому государству // Политика. 1998. Март-апрель, №3.
- Шноль С.Э. Н.В. Тимофеев-Ресовский: (Очерк) // Знание - сила. 1997. № 2.
- Шноль С.Э. Физико-химические факторы биологической эволюции. М.: Наука, 1979.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

- 250 -

- Шумпетер Й. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры) / Пер. с англ. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко. М.: Прогресс, 1982.
- Шюре Э. Великие посвященные: Очерк эзотеризма религий. Калуга: Тип. Губерн. земской управы, 1914.
- Эволюционная экономика на пороге XXI в.: Докл. и выступления участников междунар. симпоз. (г. Пущино, 23-25 сент. 1996 г.). М.: Япония сегодня, 1997.
- Эволюционный подход и проблемы переходной экономики: Докл. и выступления участников междунар. симпоз. (г. Пущино, 12-15 сент. 1994 г.). М.: ИЭ и ЦЭМИ РАН, 1995.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект пресс, 1999.
- Экономика русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. М.: Родник, 1995.
- Экономическая социология и перестройка / Общ. ред. Т.И. Заславской и Р.В. Рыбкиной. М.: Прогресс, 1989.
- Экономические субъекты постсоветской России: (Институциональный анализ): В 3 ч. /Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2003. (Моск. обществ, науч. фонд. Науч. докл., Т. 150, вып. 1-3.
- Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций: Материалы "Круглого стола" от 15 января 2003 г. М.: ИЭ РАН, 2003.
- Элман М. Теория мировой системы: Докл. на IV Междунар. Кондратьевской конф. "Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век". Москва, 15-17 мая 2001 г. М., 2001.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1977.
- Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р). М., 2003.
- Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1868-1906. 41 основной том и два дополнительных.

- Эрхард Л.. Благосостояние для всех. М.: Начала-пресс, 1991.
- Юм Д. Сочинения: В 2 т. М.: 1965.
- Яковец Ю.Н. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003.
- Alchian A. Uncertainty, evolution and economic theory //J. Polit. Econ. 1950. Vol. 58.
- Aoki M. Toward a comparative institutional analysis. Cambridge (Mass.): MIT press, 2001.
- Bessonova O., Kirdina S., O'SulIivan R. Market experiment in the housing economy of Russia. Novosibirsk, 1996.
- Birnbaum N. Conflicting interpretation of the rise of the capitalism: Marx and Weber // Brit. J. Sociol. 1953. Vol. 4, June.
- Bizaguet A. Le secteur public et les privatizations. Paris: Presses univ. de France, 1988.
- Bunce V. Domestic reform and international change: the Gorbachev reforms in historical perspective //Internat. Organization. 1993. Winter, vol. 47, N 1.
- Carlsson B., Stankiewicz R. On the nature, formation and composition of technological systems // J. Evol. Econ. 1991. Vol. 1, N 2.
- Cavarozzi M. Autoritarismo y democracia (1955-1996): La transicion del Estado al mercado en la Argentina. Buenos Aires, 1997.
- Cavarozzi M. Beyond transitions to democracy in Latin America // J. Latin Amer. Stud. 1992. Vol. 24, October.

- 251 -

- Cavarozzi M. Mexico's political formula, past and present // The politics of economic restructuring: State-society relations and regime change in Mexico / Ed. M. Lorena Cook. K.J. Middlebrook, J. Molinar Horcasitas. San Diego, 1994.
- Coase R.H. The problem of social cost // J. Law and Econ. 1960. Vol. 3.
- Coase R.H. The nature of the firm // Economica. 1937. N 4.
- Comte A. Cours de philosophie positive. Vol. 1. Paris, 1907.
- Davydova I. Die Novosibirsker Sociologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums // Sozialwissenschaft in Russland / Hrsg. I. Oswald, R. Possekkel, P. Stykow, J. Wielgolis. Berlin, 1997. Bd. 2.
- Di Maggio P., Powell W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // Amer. Sociol. Rev. 1983. Vol. 48, N 2.
- Eggertsson T. Economic behavior and institutions. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1990.
- Encyclopedia of sociology / E.F. Borgatta, M.L. Borgatta. New York, etc.: Macmillan, 1992.
- Ferguson A. An essay of history of civil society (1st ed., 1767). Цит. по: Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2001.
- Frank A., Gills B.K. The world system: Five hundred or five thousand? London; New York, 1993 / Ed. Frank A., Gills B.K., R.F. Denemark et al. World system history: The social science of long-term. London; New York, 2000.
- Friedman M. Capitalism and freedom / With the assistance of R.D. Friedman. Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1982.
- Gregory C.A. Exchange and reciprocity // Companion encyclopedia of anthropology. London; New York: Routledge, 1994. Vol. 33: Humanity,

Culture and Social Life.

Greif A. Historical and comparative institutional analysis // Amer. Econ. Rev. 1998. Vol. 88, May.

Grossman G. Price control, incentives and innovation in the socialism economy: The Soviet mechanism. New York, 1997.

Hayden Gr. Instrumentalist policymaking: Policy criteria in a transactional context // 1995. June, N 2.

Healey P. Collaborative planning: Shaping places in fragmented societies. Vancouver: UBC press, 1997.

Heilbroner R. Behind the veil of economics. New York: Norton, 1989.

Hirshleifer J. The expanded domain of economics // Amer. Econ. Rev. 1985. Vol. 75, December. Institutional and organizational dynamics in the post-socialist transformation: Intern.. conf. Jan. 24-25, 2002, Amiens (France) / CRIISEA. Univ. of Picardie and OEP.

Univ. of Marne-la-Vallee. Amiens, 2002.

International encyclopedia of sociology. Vol. 1, 2. London; Chicago: Salem press, 1995. International encyclopedia of the social sciences. London etc.: Macmillan: Free press,

1968. Vol. 4, A: Economic thought: The institutional school.

Kalugina Z. Paradoxes of the agrarian reform in Russia. Novosibirsk: Inst. of Economics & Industrial Engineering. SB of RAS, 1998.

Keynes J.M. The end of Laissez-Faire // The collected writings of John Maynard Keynes.

London: Macmillan, 1972. V\l. 9: Essays in Persuasion.

Keynes J.M. The general theory of employment, interests and money. London: MacMillan, 1936.

Kirdina S. The system of political institutions in Russian society: Limits of transformations // Russian sociology today. Moscow: Inst. of Sociology, 1998.

Lakatos I. History of science and its rational reconstruction // Boston Stud. Philos. Sci.. 1971. Vol. 8.

- 252 -

Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Th. I / A. Wagner. Leipzig: Jeydelberg, 1871-1872. Lensky G.E., Lenski J. Human societies: An introduction to macrosociology. 3rd ed.

London etc.: McGraw-Hill, 1978 (1970). Lie T. Sociology of markets // Annu. Rev. Sociol. 1997. Vol. 23. Loucks W.N. Comparative economic system: Philadelphia, 1938.

Loucks W.N., Hoot J.N. Comparative economic system: Capitalism, socialism, communism, fascism, cooperation. New York: Harper, 1948.

Maddison A. Chinese economic performance in the long run. Paris, 1998. Makauley S. Non-contractual relations in business: A preliminary survey // Amer. Sociol. Rev. 1963. Vol. 28, N 1. Nelson R. Recent evolutionary theorizing about economic change // J. Econ. Lit. 1995. Vol. 33, March.

Normano J. The spirit of Russian economics. New York, 1945.

North D.C. Epilogue: economic performance through time // Empirical studies in institutional change / Ed. J. Alston, T. Eggertsson, D.C. North. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1996. North D.C. Institutional change and economic history // J. Intern. and Theor. Econ. 1989. N1.

North D.C. Institutions, institutional change and economic performance.

- Cambridge: Cambridge Univ. press, 1990.
- North D.C. Structure and change in economic history. New York: Northon, 1981.
- North D.C. Structure and performance: The task of economic history // J. Econ. Lit. 1978. Vol. 16.
- Oxford English dictionary. 2nd ed. Vol. 17. Oxford: Clarendon press, 1989.
- Pareto V. Euvres completes. T. 5. Les systemes socialistes. Geneve, 1965. (Libraire DROZ).
- Parsons T. General theory in sociology // Sociology today/ Ed. by R.K. Merton, L.
- Broom, L.S. Cottrell. New York: Basic books, 1959; New York: Harper, 1965.
- Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs / (N.J.): Prentice-Hall, 1966.
- Parsons T., Smelser N. Economy and society. New York: Free press, 1956.
- Polanyi K. The economy as instituted process // Trade and market in the early empires / Ed. by K. Polanyi et al. Glencoe, 1957.
- Polanyi K. The livelihood of man. New York: Acad. press, 1977.
- Popper K.R. The poverty of historicism. New York: Harper and Row, 1964 (1957).
- Riipinen T. Energy market liberalization in the FSU - simulations with the GTAP model // Bofit Discussion Pap. / Bank of Finland. Inst. for Economics in Transition. 2003. N 12.
- Rosenberg N. Karl Marx on the economic role of science//J. Polit. Econ. 1974. Vol. 82.
- Sanchez-Andres A., March-Poquet J.M. The construction of market institutions in Russia: A view from the institutionalism of Polanyi // J. Econ. Issues. 2002. Vol. 36, N3.
- Schelling F.W. System des transzendentalen Idealismus. Hamburg: Meiner, 1957.
- Serafim H. Neuere russische Wert- und Kapitalzinstheorien. Berlin; Leipzig, 1925.
- Simmel G. Grundlagen der Sociologie. Individuum und Gesellschaft. 2. Aufl. Berlin, 1920.
- St. Thomas Aquinas. Decem libros ethicorum. Bk 1, sect. 1: Summa theologise. Па, Пае, q. 58, q. 47, 11.
- Stinchcombe A.L. Economic sociology. New York: Acad. press, 1983.
- The Penguin dictionary of sociology. London: Penguin Books, 1984.
- Toynbee A.J. A study of history. Vol. 1-12. London; New York; Toronto, 1939-1961.

- Veblen T. Theory of the Leisure class. New York, 1899.
- Wallerstain I. The modern world-system and evolut.on // J. World-System Res. 1995.
- Wallerstain I. Unthinking social science: The limits of nineteenth-century paradigms. Cambridge: Polity press, 1991.
- White I. Energy and the evolution of culture // The science of culture. New York: Grove press, 1949.
- Williamson O.E. Economic organization: Firms, markets and policy control. Beighton: Wheatsheaf, 1986.

Wittfogel K.A. Oriental despotism: A comparative study of total power.
New Haven: Yale Univ. press, 1959.

Wolf Ch. Markets and Governments. L.: Cambridge Univ. press, 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	- 3 -
БЛАГОДАРНОСТИ	- 9 -
Раздел I	
ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА	
Глава 1	
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СХЕМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ	- 12 -
1.1. Метаисторический анализ цивилизаций	- 12 -
1.2. Социокультурный подход	- 17 -
1.3. Приложение эволюционных идей (эволюционная экономика)	- 23 -
1.4. Резюме	- 28 -
Глава 2	
ПОСТСОВЕТСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ	- 30 -
2.1. Адаптация зарубежного неoinституционализма	- 30 -
2.2. Социологический институционализм Новосибирской экономико-социологической школы	- 38 -
2.3. Резюме	- 44 -
Глава 3	
ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ	- 45 -
3.1. Исходные постулаты и ограничения	- 46 -
3.2. Два типа институциональных матриц (X и Y - матрицы)	- 56 -
3.3. Коммунальность/некоммунальность материально-технологической среды как основной фактор формирования типа институциональной матрицы	- 61 -
3.4. Резюме	- 75 -
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО РАЗДЕЛУ I В ЦЕЛОМ	- 76 -
Раздел II	
БАЗОВЫЕ ИНСТИТУТЫ X- и Y-ЭКОНОМИК	
Глава 4	
X- И Y-ЭКОНОМИКИ- ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	- 79 -
4.1. Экономическая наука о двух типах хозяйственных систем	- 79 -
4.2. Системы базовых институтов X - и Y- экономик	- 88 -

4.3. Резюме	- 97 -
Глава 5 ИНСТИТУТЫ СОБСТВЕННОСТИ	
5.1. Институт частной собственности в Y- экономике	- 99 -
5.2. Институт условной верховной собственности в X-экономике (на примере земельной собственности в России)	- 102 -
5.3. Резюме	- 114 -
Глава 6 ОБМЕН И РЕДИСТРИБУЦИЯ	
6.1. Сопоставительный анализ институтов обмена и редистрибуции	- 116 -
6.2. Резюме	- 125 -
Глава 7 КОНКУРЕНЦИЯ VERSUS КООРДИНАЦИЯ И ПРИБЫЛЬ VERSUS ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ	- 126 -
7.1. Конкуренция и координация - два основных способа взаимодействия хозяйствующих субъектов	- 127 -
7.2. Прибыль и пропорциональность – механизмы "обратной связи" в X- и Y-экономиках	- 131 -
7.3. Резюме	- 135 -
Глава 8 НАЕМНЫЙ И СЛУЖЕБНЫЙ ТРУД	- 135 -
8.1. Наемный труд	- 136 -
8.2. Служебный труд	- 137 -
8.3. Резюме	- 146 -
Глава 9 X- И Y-ЭКОНОМИКИ КАК САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ СИСТЕМЫ	- 146 -
9.1. Комплементарность экономических институтов	- 147 -
9.2. Кризис перепроизводства и кризис недопроизводства - механизмы и способы преодоления	- 153 -
9.3. Цикличность развития и институциональный баланс	- 158 -
9.4. Резюме	- 161 -
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО РАЗДЕЛУ II В ЦЕЛОМ	- 162 -

Раздел III

ПРИЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ X- И Y-ЭКОНОМИК

Глава 10

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕНЬГИ, ИНВЕСТИЦИИ И НАЛОГИ - 166 -

10.1. Природа денег и инвестиций в X-экономиках - 167 -

10.2. Налоги в X- и Y-экономиках - 177 -

10.3. Резюме - 187 -

Глава 11

ТЕОРИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ:
ОПЫТ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ - 188 -

11.1. Задачи консультирования и основные методологические
принципы - 189 -

11.2. Контекстуальный анализ и предложения - 196 -

11.3. Резюме - 210 -

Глава 12

РЕТРОСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ X-ЭКОНОМИКИ В РОССИИ - 213 -

12.1. Духовная политическая экономия

Ивана Посошкова (XVIII в.) - 213 -

12.2. Русская политическая экономия Сергея Шарапова (XIX в.) - 222 -

12.3. Политическая экономия социализма (XX в.) - 225 -

12.4. Резюме - 230 -

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО РАЗДЕЛУ III В ЦЕЛОМ - 233 -

ЗАКЛЮЧЕНИЕ - 235 -

БИБЛИОГРАФИЯ - 238 -